

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 10 (43)

Academic Journal

Series:
History. Philology. Cultural Studies.
Oriental Studies

Moscow 2018

ВЕСТНИК РГГУ
№ 10 (43)

Научный журнал

Серия «История. Филология. Культурология.
Востоковедение»

Москва 2018

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. Де Барделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглессонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаكلةина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

Е.И. Пивовар, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Гиндин, зам. гл. ред., канд. филол. н., доц. (РГГУ), Г.И. Зверева, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), И.С. Смирнов, зам. гл. ред., канд. филол. н. (РГГУ), П.П. Шкаренков, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), М.Л. Андреев, д-р филол. н., проф. (ИМЛИ РАН), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Н.И. Басовская, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Г. Васильев, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Дурновцев, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.Е. Жигарина, канд. филол. н. (РГГУ), С.В. Карпенко, канд. ист. н., доц. (РГГУ), И.В. Кондаков, д-р филос. н., канд. филол. н., проф. (РГГУ), М.А. Кронгауз, д-р филол. н., проф. (РГГУ; РАНХиГС); Г.Н. Ланской, д-р ист. н. (РГГУ), Д.М. Магомедова, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Ю.В. Манн, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), И.Г. Матюшина, д-р филол. н. (РГГУ), А.Н. Мещеряков, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.Ю. Неклюдов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), М.П. Одесский, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Н.И. Рейнгольд, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Р.И. Розина, д-р филол. н. (РГГУ; ИРЯ РАН), Н.Р. Сумбатова, д-р филол. н. (РГГУ), Я.Г. Тестелец, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.И. Тюпа, д-р филол. н., проф. (РГГУ), П.Ю. Уваров, чл.-корр. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), В.И. Уколова, д-р ист. н., проф. (РГГУ; МГИМО (У) МИД России), А.С. Усачев, д-р ист. н., доц. (РГГУ), И.О. Шайтанов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.А. Яценко, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Ответственный за выпуск: П.Н. Лебедев, канд. ист. н. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Человек и общество в цивилизациях древности и Средних веков

<i>Р.В. Заратин</i> Миф о Тифоне и его трансформация в эпоху эллинизма	9
<i>П.Н. Лебедев</i> Образ Марка Аврелия в раннехристианской литературе	16
<i>О.В. Ауров</i> Литургия в системе политической пропаганды в Толедском королевстве вестготов	25
<i>О.С. Силина</i> Роль английских миноритов в канонизационных процессах XIII – начала XIV в.	36
<i>А.А. Новикова</i> Погром пражского еврейства 1389 г. и его описание в литургии Авиغدора Каро и «Страстях евреев Пражских»	45
<i>Е.Д. Браун</i> Войны Роз в «Истории Ричарда III» Томаса Мора	54

Личность, общество и власть в XVI–XX веках

<i>М.В. Кущева</i> Образ Генриха де Гиза во французской историографии XIX в.	66
<i>С.Б. Беленький</i> Образ Междуцарствия как «ужасного времени без императора» у Фридриха Шиллера и его влияние на немецкую медиевистику XIX в.	76
<i>М.С. Третьякова</i> Еврейские салоны в фокусе аккультурации евреев Пруссии на рубеже XVIII–XIX вв.	86

<i>В.Г. Корнелюк</i> Положение беженцев из Беларуси в центральных губерниях России в годы Первой мировой войны (1915–1917 гг.)	96
<i>М.А. Андреев</i> К вопросу об организации и деятельности Комиссии по заграничным командировкам Народного комиссариата по просвещению РСФСР (1921–1923 гг.)	106
<i>Н.В. Ростиславлева</i> Макс Вебер о факторах «достойного мира» (1916–1919)	119
<i>О.В. Саприкина</i> Использование национальных символов при проведении славянских съездов в XIX в.	131
<i>И.А. Женин</i> «Акция против негерманского духа» 1933 г. как коммеморативный ритуал	143

CONTENTS

The person and society in the civilizations of the Antiquity and the Middle Ages

<i>R. Zarapin</i>	
Myth of Typhon and its transformation in Hellenistic times	9
<i>P. Lebedev</i>	
The image of Marcus Aurelius in the early Christian literature	16
<i>O. Aurov</i>	
Liturgy in the System of Political Propaganda in the Visigothic Kingdom of Toledo	25
<i>O. Silina</i>	
Role of English Franciscans in the canonization processes in the 13th – early 14th centuries	36
<i>A. Novikova</i>	
Pogrom of Prague Jewry of 1389 and its depiction in liturgy by Avigdor Karo and in “Passions of Jews of Prague”	45
<i>E. Braun</i>	
The Wars of the Roses in Thomas More’s “History of Richard III”	54

The person, society and power in the XVI–XX centuries

<i>M. Kushcheva</i>	
Image of Henri, Duke of Guise in French historiography of the 19th century	66
<i>S. Belen’kii</i>	
The image of the Interregnum period as Friedrich Schiller’s “Schreckliche, kaiserlose Zeit” and its role in German Medieval studies of 19 th century	76
<i>M. Tretyakova</i>	
Jewish salons in the focus of Acculturation of Prussian Jews at the turn of 18 th –19 th centuries	86

<i>V. Korneljuk</i>	
The Plight of Refugees from Belarus in the Central Provinces of Russia during the First World War (1915–1917)	96
<i>M. Andreev</i>	
About the organization and activity of the Commission on foreign scientific trips of the People's Commissariat for Education of the RSFSR(1921–1923)	106
<i>N. Rostislavleva</i>	
Max Weber about Factors of “Worthy Peace” (1916–1919)	119
<i>O. Saprikina</i>	
The use of national symbols in the conduct of Slav Congresses in the XIXth century	131
<i>I. Zhenin</i>	
“Action against the non-German spirit” in 1933 as a commemorative ritual	143

Человек и общество в цивилизациях древности и Средних веков

УДК 82(38)-343

Миф о Тифоне и его трансформация в эпоху эллинизма

Роман В. Зарапин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, rzarapin@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется первоначальная, восходящая к Гомеру и Гесиоду версия мифа о Тифоне, а также ее версия, получившая отражение в «Мифологической библиотеке» и других произведениях эпохи поздней античности.

Автор доказывает, что новые сюжеты, появившиеся в мифе в V–IV вв. до н. э., были связаны с попытками греков обосновать свое право на власть в Египте. Тот вариант мифа, который сохранен в «Мифологической библиотеке» Псевдо-Аполлодора, призван обосновать власть Птолемеев в Египте, а также, возможно, продемонстрировать их внешнеполитические устремления и подчеркнуть имперский характер своей власти.

Ключевые слова: эллинизм, Аполлодор, Тифон, Зевс, античная мифология, империя, Древняя Греция

Для цитирования: Зарапин Р.В. Миф о Тифоне и его трансформация в эпоху эллинизма // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43). С. 9–15.

Myth of Typhon and its transformation in Hellenistic times

Roman V. Zarapin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
rzarapin@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the original the version of the myth about Typhon, dating back to Homer and Hesiod, as well as its version, which was reflected in the *Bibliotheca mythologica* (Mythological Library) and other works of the Late Antiquity.

The author argues that new details appeared in the myth in the 5th – 4th centuries BC were connected with Greek attempts to strengthen their power in Egypt. The version of the myth that is preserved in the Pseudo-Apollodorus Mythological Library is intended to substantiate the power of the Ptolemies in the country and perhaps to demonstrate their foreign policy aspirations and emphasize the imperial character of their power.

Keywords: hellenism, Apollodorus, Typhon, Zeus, Greek mythology, empire, Ancient Greece

For citation: Zarapin RV. Linguistic Culturology as a Culturology. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*, 2018;10:9-15.

Введение

Важнейшим фактором формирования общественного сознания в традиционном социуме является мифология. По мере развития общества большую роль начинают играть мифы, имеющие политическое значение. Исследование изменения сюжетов подобных мифов позволяет более полно раскрыть механизм трансформации общества.

Эллинистическая мифология характеризуется в первую очередь созданием синкретических культов, таких, как, например, культ Сараписа, который по некоторым данным происходит из Малой Азии. Однако в это время продолжается поклонение традиционным греческим и египетским богам, которые под влиянием текущих факторов меняют свои функции. Одним из таких божеств

является известным еще грекам гомеровской эпохи Тифон, который занял достаточно важное место в религиозных представлениях жителей эллинистического мира.

Традиционная версия мифа о Тифоне

Изначально хтоническое божество, олицетворение подземных стихий, Тифон выполнял функцию объяснения природы вулканической активности. Он был упомянут еще Гомером (*Нот.* II.2.781–783), описан Гесиодом и в качестве отца немейского льва, лернейской гидры и Кербера занял свое место в цикле мифов о Геракле. Его борьба с Зевсом за власть над миром описана Гесиодом схематически, без упоминания конкретных мест; сказано лишь, что он был поражен молнией и сброшен в Таргар, где и продолжает находиться.

В эпоху предэллинизма роль Тифона в мифологии не меняется, но древняя история обрастает некоторыми подробностями и привязывается к конкретной местности. Пиндар (*Рyth.* 1) упоминает о киликийском происхождении Тифона и указывает, что он покоится под Этной (Гомер упоминал в этой связи некую страну Аримов). Безусловно, это может свидетельствовать лишь о том, что греки стали лучше представлять себе географию Средиземноморья. Таким образом, мы видим, что эта история для греков считалась завершенной: в олимпийский период хтоническое божество не привлекало к себе внимания и, по всей видимости, оставалось на периферии религиозного сознания.

Эллинистическая версия мифа о Тифоне

В эпоху эллинизма миф о Тифоне переживает второе рождение. Во II в. до н. э. появляется знаменитая «Мифологическая библиотека», создателем которой долгое время считали Аполлодора, прожившего долгое время в Александрии (он учился у хранителя Александрийской библиотеки Аристарха Самофракийского). Здесь миф обрастает еще более показательными подробностями. Автор рассказывает о противостоянии между Тифоном и Зевсом, упоминая, что все остальные олимпийские боги, испугавшись чудовища, бежали в Египет, превратившись там, в целях большей безопасности, в животных (*Apollod.* I.6.3). Смысл этого эпизода, судя по всему, был понятен еще древним авторам; во всяком случае, Лукиан в работе

«О жертвоприношениях» связывает эту историю с необходимостью объяснения зооморфного характера египетских богов (*Luc. De sacra.* 14): «бараньеголовый» Зевс ассоциируется с Амоном или Хнумом, «собакоголовый» Гермес – с Анубисом и т. д.

Появление этого сюжета, вне всякого сомнения, следует связать не только с расширившимися географическими представлениями греков (в гомеровские времена их знания о Египте были более чем приблизительными), но и с определенным интересом к египетским и персидским делам, проявившимся еще во время греко-персидских войн и событий IV в. до н. э. Еще во времена Саисского возрождения в Египте существовала греческая колония Навкратис [1], и поселенцы, а также торговцы из материковой Греции продолжали ехать туда даже после завоевания Египта персами. В середине V в. до н. э. греки поддержали восстание Инара, что также свидетельствовало об их устойчивом интересе к событиям в данном регионе. Таким образом, стремление связать египетский и греческий пантеоны богов нельзя считать случайным.

Во второй книге «Мифологической библиотеки» описывается ранняя история Египта. В представлении автора греки были египетскими царями, поскольку Ио вышла замуж за местного правителя Телегона, а ее сын Эпаф сам стал править над египтянами (*Apollod.* II.1.3–4). Среди потомков Эпафа автор «Мифологической библиотеки» называет Египта и Даная, причем последнего он описывает еще и как царя Аргоса. Этот эпизод нельзя объяснить ничем иным, кроме притязаний греков на власть во всем Восточном Средиземноморье. Сходного мнения в связи с сюжетом об Эпафе придерживался и Роберт Грейвс [2 с. 282].

В современной исторической науке авторство Аполлодора принято ставить под сомнение, так как в тексте содержится отсылка к труду Кастора Родосского, жившего в I в. до н. э. (*Apollod.* II.1.3). Не спеша присоединяться к этому мнению, тем более что его разделяют не все исследователи, да и советское издание «Мифологической библиотеки» называет автором Аполлодора [3], мы можем сказать, что такой текст вряд ли мог быть создан без использования материалов, накопленных к тому времени в Александрийской библиотеке. Разумеется, обосновать тезис о том, что Птолемеи как-то содействовали созданию такой версии мифа, нельзя, но, очевидно, подобные представления распространились среди греков и эллинизированного населения стран Востока.

Следует обратить внимание, что именно в начале II в. до н. э. Птолемеи переходят к практике двойного провозглашения своего права на царство. Если первые Лагиды довольствовались совер-

шенно греческой по происхождению и духу церемонией аккламации¹, то в 196 г. до н. э. в Мемфисе церемония интронизации проходит уже по египетскому обряду; информация об этом содержится в знаменитой надписи на Розеттском камне.

Привязка этой церемонии к Мемфису находит интересную параллель в новой версии мифа о Тифоне. Аполлодор (или иной автор) пишет, что название этого города происходит от имени Мемфиды – жены Эпафа, сына Зевса и Ио. Здесь речь уже не может идти о простом совпадении. Примеров подобной «наивной этимологии» в истории множество – Рим, по одной из версий, был назван по имени некоей Ромы (например, *Plut. Rom.* 1–2); область Лаций – от Латина (*Hes. Theog.* 1013; *Dion. Halic.* I.9.3; I.44.3; *Verg. Aen.* VII.47) и т. д., – и они так или иначе были призваны обосновать чье-то право на власть. Необходимо учитывать, что борьба за Мемфис сыграла важную роль в самом процессе утверждения власти Птолемеев в Египте [4].

Стоит обратить внимание и на географию противоборства Зевса и Тифона, отраженную в «Мифологической библиотеке». Решающие битвы между ними, согласно мифу, проходили на горе Касия и на Гемийском хребте во Фракии, где Тифон и был окончательно повержен. Можно ли считать случайным совпадением тот факт, что именно указанные районы были предметом внешнеполитических притязаний Птолемеев? Расположенная в северной части Сирии гора Касия считалась своеобразным ближневосточным аналогом Олимпа, а культ почитавшегося там финикийского бога Цапану стал одним из источников сформировавшегося в эпоху эллинизма синкретического культа Зевса Касийского (подробнее о пребывании греков в этом регионе см. [5 с. 259–261]). Важность этого района в эллинистическом мире подчеркивается тем фактом, что в окрестностях горы Селевк Никатор основал город Селевкия Пиерия – один из центров своей державы. Стоит вспомнить, что в промежутке между Третьей и Четвертой Сирийской войной (241–219 гг. до н. э.) этот город принадлежал Птолемеям. Поиски своего сына Эпафа Ио вела в Финикии, также являвшейся предметом раздора во время Сирийских войн.

«Мифологическая библиотека» – не единственный пример литературного произведения, содержащего информацию о внешнеполитических притязаниях ранних Лагидов. Можно вспомнить XVII идилию Феокрита, которая долгое время являлась основным ис-

¹ Применительно к Птолемею V Эпифану об этом прямо пишет Полибий (*Polyb.* XVIII.55).

точником информации о внешних владениях Птолемеев. Правда, Феокрит находился под прямым покровительством Птолемея II Филадельфа, а значит должен был учитывать мнение царя.

Вулкан Этна, под которым согласно мифу лежит поверженный Тифон, не имеет отношения к державе Лагидов, но он и появляется в мифе задолго до эпохи эллинизма – очевидно, во время Великой греческой колонизации, когда первые ойкисты прибыли на Сицилию. Некоторые сомнения вызывает Киликия – регион, откровенно говоря, не сыгравший в истории древности сколько-нибудь заметной роли. Безусловно, Тифон мог иметь киликийское происхождение, но нельзя забывать, что и этот регион в III в. до н. э. принадлежал Птолемеям, а значит, в его упоминании тоже можно рассмотреть геополитические мотивы.

Заключение

Таким образом, миф о Тифоне в эпоху предэллинизма и раннего эллинизма начинает трансформироваться с тем, чтобы обосновать право греков на владение Египтом. Для Птолемеев, которые в начале II в. до н. э. приходят к идее о необходимости греко-египетского синтеза в обосновании своей власти над страной, необходимость в таком мифе вполне очевидна. По всей видимости, новый вариант мифа возник в среде александрийских греков, в минимальной степени соприкасавшихся с коренным населением страны. Эллинизированная часть населения Египта, очевидно, опиралась в своих представлениях на иные мифологические источники, в частности, миф о Сараписе – синкретическом божестве, сочетавшем в себе эллинские, египетские, а также, возможно, малоазийские черты. Неэллинизированные египтяне, которые в III–II вв. до н. э. составляли основную часть населения страны, опирались в своем видении власти Птолемеев на чисто египетскую традицию, основой которой была описанная в надписи на Розеттском камне коронация в Мемфисе.

Все это позволяет задуматься об имперском характере власти Птолемеев. Именно для этого типа государств показательно наличие ряда церемоний, призванных подчеркнуть законный характер власти, – своих для каждой из основных этнических групп. Унаследовав от Александра Македонского идею «единства народов», Лагиды сочетали греческие и местные традиции даже в своей иконографии: вполне греческие по духу изображения Птолемеев на монетах совершенно не соотносились с их же традиционными египетскими изображениями в качестве фараонов на стенах храмов –

таких, как храм Гора в Эдфу или храм в Ком-Омбо. Описанная в «Мифологической библиотеке» версия мифа о Тифоне, по нашему мнению, может служить одной из идейных основ, утверждающих для греческого мира законность власти Птолемеев над Египтом и другими странами Восточного Средиземноморья.

Литература

1. *Roebuck C.* The Organization of Naucratis // *Classical Philology*. 1935. Vol. 46. P. 212–220.
2. *Грејвс Р.* Мифы Древней Греции. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 1008 с.
3. *Аполлодор.* Мифологическая библиотека / Пер. В.Г. Борухович. Л.: Наука, 1972. 216 с.
4. *Литвиненко Ю.Н.* Сатрап Птолемей и Сострат Книдский: захват Мемфиса // Вестник древней истории. 1999. № 2. С. 32–49.
5. *Fox R.L.* Travelling Heroes. New York: Alfred A. Knopf, 2009. 465 p.

References

1. *Roebuck C.* The Organization of Naucratis. *Classical Philology*. 1935;46:212-20.
2. *Graves RR.* The Greek Myths. Ekaterinburg: U-Faktoriya Publ.; 2005. 1008 p. (In Russ.)
3. *Apollodorus.* Bibliotheca. Leningrad: Nauka Publ.; 1972. 216 p. (In Russ.)
4. *Litvinenko JN.* Ptolemy the Satrap and Sostratus of Cnidus. The Conquer of Memphis. *Journal of Ancient History*. 1999;2:32-49. (In Russ.)
5. *Fox R L.* Travelling Heroes. New York: Alfred A. Knopf Publ.; 2009. 465 p.

Информация об авторе

Роман В. Зарапин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; rzarapin@mail.ru

Information about the author

Roman V. Zharapin, Ph.D. in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; rzarapin@mail.ru

Образ Марка Аврелия в раннехристианской литературе

Павел Н. Лебедев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lebedevp235@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается трансформация образа Марка Аврелия в христианской литературе II–V вв.: от защитника христиан до их преследователя. В апологетических произведениях II–III вв. формируется образ философа, благожелательно настроенного по отношению к христианству. Значительная группа апологий адресована непосредственно Марку Аврелию, что можно рассматривать как свидетельство положительного отношения к данной персоне. В сочинении Тертуллиана приводится история чудесного спасения XII Молниеносного легиона во время похода Марка Аврелия против маркоманнов благодаря молитвам воинов-христиан.

Изменение отношения к Марку Аврелию в раннецерковной историографии IV–V вв. связано с постепенным отходом от римской и раннехристианской традиции и возрастанием акцента на истории мученичества. Евсевий Кесарийский для того, чтобы совместить положительное мнение Тертуллиана со сведениями о преследовании лионских и виенских мучеников (177 г.), переносит ответственность за последнее на брата Марка Аврелия. У более поздних авторов, таких как Павел Орозий и Аврелий Августин, Марк Аврелий уже называется гонителем без каких-либо оговорок.

Ключевые слова: Марк Аврелий, образ, апологетика, Евсевий Кесарийский, Лактанций

Для цитирования: Лебедев П.Н. Образ Марка Аврелия в раннехристианской литературе // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43). С. 16–24.

The image of Marcus Aurelius in the early Christian literature

Pavel N. Lebedev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
lebedevp235@gmail.com*

Abstract. The paper presents a study of the transformation of the image of Marcus Aurelius in the Christian literature of the 2nd – 5th centuries: from the protector of Christians to their persecutor. The apologists of the 2nd – 3^d centuries constructed the image of the emperor-philosopher with positive attitude towards Christianity. A significant group of apologies were addressed directly to Mark Aurelius, what can be considered as evidence of a positive attitude towards that person. Tertullian tells the story of a miraculous saving of the Legio XII Fulminata during the campaign of Marcus Aurelius against Marcomann's war thanks to the Christian soldiers prayings.

Changing attitudes towards Marcus Aurelius among the early church historians of the 4th–5th centuries is associated with the gradual shift away from the Roman and early Christian traditions and the increasing emphasis on the history of martyrdom. Eusebius of Caesarea in order to combine the positive opinion of Tertullian with reports about the persecution of the Lyon and Vienna martyrs (177) transfers the responsibility for the latter to Marcus Aurelius brother. In later authors, such as Paul Orozii and Aurelius Augustine, Marcus Aurelius is already called the persecutor without any reservations.

Keywords: Marcus Aurelius, image, apologetics, Eusebius of Caesarea, Lactantius

For citation: Lebedev PN. The image of Marcus Aurelius in the early Christian literature. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*, 2018;10:16-24.

Введение

Император Марк Аврелий в античной историографии вместе с другими представителями династии Антонинов традиционно изображался в ряду наилучших императоров. Раннехристианские апологеты II–III вв. также высоко оценивали деятельность прави-

теля-философа и обращались к нему за защитой со страниц своих произведений. Совсем другой тон звучит в раннецерковной историографии IV–V вв., которая обвиняет Марка Аврелия в преследовании христиан и называет его виновником смерти христианских мучеников.

Хотя на период правления Марка Аврелия (161–180 гг.) приходится казнь известного христианского писателя Иустина (165 г.) и мучеников в Лионе и Виенне (177 г.), большинство исследователей разделяет мнение, что специальных указов о преследовании христиан в этот период принято не было [1 р. 340–341; 2 р. 256–258; 3 с. 11; 4 р. 208]. На увеличение масштаба локальных преследований, вероятно, оказали влияние другие мероприятия императора и не упоминавшие специально христиан эдикты (например, предписывавшие совершать жертвоприношения традиционным богам).

Вопрос о положении христиан во II в. хорошо изучен в историографии. Однако исследование взаимоотношений христианства и Рима обычно отодвигает на второй план вопрос об особенностях исторических концепций первых апологетов и сравнении их с более зрелой раннецерковной историографией. В настоящей статье предлагается рассмотреть историю трансформации образа Марка Аврелия от благожелательно настроенного к христианству императора до преследователя и гонителя. В данном контексте не имеет принципиального значения вопрос об историчности описываемых в источниках событий, так как в центре внимания будет именно эволюция представлений христианских авторов.

Апологеты о Марке Аврелии

Именно во II в. появляются первые христианские апологии, авторы которых стремились преодолеть отчуждение между новой религией и римским миром. Ряд сочинений формально адресован императорам: Аристид обращается к императору Адриану, Иустин – Антонину Пию, Афинагор и Мелитон – Марку Аврелию. В современной историографии все чаще высказывается мнение, что основная целевая аудитория апологетика находится не за пределами христианских общин, и обращенность произведений к читателям-язычникам не должна восприниматься как однозначное указание на предполагаемого адресата произведений [5 р. 20–21; 6 р. 8–9; 7 р. 13–17]. Однако сам факт появления литературных произведений, формально адресованных римским императорам, является примечательным. Подобный выбор литературной формы помещал

христиан в контекст сложившейся в I–II вв. системы отношений между императором как всеобщим патроном и населением Римской империи.

В контексте настоящей статьи следует подчеркнуть, что Евсевий Кесарийский в «Церковной истории» упоминает в числе апологий, адресованных Марку Аврелию, помимо сочинений Мелитона и Афинагора, не дошедшие до нас произведения епископа Иерапольского Аполлинария и Мильтиада (*Eus. Hist. Eccl.* 4.26.1, 27.1; 5.17.5). По мнению А.Д. Пантелеева, подобное возрастание активности апологетов может указывать на интенсификацию преследований [8 с. 91] и на желание христиан «внести ясность в их правовое положение» [3 с. 12]. С учетом вышеизложенных соображений о внутрехристианской целевой аудитории апологий более вероятной представляется мысль о стремлении христианских интеллектуалов ответить на волновавшие самих христиан вопросы о взаимоотношениях новой религии и римской действительности.

Судя по всему, фигура Марка Аврелия была сочтена вполне подходящей для решения проблемы самоопределения. Важно заметить, что апологеты обращаются к императору как философу. Афинагор Афинский также излагает свою защитительную речь императорам Марку Аврелию и его сыну Коммоду «прежде всего как философам» (τὸ δὲ μέγιστον φιλοσόφοις; *Athen. Leg.* 1). О любви данного императора к философии упоминает и епископ Мелитон из Сард: «ты и более человеколюбив, и более предан философии [чем твой отец]» (καὶ πολὺ γὰρ φιλεῖς τὸν ἄνθρωπον καὶ φιλοσοφώτερον; *Eus. Hist. Eccl.* IV.26.11). Эта тенденция вписывается в общее для христианских авторов II в. стремление представлять свое учение как философскую школу и доказывать несправедливость преследования христиан на фоне терпимости к представителям других философских направлений.

В реальности представить подобный диалог между философом-императором и философом-христианином практически невозможно, так как со времен рескрипта Траяна сам факт принадлежности к христианству считался достаточным основанием для смертной казни (*Plin.* Ep. 10.97). Однако в апологиях римские императоры в основном изображаются благожелательно настроенными по отношению к христианству, а врагами вслед за римской исторической традицией называются только «плохие» императоры – Нерон и Домициан (*Eus. Hist. Eccl.* 4.26.9; *Tert. Apol.* 5.3–4, *Ad Nat.* 1.7). Марк Аврелий особо выделяется среди «хороших» императоров в сочинении «Апологетик» североафриканского богослова Тертуллиана: «Мы, напротив, можем представить защитником (protес-

torem) Марка Аврелия, императора, пользующегося наивысшим уважением (*gravissimi imperatoris*), если будет обнаружено его письмо, в котором он подтверждает, что известную засуху [во время похода] в Германию прекратил ливень, вызванный молитвами воинов-христиан» (*Tert. Apol.* 5.6)¹. Историю о чудесном спасении XII Молниеносного легиона, судя по сведениям Евсевия Кесарийского, описал также другой христианский апологет Аполлинарий (*Eus. Hist. Eccl.* 5.5.3–4). Признавая особый авторитет Марка Аврелия, христианские авторы оказывались в общем русле с античной традицией, которая выделяла этого «наилучшего» императора (*Dio* 72.36.4, *Herod.* 2.10.3).

Раннецерковная историография о Марке Аврелии

Развитие христианской исторической мысли во II–III вв. привело к рождению собственно христианской историографии в IV в., когда создаются сочинения Лактанция «О смерти гонителей» (ок. 314–315 гг.) и «Церковная история» (ок. 323–325 гг.) Евсевия Кесарийского. В этих масштабных работах было дано описание предшествующей истории церкви и предложены общие модели ее интерпретации. История взаимоотношений христианства и Римской империи претерпела существенные изменения, которые коснулись и оценки деятельности Марка Аврелия.

Примечательно, что в произведении «О смерти гонителей» данный император не упоминается по имени. По замечанию В.М. Тюленева, история у Лактанция спрессовывается для демонстрации главной идеи о неотвратимости божественного возмездия гонителям христианства [12, с. 127–128]. Между ужасами при Нероне и Домициане в I в. и гонением Деция в середине III в. оказывается период, «когда кормило управления Римской империей было в руках у многих хороших принцевов (*multi ac boni principes*)» (*Lact. De Mort.* 3.4). Церковь при этих остающихся безымянными правителях, в число которых попадают все представители династии Антонинов, процветает и распространяется по империи.

У Евсевия Кесарийского в повествовании о ходе церковной истории конструируется непрерывная череда мученичеств, постоянное воспроизведение которых было «призвано утвердить мысль, что церковь в течение всей эпохи от Христа до Великого

¹ Истории чудесного спасения XII Молниеносного легиона посвящен ряд специальных исследований. См., напр.: [9–11].

гонения оставалась достойной наследницей апостолов» [13, с. 91]. Мученичества происходят в периоды гонений со стороны «дурных» императоров (например Нерона, Домициана, Траяна и т. д.) и прекращаются при «хороших» императорах (Адриане, Антонине Пие и т. д.). Фигура Марка Аврелия в «Церковной истории» показательно раздваивается, так как автору приходится совмещать рассказ о лионских и виеннских мучениках с традиционным для античной историографии представлением о «наилучшем» императоре и историей о чуде с Молниеносным легионом, приведенной у Тертуллиана и Аполлинария. В итоге у Евсевия виновником гибели мучеников в Лионе оказывается Антонин Вер (*Eus. Hist. Eccl.* 5.1.47; 5.4.3), а свидетелем чуда с Молниеносным легионом – его брат Марк Аврелий (*Eus. Hist. Eccl.* 5.5.1). В действительности брат Марка Аврелия по имени Луций Вер умер в 169 г., задолго до трагических событий в Лионе и Виенне (177 г.).

Этот казус в историографии объясняется различным образом. Например, Р. Грант посчитал действия Евсевия намеренным искажением истории в угоду восхищавшемуся Марком Аврелием Константину Великому [14 р. 416]. По мнению Т. Барнса, «предполагать намеренную фальсификацию истории ради политических целей было бы жестоким» [15 р. 137]. Как считает данный исследователь, автор «Церковной истории» знал о периоде соправления двух сыновей Антонина Пия и под влиянием свидетельств Аполлинария и Тертуллиана о чуде с легионом во время похода Марка Аврелия пришел к гипотезе о том, что братья разделяли противоположное отношение к христианству. Аналогичной точки зрения придерживается М. Сейдж, признающий «раздвоение» Марка Аврелия следствием попытки Евсевия разрешить противоречие между сведениями из «Послания о лионских и виеннских мучениках» и «Апологетика» Тертуллиана [9 р. 109]. В пользу этой позиции может косвенно свидетельствовать непосредственное соседство в «Церковной истории» рассказа о мучениках и чуде с XII Молниеносным легионом.

В «Истории против язычников» (416–417 гг.) Павла Орозия рассказ о чуде уже не препятствует однозначно говорить о гонениях, инициированных Марком Аврелием: «По его приказу как в Азии, так и в Галлии были начаты суровые гонения на христиан, уже четвертые после Нерона» (*Oros. Hist.* 7.15.4). «О граде Божьем» (426 г.) Аврелия Августина также показывает закрепление негативного образа Марка Аврелия: данный император называется четвертым в ряду гонителей христиан (после Нерона, Домициана и Траяна; *Aug. De Civ. Dei* 18.52). Хотя Августин и спорит с концеп-

цией 10 гонений (считая, что их было больше), но не сомневается, что все перечисленные лица были гонителями.

Заключение

Таким образом, образ Марка Аврелия претерпел в христианской литературе II–V вв. значительную трансформацию: от защитника христиан до их преследователя. Апологеты II–III вв. стремились сгладить противоречия между христианством и римским миром, так что «хорошие» императоры оказывались на страницах христианских сочинений союзниками христиан. По мере же становления и развития церковной историографии формировались собственно христианские исторические концепции. В рамках новых моделей история мученичеств и преследований оказалась более весомой, чем прежняя традиция. Казнь лионских и виенских мучеников, произошедшая во время правления Марка Аврелия, неизбежно определяла этого императора на роль гонителя христиан.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках гранта «Псевдоисторическая реальность» и модусы исторического нарратива в сочинениях греческих авторов II в. до н. э. – III в. н. э.» (проект № 17-31-01061-ОГН).

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “Pseudo-historical reality and modes of historical narrative in the works of Greek authors of II BCE – III CE”, no. 17-31-01061-ОГН.

Литература

1. *Keresztes P.* Marcus Aurelius a Persecutor? // *The Harvard Theological Review.* 1968. Vol. 61. № 3. P. 321–341.
2. *Birley A.* Marcus Aurelius: A Biography. London: Routledge, 2000. 320 p.
3. *Пантелеев А.Д.* Христианское мученичество: История явления и жанра // Ранние мученичества: Переводы, комментарии, исследования. СПб.: Гуманитарная книга, 2017. С. 5–30.
4. *Edwards M.* Religion in the Age of Marcus Aurelius // *A Companion to Marcus Aurelius* / Ed. by M. van Ackeren. Malden, MA; Oxford: Wiley–Blackwell, 2012. P. 200–216.
5. *MacMullen R.* Christianizing the Roman Empire (A.D. 100–400). New Haven, London: Yale University Press, 1984. 183 p.

6. *Edwards M. et al.* Introduction: Apologetics in the Roman World // Apologetics in the Roman Empire: Pagans, Jews, and Christians / Ed. by M. Edwards, M. Goodman, S. Price. Oxford: Clarendon Press, 1999. P. 1–14.
7. *Jacobsen A.-C.* Apologetics and Apologies – Some Definitions // Continuity and Discontinuity in Early Christian Apologetics / Ed. by J. Ulrich, A.-C. Jacobsen, M. Kahlos. Frankfurt a/M: Peter Lang, 2009. P. 5–21.
8. *Пантелеев А.Д.* Христианство в Римской империи во II–III вв.: К проблеме взаимоотношений новых религиозных течений и традиционного общества и государства: Дис. ... канд. ист. наук [Электронный ресурс]. СПб., 2004. 266 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/01002740030> (дата обращения 21 авг. 2018).
9. *Sage M.M.* Eusebius and the Rain Miracle: Some Observations // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1987. Bd. 36. H. 1. P. 96–113.
10. *Пантелеев А.Д.* Молниеносный легион: христианская легенда и реальность // Вестник СПбГУ. 2007. Серия 2: История. № 3. С. 143–149.
11. *Kovács P.* Marcus Aurelius' Rain Miracle and the Marcomannic Wars. Leiden; Boston: Brill, 2009. 301 p.
12. *Тюленев В.М.* Лактанций: христианский историк на перекрестке эпох. СПб.: Алетея, 2000. 319 с.
13. *Кривушин И.В.* Ранневизантийская церковная историография. СПб.: Алетея, 1998. 300 с.
14. *Grant R.M.* The Case against Eusebius, or, Did the Father of History write History? // *Studia Patristica*. 1975. Vol. 12. P. 413–421.
15. *Barnes T.D.* Constantine and Eusebius. Cambridge: Harvard University Press, 1981. 458 p.

References

1. Keresztes P. Marcus Aurelius a Persecutor? *The Harvard Theological Review*. 1968;3:321-41.
2. Birley A. Marcus Aurelius: A Biography. London: Routledge Publ.; 2000. 320 p.
3. Panteleev AD. Christian martyrdom: History of the phenomenon and genre. V: *Early martyrdom. Translations, comments, research*. Sankt-Peterburg: Gumanitarnaya kniga, 2017. p. 5-30. (In Russ.)
4. Edwards M. Religion in the Age of Marcus Aurelius. V: Ackeren M., van., ed. *A Companion to Marcus Aurelius*. Malden, MA; Oxford: Wiley–Blackwell Publ.; 2012. p. 200-16.
5. MacMullen R. Christianizing the Roman Empire (A.D. 100–400). New Haven, London: Yale University Press, 1984. 183 p.
6. Edwards M. et al. Introduction: Apologetics in the Roman World. V: Edwards M., Goodman M., Price S., eds. *Apologetics in the Roman Empire: Pagans, Jews, and Christians*. Oxford: Clarendon Press, 1999. p. 1-14.

7. Jacobsen AC. Apologetics and Apologies – Some Definitions. V: Ulrich J., Jacobsen AC., Kahlos M., eds. *Continuity and Discontinuity in Early Christian Apologetics*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. p. 5-21.
8. Pantelev AD. Christianity in the Roman Empire in 2nd - 3d centuries A.D. Towards an issue of the relationship of the new religious trends and traditional society with the state. PhD thesis [Internet]. [dis. ... kand. ist. nauk]. Sankt-Peterburg, 2004. 266 p. [data obrashcheniya 21 Aug. 2018]. URL: <https://dlib.rsl.ru/01002740030> (In Russ.)
9. Sage M.M. Eusebius and the Rain Miracle: Some Observations. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1987;1:96-113.
10. Pantelev AD. Legio Fulminata: the christian legend and reality. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2: History*. 2007;3:143-49. (In Russ.)
11. Kovács P. Marcus Aurelius' Rain Miracle and the Marcomannic Wars. Leiden; Boston: Brill Publ.; 2009. 301 p.
12. Tyulenev VM. Lactantius: A Christian historian at the crossroad of eras. Sankt-Peterburg: Aleteiya Publ.; 2000. 319 p. (In Russ.)
13. Krivushin IV. Early Byzantine Church Historiography. Sankt-Peterburg: Aleteiya Publ.; 1998. 300 p. (In Russ.)
14. Grant RM. The Case against Eusebius, or, Did the Father of History write History? *Studia Patristica*. 1975;12:413-21.
15. Barnes TD. Constantine and Eusebius. Cambridge: Harvard University Press, 1981. 458 p.

Информация об авторе

Павел Н. Лебедев, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; lebedevp235@gmail.com

Information about the author

Pavel N. Lebedev, PhD in History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; lebedevp235@gmail.com

Литургия в системе политической пропаганды в Толедском королевстве вестготов

Олег В. Ауоров

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия, olegaurov1@yandex.ru;*

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, olegaurov1@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается роль литургии как средства политической пропаганды в Толедском королевстве вестготов, существовавшем во второй половине VI – начале VIII века на территории бывших испанских провинций Поздней Римской империи, а также провинции Нарбоннская Галлия. Так называемая «готская», или «мосарабская», литургическая традиция в своей основе сложилась в период поздней античности и получила дальнейшее развитие в эпоху Толедского королевства. В качестве основных источников в статье использованы поздние (VII век) редакции ряда испанских богослужебных текстов – служебника (“Liber Ordinum”), леонский антифоний и гимнарий (“Hymnodia Gothica”). Привлекалась также информация, содержащаяся в постановлениях толедских соборов, и «История короля Вамбы», написанная выдающимся политическим и церковным деятелем Юлианом Толедским (ок. 642–690). Подчеркивается, что в условиях крайней нестабильности, свойственной политической организации Толедского королевства на протяжении значительной части его истории, существенно возросла роль политической пропаганды как средства поддержания авторитета королевской власти. основополагающая роль Церкви в этой сфере определялась не только разработками в сфере политической теории, осуществлявшимися наиболее образованными представителями духовенства, но и значением литургии как средства утверждения важнейших политических идей в сознании широких масс верующих, представлявших все слои христианского общества. В конечном итоге следствием этой деятельности Церкви являлось сохранение позитивного образа королевской власти, в определенной мере компенсировавшее слабость политической системы.

Ключевые слова: Толедское королевство вестготов, Церковь, готская литургия, королевская власть, политическая пропаганда, поздняя античность, раннее Средневековье, Юлиан Толедский

Для цитирования: Ауров О.В. Литургия в системе политической пропаганды в Толедском королевстве вестготов // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43). С. 25–35.

Liturgy in the System of Political Propaganda in the Visigothic Kingdom of Toledo

Oleg V. Aurov

*Russian Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia; olegaurov1@yandex.ru;*

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
olegaurov1@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the role of liturgy as an instrument of the political propaganda in the Visigothic Kingdom of Toledo, which existed from the middle of the 6th to the beginning of the 8th centuries in the territory of the former Spanish provinces of the Late Roman Empire, as well as the province of Narbonne Gaule. The so-called “Gothic” or “Mozarabic” liturgical tradition was basically formed in the period of Late Antiquity and was further developed in the time of the Toledo kingdom. The main sources in the article are the late (VII century) editions of a number of Spanish liturgical texts – the service book (“Liber Ordinum”), the Leon antiphony and hymnal (“Hymnodia Gothica”). The author also drawn the information contained in the resolutions of the Toledo councils and the “History of King Wamba”, written by an outstanding political and religious leader Julian of Toledo (circa 642–690). It is concluded that in the situation of utmost instability of the political system of the Kingdom of Toledo during the great part of its history the role of political propaganda increased significantly. It became an important mean to support the royal power authority. The fundamental part of the Church in that sphere was determined not only because of the political theory innovations elaborated by the most educated persons of the clergy, but by the significance of liturgy as a mean to inculcate some important political ideas in the minds of the broad masses of believers, representing the Christian society as a whole. The main consequence of that Church activity was the preservation of a positive image of royal power to a certain extent compensating for the weakness of the political system.

Keywords: Visigothic Kingdom of Toledo, Church, Gothic liturgy, royal power, political propaganda, Late Antiquity, Early Middle Ages, Julian of Toledo

For citation: Aurov OV. Liturgy in the System of Political Propaganda in the Visigothic Kingdom of Toledo. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*, 2018;10:25-35.

Введение

В настоящей статье рассматривается проблема роли и места литургии¹ в системе политической пропаганды в Толедском королевстве вестготов, существовавшем на территории Испании и Юго-Западной Галлии во второй половине VI – начале VIII в. В научной литературе отмечено значение испанской политической мысли толедского времени как элемента функционирования политических механизмов в условиях глубокого кризиса организации власти, унаследованной от позднеримского времени, и исследован ряд конкретных аспектов этого явления (Х. Орландис, Е.С. Маррей, П. Диас, Л. Гарсия Морено, С. Мартен и др.) [1 с. 99–129; 2–5 р. 175–195; 6 р. 395–412; 7 р. 281–300; 8]. Однако до настоящего времени важнейшие памятники так называемой готской или мосарабской литургической традиции [9 с. 75–86] не рассматривались в качестве самостоятельного источника политической истории Толедского королевства. К числу таковых относятся, в первую очередь, служебник (“*Liber Ordinum*”), а также некоторые другие богослужебные книги – леонский антифонарий (собрание песнопений и церковных служб), гимнарий (сборник литургических гимнов) (“*Hymnodia Gothica*”) и некот. др. [10–12]. Настоящая статья призвана заполнить этот пробел.

Король-военачальник в зеркале литургии

Указания на слабость и нестабильность власти в эпоху Толедского королевства являлись общим местом уже для современников, к числу которых, в частности, принадлежали Григорий Турский (III.30) [13] и франкские продолжатели его «Истории франков» (III.42) [14]. Несмотря на то, что с отказом вестготских правителей от арианской ереси (589 г.) был установлен прочный союз между

¹ Под литургией в данном случае, как это принято в западной христианской традиции, понимается богослужение в широком смысле.

королевской властью и испано- и галло-римским ортодоксальным епископатам, сам по себе этот шаг не решил проблемы укрепления королевской власти.

Среди прочего она не могла быть решена без выработки четких критериев отличия законного короля от короля-узурпатора. Выполнение этой миссии взяли на себя наиболее выдающиеся и образованные представители испанского епископата, в ряду которых особое место принадлежит Исидору Севильскому (ок. 560–636) и Юлиану Толедскому (ок. 642–690), которые, как представляется, внесли наиболее значительный вклад в развитие политической идеологии (политической теологии) вестготской монархии. При этом первый оставался приверженцем унаследованного от античности принципа коллективного ведения дел и связывал истоки легитимной (= идеальной) королевской власти с проведением выборов, процедура которых все более четко регламентировалась. Что же касается Юлиана, то он, учитывая политические реалии своего времени, взял курс на авторитарный идеал власти, опирающийся на прямую поддержку Церкви.

С учетом трудов других видных представителей образованного епископата конца VI – начала VIII в., а также постановлений поместных и провинциальных соборов, отражавших выработанные ими политические идеи, можно констатировать существование устойчивой идеологической традиции, развитие которой в течение означенного периода привело к постепенной замене представлений, восходивших к эпохе античности, новыми идеями, в большей мере соответствовавшими реалиям складывавшегося политикума средневекового типа. Однако остается непонятным, каким образом политические идеи и образы, выработанные немногочисленными, но блестящими интеллектуалами толедского периода, могли оказать влияние на реальные политические процессы этого времени.

В эпоху постепенной утраты черт античной политической культуры с ее народными собраниями и связанным с ними типом политической риторики, единственным местом, где собирались значительные массы людей, оставались городские базилики, использовавшиеся для христианских богослужений. Особое место представлений о власти и обязательной лояльности ее представителям в христианском сознании позволяет предположить, что собрания верующих не могли оставаться полностью изолированными от политических процессов своего времени там, где даже Христос уподоблялся «императору королей», а его власть над миром именовалась не иначе, как *imperium* (Col. 296) [10]. В не меньшей степени в пользу такой возможности говорит активное участие наиболее

видных представителей христианского клира в политике Толедского королевства: факт, хорошо изученный и не нуждающийся в дополнительном обосновании [8].

Прежде всего обращает на себя внимание наличие специальных литургических текстов и ритуалов, призванных возвысить авторитет правителя как главы военной организации королевства. Вестготские монархи, власть которых генетически восходила к статусу варварских военных вождей и позднеримских военачальников, традиционно рассматривали военную сферу как принципиально важную не только в прагматическом, но и в идеологическом смысле. Именно поэтому особое значение имели постановления, подобные 3-му канону Меридского провинциального собора (666 г.), который предписывал клирикам соответствующей провинции (Лузитании) в обязательном порядке проводить церковные службы во здравие и за победу короля и его войска в течение всего того времени, когда правитель находится в походе [15].

Еще более полно эти идеи воплотились в служебнике (*Liber Ordinum*), окончательная редакция которого сформировалась при прямом участии Юлиана Толедского. Он содержит тексты специальных богослужений, которые практиковались при выступлении королевского войска в поход (*Ordo XLVIII*) [10, с. 149–153]. Молитва во имя достижения королем победы прямо именует его «триумфатором». Другую специальную службу, отраженную в том же служебнике, надлежало проводить при встрече королевского воинства из похода (*Orationes XLVIII*) [10, col. 154–155]. Еще одно богослужение такого рода – специальное богослужение, которое надлежало проводить регулярно и которое содержало пожелания здоровья и благополучия не только королю, но и его супруге [10, col. 294]. При этом среди прочего следовало просить Господа отвести от правителя «войны с варварами» (*barbarica bella*) [10, col. 275].

Все перечисленные богослужения представляются весьма важными, так как среди прочего выполняли функции прямой политической пропаганды, призванной не только формировать и поддерживать у верующих сознание политической лояльности, но и своеобразным образом объяснять суть политики власти, ее ориентации на достижение общего блага – рудимента ушедших в прошлое римских представлений о гражданских ценностях. Подобные представления были весьма характерны для официального языка вестготской власти, причем не только в литургических, но и в юридических текстах – от соборных постановлений до королевских законов. Что совсем неслучайно: ведь в конечном итоге все

эти тексты создавались духовными лицами, уже во второй трети VII в. полностью вытеснивших мирян из интеллектуальной сферы. Именно исходя из этого следует понимать логику вестготских законодателей, объявлявших посягательство на королевскую власть преступлением против «народа и родины», как это следует, в частности, из 75-го канона IV Толедского собора (633 г.).

Вестготский король и ветхозаветный rex gloriosus

Отдельный аспект проблемы, связанный с ролью литургии как средства укрепления королевской власти, касается ряда характерных атрибутов статуса легитимного короля (*princeps religiosus*), противопоставлявших его королю-узурпатору (*rex tyrannus*). Ранее мне уже доводилось писать о том, что аргументация Юлиана Толедского имеет явно выраженную риторическую, а не юридическую природу [1], что хорошо видно из сопоставления соответствующих мест его «Истории Вамбы» (гл. 2–4), сочинения, написанного с целью установления четкой границы между *princeps religiosus* и *rex tyrannus* [16], с положениями 10-го канона VIII Толедского собора (653 г.). В конечном итоге и законный король, и узурпатор при ближайшем рассмотрении оказываются избранными не знатью и епископами (как того требовало соборное постановление), а собранием воинов (гл. 3) [16], т. е. с явным нарушением церковного законодательства. Очевидно, что именно поэтому Вамба был вынужден прибегнуть к ритуалу помазания на царство (гл. 4) [16], совершенно не предусмотренному ни римско-византийским, ни вестготским правом. Меткое перо Юлиана, ловко играющее аллюзиями, представило процесс вступления Вамбы на королевский трон как своеобразное отражение римского представления о легитимности вступления императора на престол с согласия римской армии, сената и народа. Однако отточенная литературная техника не может обмануть внимательного читателя: при ближайшем рассмотрении Вамба оказывается таким же узурпатором, как и его противник-узурпатор, мятежный дукс Павел.

Тот факт, что помазание на царство в Толедском королевстве VII в. выступало как своеобразное средство легитимации незаконного вступления на престол, полностью подтверждается другими событиями, прямо не связанными с мятежом Павла и проходившими при непосредственном участии Юлиана Толедского. В 680 г. путем придворной интриги (считается, что ее участником был и Юлиан) власть захватил служивший при дворе комит Эрвигий

(680–687). О ее деталях рассказывает поздняя «Хроника Альфонсо III» (гл. 3), по свидетельству которой король был опоен настоем из растения *spartus* (эспарто, или испанский дрок), вызывающим галлюцинации, а затем в невменяемом состоянии пострижен в монахи, что автоматически лишило его права занимать престол [17].

Опасаясь узурпаций, Эрвигий попытался закрепить свои права на трон, подтвердив их легитимность соборными постановлениями. Просьба об этом к отцам XII Толедского собора (681 г.) содержалась в королевском обращении (*tomus*), зачитанном при открытии, и уже в 1-м каноне она была исполнена. Главным из принятых решений стало освобождение народа, поклявшегося в верности Вамбе, от присяги, принесенной последнему. Основанием для этого стал комплекс признанных собором документов, из которых следовало, что предшественник Эрвигия тяжело заболел и по этой причине обрек себя на покаяние, а потому принял tonsуру и монашеский обет, избрав себе преемником упомянутого Эрвигия. Все документы были подписаны Вамбой собственноручно. В их число входили: 1) свидетельство (*notitia*), скрепленное подписями приматов дворца, подтверждающее принятие Вамбой монашеского обета и tonsуры; 2) определение (*scribituram definitionis*) свергнутого короля Вамбы о передаче власти Эрвигию; 3) указание (*informatio-nem*) Юлиану как епископу Толедо помазать Эрвигия на престол, что и было сделано. Отныне и впредь посягательство на жизнь и власть нового короля карались анафемой. В этом контексте весьма симптоматичным выглядит та настойчивость, с которой авторы постановления (которым, скорее всего, являлся сам Юлиан) указывают на факт помазания на царство [18 р. 135–215].

Неясным, однако, остается то, почему помазание, ветхозаветный ритуал, политическое значение которого как формы придания легитимного характера власти правителя так и не было закреплено законодательно, все более активно практиковалось в последний период истории Толедского королевства? У меня есть только одно объяснение этого факта. Выше уже говорилось о значимой роли литургических текстов и ритуалов в политической жизни вестготской монархии начиная с VII в. Представляется, однако, что эти тексты и ритуалы не только воспроизводили и пропагандировали некоторые политические идеи, но и порождали их.

В данном случае я имею в виду отраженные в леонском антифонари песнопения, собранные под рубрикой «Служба при поставлении (*in ordinatione*) или рождении короля» [11, р. 215]. Аналогичный раздел («На поставление короля») содержится в т. н. готском гимнарии, изданном в 1897 г. немецким исследователем

К. Блюме [12 с. 269]. Очевидно, что ветхозаветные образы, которыми оперируют авторы антифонов и гимнов, не имели отношения к реалиям Толедского королевства: каких-либо иных свидетельств о наличии специальных обрядов коронации, а тем более особых богослужений, совершавшихся при рождении наследников престола, не существовало (как не существовало и самого принципа прямого престолонаследия). Полагаю, однако, что регулярное исполнение во время богослужений произведений, в которых фигурировал образ царей израильских – Самуила, Давида, Мельхиседека, Соломона и др., – помазанных на царство «славных царей» (*reges gloriosi*), должен был рано или поздно утвердиться в создании верующих, сформировать представление о том, что идеальный, истинно легитимный правитель – это лишь (или в первую очередь) правитель *помазанный* (*unctus*). Вероятно, именно к этому представлению и апеллировали узурпаторы. И не исключено, что в некоторых случаях – отнюдь не без пользы для себя.

Заключение

Перейду к заключительным замечаниям. Выше я постарался показать, что идеал правителя в том его виде, который сформировался в Толедском королевстве VI – начала VIII в., являлся неотъемлемой частью политических процессов. Его появление и основные направления эволюции можно объяснить лишь потребностью в выработке критериев легитимной власти, которые рассматривались в качестве важного средства противостояния узурпациям и политической нестабильности, обусловленной борьбой за власть в целом. Проще говоря, такой идеал давал практическую возможность отличить легитимную власть от нелегитимной, и именно в этом и состояло его политическое значение. В процессе эволюции на протяжении VII в. этот идеал шаг за шагом утрачивал значимые античные элементы, отраженные в сочинениях Исидора Севильского, и к концу столетия обрел выраженные средневековые черты в трудах Юлиана Толедского и его современников.

Роль христианского богослужения в том его виде, который сложился в рамках «готской» («мосарабской») литургической традиции в VII в., следует признать колоссальной. В первую очередь оно выступало в качестве средства утверждения в массовом сознании политических идей, выработанных образованной частью епископата. Наиболее последовательно этот аспект проявляется на

примере текстов и ритуалов, призванных возвеличить короля как верховного военачальника и его христианское воинство.

Однако не менее значимой представляется и обратная тенденция, также фиксируемая на материале памятников литургии вестготского времени. Речь идет об образах ветхозаветных правителей в том виде, в котором они отразились в латинских литургических текстах, использовавшихся в процессе богослужения. Наименование ветхозаветных царей-священнослужителей Древнего Израиля *reges (reges gloriosi)*, точно так же, как и действующих вестготских правителей, рано или поздно должно было привести к известному отождествлению последних с первыми, воспринимаемыми в качестве образца для подражания. Укоренение этих образцов в массовом сознании вследствие неоднократного повтора в неразрывной связи с эстетическими средствами невербального характера (ритмичная декламация, пение и др.) должно было иметь важные политические последствия. Среди прочего, к ним относится и практика заимствования ветхозаветного ритуала помазания как средства легитимации королевской власти, отраженная в «Истории короля Вамбы» Юлиана Толедского и связанных с ней материалах.

Литература

1. Теология и политика: Власть, Церковь и текст в королевствах вестготов (V – начало VIII в.): Исследования и переводы / Под общ. ред. О.В. Аурова, Е.С. Марей. М.: ИД Дело, 2017. 352 с.
2. *Марей Е.С.* Исидор Севильский и его представления о праве и правосудии. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2014. 278 с.
3. *Barbero de Aguilera A.* La sociedad visigoda y su entorno histórico. Madrid: Siglo XX de España Editores S.A., 1992. 249 p.
4. *Collins R.* La España Visigoda, 409–711. Barcelona: Crítica, 2005. 368 p.
5. *Díaz P.* Rey y poder en la Monarquía visigoda // Iberia. 1998. № 1. P. 175–195.
6. *García Moreno L.A.* La sucesión al trono en el Reino Godo de Toledo. La perspectiva prosopográfica // Doctrina a magistro discipulis tradita. Estudios en homenaje al profesor Dr. Luis García Iglesias / Ed. by A.J. Domínguez, G. Mora. Madrid: Ediciones UAM, 2010. P. 395–412.
7. *Martin C.* L'innovation politique dans le royaume de Tolède: le sacre du souverain // Elections et pouvoirs politiques du VIIe au XVIIe siècle / Dir. C. Peneau. Paris: Éditions Bière, 2009. 404 p.
8. *Orlandis J.* El poder real y la sucesión al trono en la monarquía. Madrid, Roma: CSIC, Delegación de Roma, 1962. 145 p. (Estudios visigóticos. T. 3).

9. Волков А.А. Испано-мосарабский обряд: К вопросу о двух литургических традициях // Христианское чтение. 2017. № 1 (72). С. 75–86.
10. Le Liber Ordinum en usage dans l'église Wisigothique et Mozarabe d'Espagne du cinquième au onzième siècle. Paris: Firmin-Didot, 1904. 799 p.
11. Antiphonarium Mozarabicum de la Catedral de León. León: [n.p], 1928. 245 p.
12. Hymnodia Gotica. Die Mozarabischen Hymnen des alt-spanischen Ritus: Aus handschriftlichen und gedruckten Quellen. Leipzig: O.R. Reiland, 1897. 296 S.
13. *Gregorii Turonensis episcopi*. Libri Historiarum. Hannoverae: Impensis Bibliopoli Hahniani, 1951. 641 p.
14. *Fredegarii et aliorum*. Chronica. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1888. 579 p.
15. Concilios visigóticos y hispano-romanos. Barcelona, Madrid: CSIC, Instituto Enrique Flórez, 1963. 581 p.
16. Historia Wambae regis auctore Iuliano episcopo Toletano // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum merovingicarum. T. 5. Hannoverae et Lipsiae: Impensis Bibliopoli Hahniani, 1910. 856 p.
17. Crónica de Alfonso III: Cronica Rotensis // Crónicas asturianas. Oviedo: Universidad de Oviedo, 1985. 323 p.
18. La colección canónica Hispana. Vol. 6. Madrid: CSIC, 2002. 344 p.

References

1. Aurov OV., Marei ES., eds. Theology and Politics: Power, the Church, and Text in the Visigothic Kingdoms (from the 5th to the Early 8th century): Studies and translations. Moscow: ID Delo Publ.; 2017. 352 p. (In Russ.)
2. Marey ES. Isidore of Seville and his ideas about law and justice. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo Publ.; 2014. 278 p. (In Russ.)
3. Barbero de Aguilera A. La sociedad visigoda y su entorno histórico. Madrid: Siglo XX de España Editores S.A. Publ.; 1992. 249 p.
4. Collins R. La España Visigoda, 409–711. Barcelona: Crítica, 2005. 368 p.
5. Díaz P. Rey y poder en la Monarquía visigoda. *Iberia*. 1998;1:175-95.
6. García Moreno LA. La sucesión al trono en el Reino Godo de Toledo. La perspectiva prosopográfica. V: Domínguez AJ., Mora G., eds. *Doctrina a magistro discipulis tradita. Estudios en homenaje al profesor Dr. Luis García Iglesias*. Madrid: Ediciones UAM Publ.; 2010. p. 395-412.
7. Martin C. L'innovation politique dans le royaume de Tolède: le sacre du souverain. V: Elections et pouvoirs politiques du VIIe au XVIIIe siècle. Paris: Éditions Bière Publ.; 2009. 404 p.
8. Orlandis J. El poder real y la sucesión al trono en la monarquía visigoda. Madrid, Roma: CSIC, Delegación de Roma Publ.; 1962. 145 p. (Estudios visigóticos. T. 3)

9. Volkov AA. Spanish-Mozarabic Rite. On the Question of Two Liturgical Traditions. *Khristianskoye chteniye*. 2017;1:75-86. (In Russ.)
10. Le Liber Ordinum en usage dans l'église Wisigothique et Mozarabe d'Espagne du cinquième au onzième siècle. Paris: Firmin-Didot Publ.; 1904. 799 p.
11. Antiphonarium Mozarabicum de la Catedral de León. León: [n.p], 1928. 245 p.
12. Hymnodia Gotica. Die Mozarabischen Hymnen des alt-spanischen Ritus: Aus handschriftlichen und gedruckten Quellen. Leipzig: O.R. Reisland, 1897. 296 S.
13. Gregorii Turonensis episcopi. Libri Historiarum. Hannoverae: Impensis Bibliopoli Hahniani Publ.; 1951. 641 p.
14. Fredegarii et aliorum. Chronica. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani Publ.; 1888. 579 p.
15. Concilios visigóticos y hispano-romanos. Barcelona, Madrid: CSIC, Instituto Enrique Flórez Publ.; 1963. 581 p.
16. Historia Wambae regis auctore Iuliano episcopo Toletano. V : Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum merovingicarum. T. 5. Hannoverae et Lipsiae: Impensis Bibliopoli Hahniani, 1910. 856 p.
17. Crónica de Alfonso III: Cronica Rotensis. V: Crónicas asturianas Oviedo: Universidad de Oviedo Publ.; 1985. 323 p.
18. La colección canónica Hispana. Vol. 6. Madrid: CSIC Publ.; 2002. 344 p.

Информация об авторе

Олег В. Ауоров, кандидат исторических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Россия; Россия, г. Москва, 119571, пр. Вернадского, д. 82, стр. 9; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Мнусская пл., д. 6; olegaurov1@yandex.ru

Information about the author

Oleg V. Aurov, Ph.D. in History, associate professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 82, Vernadsky av., Moscow, 119571, Russia; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya sq., Moscow, 125993, Russia; olegaurov1@yandex.ru

Роль английских миноритов в канонизационных процессах XIII – начала XIV в.

Ольга С. Силина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, silina.o.c@gmail.com*

Аннотация: Статья посвящена роли английских миноритов в канонизационных процессах XIII – начала XIV в. Братья ордена миноритов часто являлись членами канонизационных комиссий. Они должны были исследовать жизнь и чудеса кандидата в святые и направить собранные доказательства святости папе римскому. Анализ канонизации архиепископа Кентерберийского Эдмунда Эбингдонского и епископа Херефорда Томаса де Кантилупа позволяет выявить причины привлечения мендикантов к участию в подобных делах Церкви, также степень их административного и идеологического влияния на канонизационную процедуру.

В настоящей работе особое внимание уделено рассмотрению чудес, отобранных канонизационными комиссиями по делу о причислении к лику святых Эдмунда Эбингдонского и Томаса де Кантилупа. Сравнение этих чудес с «примерами» из сборника для проповедников “Liber exemplorum” и рассказами о чудесах из “Legenda S. Francisci” Бонавентуры показывает их значительное сходство. Чудесное исцеление или спасение зачастую происходили с детьми и осужденными. Автор статьи предполагает, что увеличение числа подобных сюжетов в отчетах канонизационных комиссий XIII – начала XIV в. связано с интеллектуальной и проповеднической деятельностью нищенствующих орденов.

Ключевые слова: орден миноритов, Англия, канонизационные процессы, Эдмунд Эбингдонский, Томас де Кантилуп

Для цитирования: Силина О.С. Роль английских миноритов в канонизационных процессах XIII – начала XIV в. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43). С. 36–44.

Role of English Franciscans in the canonization processes in the 13th – early 14th centuries

Olga S. Silina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
silina.o.c@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the role of English Minorities in the canonization processes of the 13th – early 14th centuries. Franciscan friars often were members of canonization commissions. They were to enquire into the life and miracles of the candidate and send the evidence of sanctity they collected to the pope. The analysis of canonization of St. Edmund, Archbishop of Canterbury, and St. Thomas de Cantilupe, Bishop of Hereford makes it possible to identify reasons for participation of friars in such church affairs, as well as their influence on the canonization processes.

This paper is focused on miracles that were selected by procurators for canonization of Edmund of Abingdon and Thomas de Cantilupe. Those miracles were remarkably similar to “examples” of the “Liber exemplorum”, a manual for the use of preachers, and miracles of “Legenda S. Francisci” of Bonaventura. In many cases miraculous healing or salvation happened with children and convicts. The author suggests that an increase in the number of such miracles in reports of canonization commissions of the 13th – early 14th centuries was connected with intellectual and preaching activities of mendicant orders.

Keywords: Order of Friars Minor, England, canonization processes, Edmund of Ebingdon, Thomas de Cantilupe

For citation: Silina OS. Role of English Franciscans in the canonization processes in the 13th – early 14th centuries. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*, 2018;10:36-44.

Введение

В тринадцатом столетии произошло становление и расцвет нищенствующих орденов, которые представляли собой совершенно новую модель монашеской жизни. Вместо аскетического уединения мендиканты выбрали городскую среду для создания своих

конвентов. Город, став пристанищем для нищенствующих орденов, вовлекал их представителей в многообразную церковно-административную деятельность, нетипичную для монашества. Одним из видов такой деятельности было участие мендикантов в канонизационных процессах.

В историографии существует большой корпус работ, посвященных канонизационным процессам эпохи Средневековья. Фундаментальными исследованиями являются труды Андре Воше [1], Эрика Кемпа [2], Майкла Гудича [3].

Среди многочисленных работ по истории ордена миноритов в Англии нам не удалось найти ни одного исследования, предметом которого была бы деятельность братьев ордена в канонизационных процессах.

В связи с этим целью настоящей статьи является анализ участия миноритов Англии в процессах канонизации XIII в. – начала XIV в. Временные и географические рамки данной проблемы обусловлены как всплеском канонизаций в рассматриваемый период (в тринадцатом столетии было объявлено святыми двадцать четыре человека [4 с. 9; 5 р. 295–300]), так и тем, что треть из них были либо родом из Англии, либо их судьба и карьера тесным образом были связаны с этим регионом.

Исходя из поставленной цели нами будут рассмотрены канонизационные процессы Эдмунда Эбингдонского (кан. 1246 г.) и Томаса де Кантилупа (кан. 1320 г.). Такое ограничение предмета исследования объясняется тем, что минориты пришли в Англию лишь в 1224 г., а потому в канонизационных процессах начала XIII в. принимать участия они не могли. Кроме того, дело о канонизации Томаса де Кантилупа является репрезентативным для выявления характера участия английских миноритов в канонизационных процессах.

Канонизационный процесс Эдмунда Эбингдонского

Процессу канонизации Эдмунда Эбингдонского, архиепископа Кентерберийского, предшествовало формирование местного культа, вызванного чудесами, которые стали происходить на его могиле в цистерцианском аббатстве Понтины. Впрочем, вскоре после похорон чудеса на месте погребения св. Эдмунда стали уменьшаться. Угасание чудес Матвей Парижский объяснил недостаточным почитанием святого. Он рассказал историю, произошедшую с монахом по имени Герман. Брату Герману было видение, в котором ему

явился св. Эдмунд и стал жаловаться, что, будучи покрытым землей, он не может поднять руку, чтобы творить чудеса [6]. Вероятно, это видение послужило поводом для первого неофициального переноса тела Эдмунда Эбингдонского. После неофициального *translatio* чудеса возобновились. Слава о чудесах, происходивших у тела св. Эдмунда, подняла вопрос о его канонизации. Восемь архиепископов и около двадцати епископов направили папе римскому письма с просьбой начать дело о причислении к лику святых Эдмунда Эбингдонского [7 р. 390].

После того, как понтифик удовлетворил просьбу адресантов, было объявлено о проведении канонизационного расследования. Целью расследования являлся сбор доказательств святости человека, для этого папа римский собирал комиссию, уполномоченную опросить свидетелей о совершенных чудесах. Затем комиссия должна была подготовить отчет для дальнейшего рассмотрения или прекращения дела о канонизации.

В процессе канонизации Эдмунда Эбингдонского канонизационное расследование проводилось дважды. Первое расследование не увенчалось успехом. Папа римский Иннокентий IV счел расследование слишком поспешным и приказал провести его повторно. На этот раз французской и английской комиссии было предписано указать в отчетах меньше чудес, выбрав только четыре или пять самых значимых, и предоставить больше доказательств их совершения [8 р. 1844–1845].

Эти инструкции апостольского престола необходимо было выполнить в ходе нового расследования на территории Англии и Франции. Среди членов английской комиссии был известный представитель ордена миноритов Александр Гэльский и лектор школы ордена при Оксфордском университете Роберт Гроссетест [7 р. 398]. Александр Гэльский и Роберт Гроссетест, по-видимому, были включены в комиссию в связи с тем, что они лично знали Эдмунда Эбингдонского.

Среди объективных причин активного участия миноритов в подобных делах Церкви можно отметить упадок авторитета приходского клира. Проведение канонизационного расследования сопровождалось опросом свидетелей и от того, насколько быстро очевидцы чудес откликнутся на призыв дать показания, зависел пусть не исход канонизационного процесса, то, по крайней мере, его продолжительность.

Представить римской курии доказательства совершенных чудес было действительно непростой задачей. О трудностях в проведении канонизационного расследования свидетельствует письмо

Саймона Лэнгтона, направленное английскому кардиналу, где говорится об отказе свидетелей выступить с показаниями перед апостольским престолом. Свидетели подтвердили совершение многих чудес благодаря св. Эдмунду, но, когда им предложили отправиться в Лион, где на тот момент находился папа римский, они стали жаловаться на злоупотребления прелатов Англии [8 р. 1914–1915].

Вероятно, это был не единственный случай отказа свидетелей предстать перед римской курией. Следовательно, большое влияние нищенствующих монахов на самые разные социальные слои населения позволяло избежать подобных ситуаций и значительно ускорить этот этап канонизационного расследования.

Канонизационное расследование по делу Эдмунда Эбингдонского в 1245 г. в основном уже было завершено. Французская и английская комиссии направили отчеты о проделанной работе в римскую курию. Французская комиссия отметила, что для отчета были отобраны только те чудеса, которые подтвердили многие свидетели. Подобным образом английские комиссары писали, что они рассмотрели дело со всеми возможными мерами предосторожности и ограничились несколькими случаями исцеления, которые противоречат возможности естественного излечения [7 р. 399].

Список отобранных чудес для дела о канонизации Эдмунда Эбингдонского представляет особый интерес. Среди них значительная доля относится к спасению детей. Так, например, спасение утонувшего в пруду одиннадцатилетнего Хьюго после принесенного его матерью обета отдать сына в монастырь в случае его воскрешения [7 р. 412], обретение зрения четырнадцатилетним Томасом де Леньи [7 р. 411] и пр.

В подобного рода селекции чудес можно заметить влияние нищенствующих орденов. Рассказами об исцелении детей посредством святого ходатайства пестрят сборники *exempla* [9], использовавшиеся проповедниками ордена миноритов, а также собрания легенд о св. Франциске [10].

Примечательно, что во многих случаях исцеления или спасения как в описании чудес, совершенных Эдмундом Эбингдонским, так и в знаменитом собрании «примеров» XIII в. “*Liber exemplorum*” или в “*Legenda S. Francisci*” Бонавентуры дети в дальнейшем вступали в ряды религиозных общин. В подобном завершении рассказа о совершенном чуде ясно прослеживается заинтересованность мендикантов в расширении своих орденов. Подтверждает это и то, что орден миноритов зачастую принимал в новициат лиц, которые не достигли требуемого для послушничества возраста [10 р. 554–555].

“Falsa sanctitas”: участие английских миноритов в процессе канонизации Томаса де Кантилупа

Вопрос о канонизации епископа Херефордского Томаса де Кантилупа неоднократно поднимался прелатами и королями Англии. Первый запрос был направлен в римскую курию уже в 1290 г., затем ходатайства повторялись до тех пор, пока не было объявлено о начале процесса канонизации. Этот процесс начался в 1307 г. с одобрения папы Климента V [5 р. 260].

Однако рассмотрение дела о причислении Томаса де Кантилупа к лику святых значительно затянулось. Причиной этого, очевидно, был его конфликт с архиепископом Кентерберийским Иоанном Пекхемом, в результате которого последовало его отлучение от Церкви. Это обстоятельство привело к формированию в рядах ордена миноритов оппозиции, выступавшей против канонизации Томаса де Кантилупа. Братья ордена поставили под сомнение реальность некоторых чудес, что способствовало формированию представления о ложной святости.

Против канонизации Томаса де Кантилупа выступили четыре минорита лондонского конвента. Они отмечали, что Томас де Кантилуп был добрым человеком, но факт его отлучения препятствует канонизации [5 р. 649]. Среди аргументов миноритов, выступивших против канонизации Томаса де Кантилупа, было и отсутствие наглядных доказательств совершения чудес [5 р. 651]. Некоторые чудеса были засвидетельствованы только по слухам, что вызвало подозрения в их фальсификации [5 р. 652]. Так, недоверие миноритов вызвал случай исцеления немого мальчика. Этот ребенок, родившийся без языка, начал говорить после паломничества к могиле св. Томаса [5 р. 652].

Предметом чудес, которые были рассмотрены в процессе канонизации Томаса де Кантилупа были, как правило, исцеления больных или воскрешения. Как и в случае с делом о канонизации Эдмунда Эбингдонского, доля детей среди исцеленных лиц была значительной. В материалах канонизации Томаса де Кантилупа было зафиксировано девять таких чудес.

К необычному чуду, приписываемому Томасу де Кантилупу, относится спасение от наказания Уильяма Крэга. После того как Уильям Крэг был повешен, его тело, снятое с виселицы, стало подавать признаки жизни, а затем он ожил [5 р. 262].

Данное чудо интересно по той причине, что спасение осужденных от смерти при помощи заступничества святого или молитвы, обращенной к Деве Марии, являлось расхожим сюжетом «при-

меров», используемых проповедниками ордена миноритов. Автор сборника “*Liber exemplorum*” рассказывает историю вора, который был искренним почитателем Девы Марии и имел обыкновение молиться ей наиболее набожно, когда воровал. Будучи пойманным в акте кражи, он был приговорен к смертной казни через повешение. Тогда Богородица явилась вору и, подняв ему ноги, спасла осужденного от смерти. После этого вор принял монашеское одеяние [9 р. 24–25].

Таким образом, в описании чуда, произошедшего с Уильямом Крэггом, заметно влияние проповеднических нарративов, вышедших из-под пера представителей ордена миноритов.

Заключение

Итак, анализ канонизационных процессов Эдмунда Эбингдонского и Томаса де Кантилупа позволяет сделать следующие выводы.

Участие английских миноритов в канонизационных процессах отчасти можно объяснить тем, что святые, чья судьба при жизни была связана с Англией, преимущественно являлись не только епископами, но и интеллектуалами. Эдмунд Эбингдонский преподавал в Оксфорде. Томас де Кантилуп до того, как он был возведен в сан епископа Херефорда, изучал каноническое право и теологию в Париже, преподавал в Оксфордском университете, где дважды был канцлером [5, р. 463]. Члены же ордена миноритов довольно быстро взошли на кафедры европейских университетов. Следовательно, привлечение именно миноритов к участию в канонизационных процессах было оправдано не только личным знакомством со святыми, но также их компетентностью в богословских вопросах и каноническом праве.

Влияние идей интеллектуалов рассматриваемого периода нашло отражение в распространении чудес, связанных со спасением святым заступничеством преступников. В богословии XIII в. развивается представление о возможности спасения души грешника, чье деяние нарушает заповеди декалога, например, об этом писал известный представитель ордена миноритов Дунс Скот в комментариях на Сентенции Петра Ломбардского [11].

Наконец, отобранные комиссиями чуда для процесса канонизации Эдмунда Эбингдонского и Томаса де Кантилупа показывают, что значительная доля лиц, чудесным образом излеченных или спасенных, относится к детям, которые в дальнейшем вступали в новициат. Такая развязка, следовавшая за описаниями совершенных

чудес, свидетельствует о внимании участников канонизационных процессов не только к моральной функции чудес, но и к их практическому назначению, расширению религиозных общин.

Литература

1. *Vaucher A.* Sainthood in the later Middle Ages. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 673 p.
2. *Kemp E.W.* Canonization and authority in the Western church. Oxford: Oxford University Press, 1948. 196 p.
3. *Goodich M.* Vita perfecta: The Ideal of Sainthood in the Thirteenth Century. Stuttgart: Hiersemann, 1982. 290 p.
4. *Яцук С.А.* Представления о святости в официальной католической мысли второй половины XIII века [Электронный ресурс]: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. 222 с. URL: <http://igh.ru/dissertations/2?locale=ru> (дата обращения 21 авг. 2018).
5. *Vaucher A.* La Sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Age. D'après les procès de canonisation et les documents hagiographiques. Rome: École française de Rome, 1988. 799 p.
6. The Life of St Edmund by Matthew Paris / Ed. by C.H. Lawrence. Oxford: St. Edmund Hall, 1996. 192 p.
7. *Wallace W.* Life of St. Edmund of Canterbury from Original Sources. London: K. Paul, Trench, Trübner & Co., 1893. 706 p.
8. Thesaurus novus anecdotorum / Ed. by E. Martène, U. Durand. T. 3. Paris, 1717. 1952 p.
9. Liber exemplorum ad usum praedicatorum saeculo XIII compositus a quodam fratre minore anglico de provincia Hiberniae / Ed. by A.G. Little. Aberdonia: Typis academicis, 1908. 226 p.
10. Doctoris seraphici S. Bonaventurae, S.R.E. Episcopi Cardinalis Opera Omnia. VIII. Florence: Ex typographia Colegii S. Bonaventurae 1898. 902 p.
11. Ordinatio, III, d. 37, q. un., n. 1 // Opera Omnia: Editio nova iuxta editionem Waddingi [Электронный ресурс]. Paris: L. Vivès, 1894. Vol. 15. URL: <https://archive.org/details/operaomni15duns> (дата обращения 4 мая 2018).

References

1. Vaucher A. Sainthood in the later Middle Ages. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 673 p.
2. Kemp EW. Canonization and authority in the Western church. Oxford: Oxford University Press, 1948. 196 p.

3. Goodich M. Vita perfecta: The Ideal of Sainthood in the Thirteenth Century. Stuttgart: Hiersemann Publ.; 1982. 290 p.
4. Yatsik SA. Concepts of sainthood in the official Catholic thought of the second half of the 13th century (Internet): [dis. ... kand. ist. Nauk]. Moscow, 2017. 222 p. [data obrashcheniya 21 Aug. 2018]. URL: <http://igh.ru/dissertations/2?locale=ru> (In Russ.)
5. Vauchez A. La Sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Age. D'après les procès de canonisation et les documents hagiographiques. Rome: École française de Rome Publ.; 1988. 799 p.
6. Lawrence C.H., ed. The Life of St Edmund by Matthew Paris. Oxford: St. Edmund Hall Publ.; 1996. 192 p.
7. Wallace W. Life of St. Edmund of Canterbury from Original Sources. London: K. Paul, Trench, Trübner & Co. Publ.; 1893. 706 p.
8. Martène E., Durand U., eds. Thesaurus novus anecdotorum. Vol. 3. Paris, 1717. 1952 p.
9. Little AG., ed. Liber exemplorum ad usum praedicantium saeculo XIII compositus a quodam fratre minore anglico de provincia Hiberniae. Aberdoniae: Typis academicis Publ.; 1908. 226 p.
10. Doctoris seraphici S. Bonaventurae, S.R.E. Episcopi Cardinalis Opera Omnia. VIII. Florence: Ex typographia Colegii S. Bonaventurae Publ.; 1898. 902 p.
11. Ordinatio, III, d. 37, q. un., n. 1. Opera Omnia: Editio nova iuxta editionem Waddingi. [Internet] Paris: L. Vivès, 1894. Vol. 15. URL: <https://archive.org/details/operaomni15duns> (data obrashcheniya 4 May 2018).

Информация об авторе

Ольга С. Силина, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; silina.o.c@gmail.com

Information about the author

Olga S. Silina, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; silina.o.c@gmail.com

Погром пражского еврейства 1389 г. и его описание в литургии Авигдора Каро и «Страстях евреев Пражских»

Анна А. Новикова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, anne_novikova@bk.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена погрому пражского еврейства, произошедшему во время празднования пасхи в апреле 1389 г. В отличие от других погромов, произошедших на территории Чешского королевства, Пражский погром был – формально – результатом кровавого навета и был осуществлен местными чехами, в отличие от предыдущих аналогичных происшествий, когда зачинщиками погрома являлись немецкие крестоносцы. Традиционно он считается самым кровавым в чешской еврейской истории. Несмотря на то что погром упоминается в двадцати разных источниках, в этой статье будут рассматриваться два источника с диаметрально противоположной эмоциональной напряженностью – «Страсти евреев Пражских» и литургическое произведение очевидца погрома, еврейского поэта Авигдора Каро. Целью данной статьи является изучение пражского погрома 1389 г. и причин этой трагедии, которые заключаются в ухудшении экономической и финансовой ситуации в Чешском королевстве. Статья сосредоточится на изучении «Страстей евреев Пражских» как на более подробном источнике, отличающемся от остальных упоминаний погрома откровенным наслаждением еврейской трагедией, которая описывается как торжество праведных христиан над врагами Христа. Литургия Авигдора Каро является не только описанием трагедии ее очевидцем, но и литературным произведением, которое в полной мере отображает восприятие погрома с пострадавшей стороны.

Ключевые слова: Средневековье, иудаика, Богемия, Моравия, погромы, кровавый навет, Авигдор Каро

Для цитирования: Новикова А.А. Погром пражского еврейства 1389 г. и его описание в литургии Авигдора Каро и «Страстях евреев Пражских» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43). С. 45–53.

Pogrom of Prague Jewry of 1389 and its depiction in liturgy by Avigdor Karo and in “Passions of Jews of Prague”

Anne A. Novikova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
anne_novikova@bk.ru*

Abstract. This article focuses on pogrom of Prague Jewry that happened during Easter celebration in April of 1389. Unlike other pogroms in Czech kingdom, Prague pogrom was at least formally a blood libel and was perpetrated by local Czechs, thus differentiating from other similar incidents perpetrated by German crusaders. Traditionally, the Prague pogrom is regarded as the bloodiest in Czech Jewish history. Despite the pogrom mentioning in over twenty sources, this article will study its depictions in two diametrically opposed, emotionally charged sources – “Passions of the Jews of Prague”, and a liturgy written by a Jewish eyewitness, Avigdor Karo. The goal of this article is to study the Prague pogrom of 1389 and its causes, which the author believes to be the worsening economical and financial situation in Czech Kingdom. The article will focus on dissecting “Passions of the Jews of Prague” as a thorough description of the tragedy, different from the rest of the references to the pogrom by the frank enjoyment of the Jewish tragedy, describing it as a triumph of the righteous Christians over enemies of Christ. Liturgy of Avigdor Karo is not only an eyewitness account of the event, but also a piece of literature that reflects the impression the pogrom left on its victims.

Keywords: Middle Ages, judaica, Bohemia, Moravia, pogroms, blood libel, Avigdor Karo

For citation: Novikova AA. Pogrom of Prague Jewry of 1389 and its depiction in liturgy by Avigdor Karo and in “Passions of Jews of Prague”. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;10:45-53.

Введение

В 1389 г. произошло событие, которое преломило историю чешского еврейства надвое, появились «до» и «после» – погром 1389 г. в Праге стал самым кровавым за всю чешскую еврейскую историю.

Пражский погром упоминается во многих еврейских документах и в целом ряде христианских [1]. Одним из таких источников являются «Страсти евреев пражских» (здесь и далее – «Страсти»), написанные от лица «Яна-крестьянина», участника и очевидца погрома [2]. Другим важным источником является литургия еврейского поэта и мистика Авигдора Каро [3], до сих пор читающаяся ежегодно в Староновой синагоге в Праге во время Йом-Кипура.

Целью данной статьи является изучение двух описаний этого погрома, имеющих прямо противоположную эмоциональную напряженность. Для авторов «Страстей» произошедший погром это торжество страдающих христиан над злостными искусителями-ростовщиками. Для Авигдора Каро это же событие – трагедия, из-за которой можно с плачем обратиться к Богу. Если из «Страстей» можно извлечь достаточно подробное описание погрома, то из обоих источников можно выделить именно тот разрушительный эффект, который он произвел на иудео-христианские отношения в Чешском королевстве.

Погром 1389 г. и его описание в вышеупомянутых источниках

Согласно имеющимся данным, в Страстную субботу (17 апреля 1389 г.) некий священник совершал крестный ход с дароносицей вокруг церкви. Он зашел на еврейскую улицу, и в тот же момент еврейские дети начали глумиться над ним. Распаленные отсутствием ответа со стороны священника, дети закидали священника камнями, из-за чего мощи святого рассыпались по улице и были осквернены¹.

Разгневанные христиане схватили предполагаемых виновников-евреев и отвели их в ратушу для суда. Они требовали наказать евреев по всей строгости закона вне зависимости от покровительства им короля Вацлава IV – монарха непопулярного и не пользовавшегося авторитетом даже среди простого народа [4 с. 141, 197]. «Страсти» описывают гнев толпы следующими словами:

И когда христиане, исполненные Божьей благодати и пылкой Его любви <...> и сказали они: «Что мы делаем здесь? Ведь вероломная тол-

¹ Согласно другим описаниям инцидента, священник нес не дароносицу со священными мощами, а пиксиду с гостиями. Третья версия событий утверждает, что священник спешил попасть в дом к умирающему христианину для соборования.

па евреев не только против нас грешит и совершает позорные поступки, но и против Иисуса, причем безнаказанно. Если мы разрешим им избежать [наказания], то все люди будут оскорблены ими» <...> И в тот день и в тот час они замыслили уничтожить всех евреев, говоря: «Если только гнев Господень не обрушится на нас, то да возьмем мы [еврейские] товары и изгоним позорный народ с земель живущих...» [2, с. 266]

В то время как «виновных» евреев держали в ратуше, священники не замедлили рассказать своим прихожанам об оскорблении, которое нанесли евреи всем христианам. На следующий день, 18 апреля 1389 г., священник Йешек, возглавив толпу христиан, направился вместе с ними в еврейский квартал в Праге. Начавшаяся бойня стала одним из самых кровавых событий на территории Богемии и Моравии.

Городской совет оказался в меньшинстве в своем призыве остановить или предотвратить кровопролитие. Последней попыткой сдержать людей стало введение комендантского часа, однако городской совет был предан собственными глашатаями. Вместо объявления комендантского часа глашатаи провозгласили обязанностью каждого христианина идти в еврейский квартал и уничтожать евреев. «Страсти» описывают эту ситуацию иначе:

Святой Дух использовал языки глашатаев дабы произнести прямо противоположный призыв... [2 с. 266].

Погром длился несколько дней. Толпа погромщиков убивала мужчин, женщин, стариков и детей. В отличие от многих других документов, описывающих события этого погрома, «Страсти» упоминаются насилием над евреями:

Но когда они [христиане] пришли к ним, евреи сказали: «Друзья, зачем вы пришли?» <...> И наложили они [христиане] тотчас жестоко руки на позорных евреев, не щадя ни тел их, ни их имущества [2 с. 267].

На пощадку могли рассчитывать лишь младенцы. Летопись 1427 г. утверждает, что:

...ярость взбунтовавшихся христиан была столь неудержима, что они даже убили христиан, чьи лица выглядели как еврейские, думая, что это евреи... [5 с. 278].

Еврейский квартал оказался охвачен огнем, и в попытке укрыться от толпы и огня евреи заперлись в каменной Староновой синагоге.

К сожалению, этой меры оказалось недостаточно – христианам удалось прорваться внутрь с оружием.

В этот момент пражские евреи совершили кидуш а-шем, ритуальное самоубийство [6]. Согласно литургии Авигдора Каро, тогда еще молодого человека, «...стены синагоги окрасились из-за крови мучеников в красный» [7 с. 144–189].

Сама литургия Авигдора Каро, до сих пор читающаяся в Старо-новой синагоге во время Йом-Кипура, имеет совершенно иной тон при описании трагедии пражского еврейства:

Многие были убиты, кто же знает им числа;
 Молодые юноши и девочки, старики и дети.
 Ты, Повелитель всех душ, должен ли я напоминать Тебе,
 Что Ты рассудишь всех и Тобой все освятится?
 Они разрушили кладбище, землю вечной свободы,
 Где покоятся кости моих великих предков.
 Они вырыли эти соковища,
 Они разгромили могилы из ярости,
 Чтобы смирить мою гордость.
 Как долго, Господи? Не достаточно ли этого? [3 с. 564].

«Страсти» описывают эти события красочно, радуясь тому насилию, которое обрушилось на пражских евреев:

И покров был убран с синагоги иудеев, и с ним – все книги пророков, Моисей и Талмуд, были переданы христианам для пользования. И сплетя короны из соломы и дерева, [они] возложили их на головы и тела евреям, и подожгли их. И после того, как они насмеялись над ними [евреями], они сняли с них одежду и дали им одеяния из огня, и дали им напиток огня, смешанного с дымом. И когда они [евреи] испробовали его [огня], и им подошло это питье [2 с. 268].

После осквернения синагоги и кладбища погром пошел на убыль. Не обнаружив никаких соковищ, толпа схлынула вместе со всем, что приглянулось в еврейских домах. Даже согласно «Страстям», участники погрома отождествляли отмщение за оскверненного священника с личным обогащением [8]:

Они [христиане] поделили между собой их [евреев] одеяния и каждый взял столько, сколько смог унести. Забрали <...> не только одеяния, но и все их ценности и мебель с собой. <...>

Воистину благословенна ночь, что ограбила евреев и обогатила христиан! Благословенна Пасха наша, во время которой благоверные

<...> словно огнедышащие львы, не пощадили ни еврейских детей, ни их беловолосых стариков [2 с. 267–269].

Рассматривая причины погрома, представляется возможным указывать не на религиозную, а на экономическую составляющую. Несмотря на то, что формально причиной погрома является нападение неких евреев на христианского священника, стоит учесть социально-экономические факторы жизни и деятельности еврейского квартала в Праге.

В середине 1380-х гг. пражский еврейский квартал был огражден стеной, отделившей его от остального города [9 с. 7–46]. Этот шаг, типичный для еврейских кварталов в других странах, не имел нужного разграничительного эффекта в Праге. Это обуславливалось тем, что в пражском еврейском квартале проживало много христиан – на одной и той же улице находились еврейские и христианские дома, а евреи нередко снимали и покупали дома, доход от которых причитался Церкви.

Это же явление было одной из причин ухудшения иудео-христианских отношений. Евреи имели право – после одобрения в городском совете и королем – покупать зарегистрированные христианские владения. В таком случае на них ложилось обязательство платить церковную десятину. Естественно, платить Церкви евреи не желали и делали это исключительно редко. Пражский архидьякон Павел из Яновича в начале 1380-х гг. провел осмотр двух приходов, чьи территории пересекалась с еврейским кварталом. Результатом его осмотра стали жалобы, поданные приходскими священниками на еврейских домовладельцев [10 с. 82].

В архивах Чешской финансовой прокуратуры Праги, метрополии Св. Вита, Губернских пражских архивах сохранилось множество документов именно 1380-х гг. о выявлении недобросовестных заемщиков, задолжавших крупные суммы пражским евреям и не желавших даже признавать себя должниками.

Судя по имеющимся данным, Пражский погром был инициирован именно по экономическим причинам. Нельзя исключать возможности реального нападения нескольких евреев на священника, однако учитывая все остальные обстоятельства, нападение кажется вымышленным.

При детальном рассмотрении Пражского погрома 1389 г. можно с уверенностью сказать, что именно фискальные жалобы и финансовая напряженность стали основой иудео-христианского противостояния в конце XIV в. Подогреваемая риторикой богословов, эта напряженность превратилась в настоящий погром. Все

религиозные составляющие были, скорее всего, добавлены как попытка оправдания уже совершенных действий.

Для еврейской общины в Праге последствия погрома были катастрофическими. Погибло две трети общины, а выжившие столкнулись с необходимостью восстановить разрушенное кладбище, организовать похороны всех погибших и выкупа всего утерянного имущества. От организации похорон их избавил городской совет, однако не из-за христианской доброты.

Тела погибших евреев лежали на улицах, обезображенные расправой толпы и огнем. «Страсти» утверждают, что городской совет в сопровождении священников и простого люда отправился оценивать степень разрушений в еврейском квартале. Ужаснувшись увиденному, они в первую очередь потребовали убрать тела, «чтобы не дать городу заразиться зловонным воздухом, воняющим ростовщическим салом» [2 с. 270]. Итогом стало решение заплатить двум бедным мужчинам из числа христиан за то, чтобы они собрали все еврейские тела и кремировали их.

Другим ударом по пражской еврейской общине стало крещение еврейских детей, которых погромщики сочли достаточно красивыми для спасения от собственного гнева. «Страсти» утверждают, что церемонии крещения начались в тот же день, когда были сожжены тела убитых во время погрома, и продолжались они несколько дней:

...они [погромщики] оставили в живых лишь несколько благообразных еврейских маленьких детей, которых они вытащили из горящей огненной печи, чтобы [те] были выражены после [погрома] милостью благоверных христиан как их приемные сыновья и дочери <...> множество детей обоих полов были крещены по их собственному желанию [2 с. 269, 272].

После погрома городской совет велел запечатать ворота и приставить круглосуточную охрану, которая пропускала бы внутрь лишь жителей квартала [2 с. 271].

Заключение

Пражский погром 1389 г. – крупнейшая трагедия чешского еврейства, радикально изменившая иудео-христианские отношения в королевстве. Он кажется менее мотивированным религиозным рвением пражан при пристальном рассмотрении риторики дебатов в Карловом университете, пражского архиепископа Яна из Йенштейна и примеров конфликтов, отобразившихся в архивных

документах. Более того, описанная история со священником, которого закидали камнями праздные евреи, кажется подозрительно подходящей на нарушение 68-го канона Четвертого Латеранского собора 1215 г. [11 с. 113].

С момента происшествия погрома евреи не чувствовали себя защищенными, а восстановление пражской еврейской общины заняло несколько десятков лет. Следующий расцвет пражской еврейской жизни связан с XVII в. – еще одно доказательство того разрушительного эффекта, который произвел этот погром на жизнь этой общины.

Литература

1. *Kantor M.* Codex Judaica: Chronological index of Jewish History. New York: Zichron Press, 2005. 393 p.
2. Passio Judaeorum Pragensium secundum Johannem rusticum quadratum // Lehman P. Die Parodie im Mittelalter, mit 24 ausgewählten parodistischen Texten. 2nd ed. Stuttgart: Hiersemann. 1963. S. 67–93.
3. *Newman B.* Medieval crossover. Reading the Secular against the Sacred. Notre Dame (Indiana): University of Notre Dame Press, 2013. 398 p.
4. *Machilek F.* Ludolf von Sagan und seine Stellung in der Auseinandersetzung um Konziliarismus und Hussitismus. Munich: Lerche, 1967. 256 S.
5. *Wetzlar J., von.* Dialogus super Magnificat, v. 2139–41 / Ed. by B. Ernst-Stephan // Bauer E.-S. Frömmigkeit, Gelehrsamkeit und Zeitkritik an der Schwelle der grossen Konzilien: Johannes von Wetzlar und sein “Dialogus super Magnificat” (1427). Mainz: Gesellschaft für mittelrheinische Kirchengeschichte, 1981. S. 163–313.
6. *Yuval I.J.* Two Nations in Your Womb: Perceptions of Jews and Christians in Late Antiquity and the Middle Ages / Transl. B. Harshav, J. Chapman. Berkeley: University of California Press, 2006. 313 p.
7. Antisemitism: A Historical Encyclopedia of Prejudice and Persecution / Ed. by R.S. Levy. Vol. 1. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2005. 828 p.
8. *Bynum C.W.* Wonderful Blood: Theology and Practice in Late Medieval Northern Germany and Beyond. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2007. 402 p.
9. *Putik A.* On the Topography and Demography of the Prague Jewish Town Prior to the Pogrom of 1389 // Judaica Bohemiae. 1994/1995. Vol. 30–31. P. 7–46.
10. Protocollum visitationis archidiaconatus Pragensis annis 1379–1382 per Paulum de Janowicz, archidiaconum Pragensem factae / Ed. by I. Hlaváček, Z. Hledíková. Prague: Academia scientiarum bohemoslovaca, 1973. 529 p.
11. *Шафф Ф.* История христианской церкви: В 8 т. Т. 5: Средневековое христианство: От Григория VII до Бонифация VIII: 1049–1294 гг. по Р. X. СПб.: Litres, 2017. 514 с.

References

1. Kantor M. Codex Judaica: Chronological index of Jewish History. New York: Zichron Press Publ.; 2005. 393 p.
2. Passio Judaeorum Pragensium secundum Johannem rusticum quadratum. V: Lehman P. *Die Parodie im Mittelalter, mit 24 ausgewählten parodistischen Texten*. 2nd ed. Stuttgart: Hiersemann. 1963. S. 67-93.
3. Newman B. Medieval crossover. Reading the Secular against the Sacred. Notre Dame (Indiana): University of Notre Dame Press, 2013. 398 p.
4. Machilek F. Ludolf von Sagan und seine Stellung in der Auseinandersetzung um Konziliarismus und Hussitismus. Munich: Lerche Publ.; 1967. 256 S.
5. Wetzlar J. von. Dialogus super Magnificat, vv. 2139–41. V: Bauer ES. *Frömmigkeit, Gelehrsamkeit und Zeitkritik an der Schwelle der grossen Konzilien: Johannes von Wetzlar und sein Dialogus super Magnificat (1427)*. Mainz: Gesellschaft für mittelhheinische Kirchengeschichte Publ.; 1981. S. 163-313.
6. Yuval I.J. Two Nations in Your Womb: Perceptions of Jews and Christians in Late Antiquity and the Middle Ages. Berkeley: University of California Press, 2006. 313 p.
7. Levy RS., ed. Antisemitism: A Historical Encyclopedia of Prejudice and Persecution. Vol. 1. Santa Barbara: ABC-CLIO Publ.; 2005. 828 p.
8. Bynum C.W. Wonderful Blood: Theology and Practice in Late Medieval Northern Germany and Beyond. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2007. 402 p.
9. Putik A. On the Topography and Demography of the Prague Jewish Town Prior to the Pogrom of 1389. *Judaica Bohemiae*. 1994/1995;30-1:7-46.
10. Hlaváček I., Hledíková Z., eds. Protocollum visitationis archidiaconatus Pragensis annis 1379–1382 per Paulum de Janowicz, archidiaconum Pragensem factae. Prague: Academia scientiarum bohemoslovacae Publ.; 1973. 529 p.
11. Shaff F. The history of the Christian church. 8 vols. Vol. 5: Medieval Christianity. From Gregory VII to Boniface VIII 1049–1294 AD. Sankt-Peterburg: Litres Publ.; 2017. 514 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Анна А. Новикова, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; anne_novikova@bk.ru

Information about the author

Anne A. Novikova, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; anne_novikova@bk.ru

Войны Роз в «Истории Ричарда III» Томаса Мора

Елена Д. Браун

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; Российская академия народного хозяйства и государ-
ственной службы при Президенте РФ. Москва, Россия,
braun-helen@yandex.ru*

Аннотация. Цель данной статьи воссоздать и проанализировать картину противостояния династий Йорков и Ланкастеров, созданную в «Истории Ричарда III» Томаса Мора. Подавляющее большинство современных англоязычных исследователей полагает, что созданный Мором текст – это не «история» в полном смысле слова (его можно описать как нравоучительную или философскую драму) и что Мор был крайне неаккуратен в деталях.

В данной статье доказывается, что в «Истории...» Мора речь идет не о небрежности или неаккуратности, прошлое буквально перевернуто с ног на голову. Мор меняет начальную точку конфликта, сводит пятнадцать битв к четырем, избавляется от нескольких «лишних» персонажей и т. д. Автор полагает, что Томас Мор в принципе не занимался воссозданием прошлого. Он всего лишь использовал исторический материал, чтобы описать некое идеальное государство, в котором парламент может смещать королей, женщины не участвуют в политике, добродетель торжествует, а тиран не может даже надеяться на долгое правление.

Ключевые слова: Войны Роз, Томас Мор, Ричард III, Йорки, Ланкастеры

Для цитирования: Браун Е.Д. Войны Роз в «Истории Ричарда III» Томаса Мора // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43). С. 54–65.

The Wars of the Roses in Thomas More's “History of Richard III”

Elena D. Braun

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
The Russian President Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia; braun-helen@yandex.ru*

Abstract. This article analyzes the picture of the conflict between York and Lancaster dynasties drawn by Thomas More in his “History of Richard III”. The commonplace of modern English-speaking historiography is that Thomas More’s text is not ‘history’ at all (it can be described as moralizing or philosophical drama), and that More was always inaccurate with details.

The author demonstrates that More’s description of the Wars of the Roses is not inaccurate or careless, he putted history upside down. More changed the starting point of the conflict; reduced fifteen battles to four; removed several historical figures etc. The author supposes that Thomas More had no intention to describe real past. Quite the opposite, he used historical material to depict some ideal country where Parliament had power to replace kings; where women didn’t participate in politics; where a virtue triumphs and a tyrant had no chance to rule peacefully.

Keywords: The Wars of the Roses, Thomas More, Richard III, House of York, House of Lancaster

For citation: Braun ED. The Wars of the Roses in Thomas More’s “History of Richard III”. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*, 2018;10:54-65.

Введение

На первый взгляд творчество Томаса Мора изучено с почти исчерпывающей полнотой – анализу трудов великого гуманиста посвящены десятки монографий и сотни статей; существуют Общество Томаса Мора [1] и католическое Общество друзей святого Томаса Мора (St. Thomas More Catholic Voluntary Academy [2], с 1963 г. дважды в год выходит журнал с говорящим названием

«Мореана» [3]. И все же в творчестве титана английского возрождения еще остались белые пятна.

Данная небольшая статья посвящена тому, как в «Истории Ричарда III» рассматривается противостояние Йорков и Ланкастеров, т. е. события 1450–1470-х гг. Указанная проблема практически не поднималась в историографии по следующим причинам. Во-первых, сочинение Томаса Мора посвящено очень короткому периоду – весне–лету 1483 г., именно для их реконструкции оно использовалось в течение многих столетий. Информации о предшествующих 1483 г. политических катаклизмах на первый взгляд настолько мало, что ее вряд ли имеет смысл анализировать. Второе затруднение связано с качеством вышеупомянутых фрагментов. Даже историки-традиционалисты, относящиеся к свидетельствам Мора с максимальным доверием, отмечают, что в «Истории Ричарда III» доверия заслуживают только факты, относящиеся к узурпации 1483 г. [4–6, р. 203–207].

«История Ричарда III» как источник по истории Войн Роз

Остановимся на упомянутых проблемах более подробно. Распространенное мнение о ничтожно малом объеме информации, относящейся к царствованиям Генриха VI и Эдуарда IV [7], основано на поверхностном наблюдении. Точные подсчеты дают совершенно иную картину. Как известно, существуют две версии «Истории Ричарда III» – английская и латинская. По единодушному мнению специалистов, основным, главным, изначальным является англоязычный текст. Томас Мор написал «Историю...» на родном языке, а затем (с незначительными исправлениями, сокращениями и пояснениями) перевел свое творение на латынь, чтобы с ним могли ознакомиться Эразм Роттердамский и другие гуманисты [5, 8 р. 152–190]. В данном случае все вычисления делались по английскому тексту канонического издания 1557 г. Этот вариант «Истории» насчитывает 30 533 слова. В рамках текущего исследования суммировались все фрагменты, содержащие информацию о событиях, предшествовавших последней фазе Войн Роз, т. е. смерти Эдуарда IV. Итоговая картина представлена в табл. 1.

Таблица 1

Распределение тематических блоков
в «Истории Ричарда III»

№ фрагмента	Описание событий, предшествовавших смерти Эдуарда IV (1450 – 9 апреля 1483)	Описание истории прихода Ричарда III к власти (10 апреля – июль 1483)
1	1189 слов	
2		195 слов
3	32 слова	
4		112 слов
5	1 381 слово	
6		12 571 слово
7	73 слова	
8		1 289 слов
9	575 слов	
10		1 112 слов
11	1 972 слов	
12		1 154 слова
13	1 152 слова	
14		7 247 слов
ВСЕГО	7 016 слов или 23% текста	

Таким образом, первым этапам Войн Роз Мор уделил не так уж мало внимания – рассказ о них занимает 23% текста. Впечатление о незначительном объеме указанных сведений создается потому, что интересующая нас информация разбита на множество небольших фрагментов, более-менее равномерно распределенных по всему тексту.

Данное наблюдение дает возможность подтвердить господствующее в современной англоязычной историографии мнение – Томас Мор вряд ли имел намерение написать классическую «историю» [9, 4, 10] – он постоянно возвращает читателей к прошлому, заглядывая в будущее, несколько раз возвращается к одному и тому же событию, т. е. следует скорее литературным канонам. Тем не менее

если сложить воедино отрывочные и иногда противоречивые свидетельства, получится масштабное историческое полотно, отличающееся от реальной истории настолько, что эти отклонения имеет смысл систематизировать.

Трансформация истории противостояний Йорков и Ланкастеров в сочинении Томаса Мора

Можно условно выделить три направления трансформации действительности в «Истории Ричарда III». Первое: Томас Мор полностью пересматривает обстоятельства начала конфликта династий. Второе: он существенно трансформирует событийный ряд. Третье: меняется список «героев» этой грандиозной исторической драмы и их характеристики. Попытаемся по возможности подробно разобраться с каждым из пунктов.

Известно, что противостояние Йорков и Ланкастеров началось с того, что в 1452 г. самый могущественный магнат Англии и кузен короля Ричард Йорк поднял вооруженный мятеж против Генриха VI Ланкастера (1422–1461). В 1460 г. после четырех крупных сражений Ричарду Йорку удалось пленить своего сюзерена и занять столицу. Именно тогда герцог Йорк заявил, что сам желает стать королем [11 р. 163–172].

В интерпретации Томаса Мора происходящее изменилось почти до неузнаваемости. Он писал: «Ричард, герцог Йорк... начал не войной, а законным путем добиваться короны, заявив о своем требовании в парламенте... иск его был так хорошо принят, что отпрыск короля Генриха... был совершенно отстранен от наследования, корона же властью парламента передавалась в вечное владение герцогу Йорку... немедленно после смерти короля Генриха. Но герцог не собирался так долго ждать, а вознамерился... захватить власть... однако был... убит при Уэйкфилде» [12].

Отсутствие дат в данном случае неслучайно. Дело в том, что герцог Йорк действительно пытался получить статус наследника престола мирным путем, но гораздо раньше. На парламентской сессии 1451 г. свитский герцога Томас Юнг предложил официально признать Ричарда Йорка принцем Уэльским, но «иск его» вовсе не был «хорошо принят». Дело закончилось роспуском парламента и тюремным заключением Юнга [13 р. 67–74]. В 1460 г. Ричард Йорк потребовал уже саму корону, но и этот «иск» был встречен без всякого восторга. Лондонская хроника сообщает, что лорды были «потрясены» [11 р. 171]. Таким образом, в описании отправки

точки противостояния Йорков и Ланкастеров Томас Мор создает «симбиоз» двух событий. Объединяя «требования» 1451 и 1460 гг., Мор как бы свертывает время, и в этой «черной дыре» исчезают первые четыре сражения Войн Роз (при Сент-Олбансе, май 1455; при Блор-Хите сентябрь 1459; при Ладфорд-Бридж, октябрь 1459; при Нортгемптоне, июль 1460).

Далее Томас Мор пишет, что сын Ричарда Йорка Эдуард, «не дождавшись срока своего престолонаследия, добился короны мечом» [12]. После прочтения этой фразы у читателя складывается впечатление, что со смертью Ричарда Йорка все успокоилось, и Эдуард будто бы мог «дождаться» смерти Генриха VI. В следующем фрагменте мы читаем: «Эдуард, мстя за смерть отца, сверг короля Генриха и присвоил себе корону» [12]. Краткость формулировки подразумевает, что все ограничилось одним-двумя сражениями. Между тем с момента смерти Ричарда Йорка до коронации Эдуарда IV произошло четыре крупных битвы (при Мортимер-Кроссе, февраль 1461; при Сент-Олбансе, февраль 1461; при Феррибридже, февраль 1461; при Таутоне, март 1461).

Чуть позже Томас Мор замечает: «После того как король Эдуард IV низложил короля Генриха VI, он вступил в мирное правление королевством» [12]. Таким образом, автор «Истории...» избавляется еще и от многочисленных восстаний сторонников Ланкастеров, имевших место с 1461 по 1464 г., а также от двух масштабных сражений (при Хеджли-Муре, апрель 1464; при Хексаме, май 1464).

Мы знаем, что Войны Роз возобновились в 1469 г. Мор сводит всю историю к личному конфликту между Ричардом Уорвиком и королем Эдуардом, вызванным обстоятельством женитьбы Эдуарда IV. Король будто бы поручил графу Уорвику отправиться в Испанию просить руки инфанты, но уже после отъезда посольства безумно влюбился в Елизавету Вудвиль и вступил в брак еще до возвращения Уорвика. Самолюбивый лорд преисполнился «великим гневом и высокомерием» (*very angre & disdaine*) [12]; он немедленно «собрал большую силу против короля и столь стремительно напал на него, что тот не мог сопротивляться и должен был покинуть королевство» [12].

Здесь Томас Мор упрощает событийную канву, и кроме того, играет со временем. Начнем с вымышленных фактов – их два: 1) Уорвик вел переговоры не во Франции, а в Испании; 2) Эдуард IV женился тайно, а Мор пишет об обсуждении брака и даже в деталях обрисовывает свадебную церемонию, якобы состоявшуюся в соборе св. Павла [12]. Смысл второй фальсификации

очевиден – «правильный» брак соответствовал идеализированному образу Эдуарда IV [5], и, кроме того, снимал подозрения в не вполне законном происхождении матери Генриха VIII (она была дочерью Эдуарда IV Йорка). С Испанией все несколько сложнее, но можно предположить, что она избрана Мором как нейтральная держава. Реальный, а не вымышленный конфликт Ричарда Уорвика и Эдуарда IV был вызван политическими разногласиями, в частности, Уорвик был сторонником англо-французского альянса, а Эдуард IV желал союза с Бургундией. По-видимому, Мор намеренно не упоминает ни Бургундию, ни Францию и тем самым как бы «удаляет» политический пласт этой истории.

Игры со временем выглядят не менее интересно. По версии Мора Уорвик поднял мятеж сразу же после возвращения в Англию. На деле между женитьбой Эдуарда IV (май 1464) и его бегством из страны (конец сентября 1470) прошло чуть более шести лет. Зато за границей Эдуард IV якобы провел два года [12], хотя на самом деле король вернулся в Англию уже в середине марта 1471 г., т. е. через пять с половиной месяцев [11 р. 183–185]. В данном случае удобнее сначала объяснить удлинение эмиграции Эдуарда IV, а затем вернуться к ходу Войн Роз. Томас Мор отмечал, что пока Эдуард IV пребывал за границей, его супруга скрывалась в Вестминстерском аббатстве, королева даже родила там сына (причем речь идет о старшем сыне короля, наследнике династии), но и речи не было о том, чтобы «извлечь» оттуда семью опального монарха. Преувеличивая длительность пребывания Елизаветы Вудвиль в церковном убежище, Мор готовит читателя к дальнейшему развитию событий. Летом 1483 г. иступленно стремящийся к власти Ричард III пренебрежет правами святого места и фактически силой «извлечет» из Вестминстера младшего сына Эдуарда IV [12].

Вернемся к сокращению временного промежутка, отделявшего возвращение Уорвика в Англию от бегства Эдуарда IV. Исключая из истории эти годы, Мор успешно избавляется еще от двух сражений – при Эджкоут-Муре (июль 1469) и Эмпингеме (март 1470). В обоих случаях речь шла об объединении сил сторонников Уорвика и приверженцев Ланкастеров. Однако, как уже было отмечено выше, по замыслу Томаса Мора в Англии не было людей, готовых по-настоящему поддержать род Генриха VI.

О дальнейших событиях Мор писал: «Граф Уорвик освободил из заключения и вновь возвел на трон короля Генриха VI, который прежде был низложен Эдуардом... Эдуард воротился и... разбил графа Уорвика на Барнетском поле. Граф Уорвик был убит со многими другими вельможами из его сторонников, а Эдуард вновь

завладел короной» [12]. В этом рассказе не нашлось места еще одному сражению – битве при Тьюксбери (май 1471), в которой погиб наследник Генриха VI – принц Эдуард.

Итак, в «Истории...» Томаса Мора остались следующие сражения:

1. Битва при Уэйкфилде, в которой погиб Ричард Йорк.
2. Некая битва/битвы, в результате которой/которых Эдуард IV захватил трон.
3. Возможно, подразумевается сражение, вынудившее Эдуарда IV бежать в Бургундию (хотя в реальности король скрылся, увидев, что его войска деморализованы и не готовы вступить в битву с солдатами Уорвика) [11, р. 180–183].

4. Битва при Барнете, в которой погиб граф Уорвик.

Разумеется, общее впечатление от такой истории Войн Роз существенно меняется. Теперь перейдем к «действующим лицам» этой грандиозной исторической драмы. Первое, что бросается в глаза, – загадочное исчезновение со страниц «Истории Ричарда III» настоящей главы «партии» Ланкастеров Маргариты Анжуйской. Мор упоминает ее только единожды, причем вне всякой связи с событиями Войн Роз, – он отмечает, что в молодости супруга Эдуарда IV Елизавета Вудвиль «находилась на службе у королевы Маргариты, супруги короля Генриха VI» [12]. Отчасти это «исчезновение» можно объяснить гендерными соображениями – управление страной, ведение международных переговоров, личный сбор войск, наконец, руководство армией очевидно не входили в число качеств, которые англичане желали видеть в своей королеве.

Принц Эдуард Ланкастер также упоминается в «Истории...» Мора всего один раз. Рассказывая о том, как Ричард Йорк потребовал у парламента корону, Томас Мор отмечает: «Отпрыск короля Генриха (хоть и был он хорошим принцем) был совершенно отстранен от наследования». Словосочетание «был хорошим принцем (he hadde a goodlye Prince) [12]» предполагает, что Эдуард успел хоть как-то проявить качества будущего государя. На самом деле ничего подобного не было и быть не могло. Дело в том, что принц Эдуард появился на свет 13 октября 1453 г., т. е. летом 1460 г., ему было чуть меньше семи лет.

Возможно, Мор завышает возраст наследника дома Ланкастеров для того, чтобы обелить действия Ричарда Йорка. В «Истории...» парламент выбрал более удачного из двух наследников; в реальности взрослый человек лишил трона шестилетнего ребенка. На наш взгляд, гораздо важнее другое. Ключевым моментом, кульминацией «Истории Ричарда III» является убийство сыновей Эдуарда IV – знаменитых «принцев в Тауэре», которым

было 9 и 12 лет. Еще один пострадавший в Войнах Роз мальчик (к тому же заметно моложе тауэрских принцев) категорически не вписывается в созданный Мором сюжет. Хотелось бы подчеркнуть еще одно обстоятельство. Так как после 1460 г. Эдуард Ланкастер в «Истории Ричарда III» не фигурирует, у читателя складывается впечатление, что принц смирился с решением парламента и, что называется, сошел с политической сцены. Таким образом, неспособный к сколько-нибудь активному сопротивлению Йоркам Генрих VI – по меткому выражению великого гуманиста «король был скорее невинен, чем мудр» (*quam Rex innocentior esset quam sapientior*) [14 р. 4], – оказывается единственным защитником прав Ланкастеров. Неудивительно, что по версии Томаса Мора Йорки получили власть почти без борьбы.

Заключение

Подведем итоги. В «Истории Ричарда III» Томас Мор не просто вольно обошелся с фактами (изменил отправную точку конфликта Йорков и Ланкастеров, свел пятнадцать сражений к четырем и избавился от пары ненужных персонажей), он буквально поставил все с ног на голову.

В интерпретации Мора противостояния династий, т. е. упорной, длительной борьбы за трон, как будто не существовало. Имевший законное право на корону Ричард Йорк якобы мирно заявил о своем требовании в парламенте и без проблем получил статус наследника престола. Генрих VI и его единственный сын, по-видимому, смирились с решением лордов и общин. Единственной причиной начала военных действий стало нетерпение Ричарда Йорка (а затем и его сына Эдуарда Марча), которые желали немедленно заполучить трон. С воцарением Эдуарда IV конфликт был исчерпан. Вторую фазу Войн Роз (1469–1471) Томас Мор рассматривает как личное противостояние Эдуарда IV и графа Уорвика (Создатель Королей будто бы усадил душевнобольного Генриха VI на трон для того, чтобы править Англией самому).

Безусловно, все эти «перемены» были всего лишь средством. Британские исследователи не раз писали о том, что в «Истории...» Англия предстает наследницей античной демократии, страной, в которой якобы правят народ и парламент [10]. Мне кажется, дело не только в этом. На мой взгляд, Мор не пытался предложить современникам новую версию политической истории 1450–1470-х гг., он всего лишь использовал исторический материал, чтобы создать вариацию на

тему «Утопии». «История...» описывает не реальную Англию XV в., а некое идеальное государство, в котором корону не завоевывают, а получают в дар от парламента; отстраненные от власти наследники смиряются перед волей народа; злодеев всегда постигает заслуженная кара; женщины не вмешиваются в политику и т. д., и т. п.

Литература

1. Thomas More Society of America. Official website [Электронный ресурс]. URL: <http://thomasmoresocietyofamerica.org> (дата обращения 30.04.2018).
2. St. Thomas More Catholic Voluntary Academy. Official website [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thomasmoreprimary.org.uk/friends-of-stthomas-more> (дата обращения 30.04.2018).
3. Moreana journal. Official website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eup-publishing.com/loi/more> (дата обращения 30.04.2018).
4. *Candido J.* Thomas More. The Tudor Chroniclers and Shakespeare's Altered Richard // *English Studies*. 1987. Vol. 68. P. 137–141.
5. *Gransden A.* The Humanist historians: Thomas More and Polidor Vergil // *Gransden A. Historical Writing in England: c. 1307 to the early sixteenth century*. London: Routledge, 1996. P. 425–453.
6. *Weir A.* The Princes in the Tower. London: Bodley Head, 1992. 287 p.
7. *Lehman J.S.* Seeing Tyranny in More's History of King Richard III // *Moreana*. 2013. Vol. 50 (191–192). P. 131–157.
8. *Hanham A.* Richard III and his early historians, 1483–1535. Oxford: Clarendon Press, 1975. 230 p.
9. *Kinney D.* Kings' Tragicomedies: Generic Misrule in More's History of Richard III // *Moreana*. 1985. Vol. 86. P. 128–150.
10. *Grant P.* Thomas More's Richard III: Moral Narration and Humanist Method // *Language and the Discovery of Method in the English Renaissance*. London: Macmillan, 1985. P. 19–47.
11. *Cotton Vitellius A-XVI.* *Chronicles of London* / Ed. by Ch. Kingsford. Oxford: Clarendon Press, 1905. 368 p.
12. *More Th.* The History of King Richard III. Online edition transcribed from W.E. Campbell's facsimile of the Rastell edition of 1557 by Richard Bear [Электронный ресурс]. University of Oregon, January-March 1997. URL: <http://www.r3.org/bookcase/more/moretext.html> (дата обращения 30.04.2018).
13. *Hicks M.* The Wars of the Roses 1455–1485. New York: Routledge, 2003. 96 p.
14. *Mori Th.* *Historiae Richardi Tertii* // *Thomae Mori Opera Omnia Latina* [Электронный ресурс]. Francofurti, Lipsiae, 1689. P. 1–26. URL: http://www.thomasmorestudies.org/OmniaOpera/Historia_Richardi_Tertii.pdf (дата обращения 30.04.2018).

References

1. Thomas More Society of America. Official website [Internet]. URL: <http://thomas-moresocietyofamerica.org> (data obrashcheniya 30 Apr. 2018).
2. St. Thomas More Catholic Voluntary Academy. Official website [Internet]. URL: <http://www.thomasmoreprimary.org.uk/friends-of-stthomas-more> (data obrashcheniya 30 Apr. 2018).
3. Moreana journal. Official website [Internet]. URL: <https://www.eupublishing.com/loi/more> (data obrashcheniya 30 Apr. 2018).
4. Candido J. Thomas More. The Tudor Chroniclers and Shakespeare's Altered Richard. *English Studies*. 1987;68:137-41.
5. Gransden A. The Humanist historians: Thomas More and Polidor Vergil. V: Gransden A. *Historical Writing in England: c. 1307 to the early sixteenth century*. London: Routledge Publ.; 1996. p. 425-53.
6. Weir A. The Princes in the Tower. London: Bodley Head, 1992. 287 p.
7. Lehman JS. Seeing Tyranny in More's History of King Richard III. *Moreana*. 2013; 50:131-57.
8. Hanham A. Richard III and his early historians, 1483–1535. Oxford: Clarendon Press, 1975. 230 p.
9. Kinney D. Kings' Tragicomedies: Generic Misrule in More's History of Richard III. *Moreana*. 1985;86:128-50.
10. Grant P. Thomas More's Richard III: Moral Narration and Humanist Method. V: *Language and the Discovery of Method in the English Renaissance*. London: Macmillan Publ.; 1985. p. 19–47.
11. Kingsford Ch., ed. Cotton Vitellius A-XVI. Chronicles of London. Oxford: Clarendon Press, 1905. 368 p.
12. More Th. The History of King Richard III. Online edition transcribed from W.E. Campbell's facsimile of the Rastell edition of 1557 by Richard Bear [Internet]. University of Oregon, January-March 1997. URL: <http://www.r3.org/bookcase/more/moretext.html> (data obrashcheniya 30 Apr. 2018).
13. Hicks M. The Wars of the Roses 1455–1485. New York: Routledge, 2003. 96 p.
14. Thomae Mori. Historiae Richardi Tertii. *Thomae Mori Opera Omnia Latina* [Internet]. Francofurti, Lipsiae, 1689. p. 1-26. URL: http://www.thomasmorestudies.org/OmniaOpera/Historia_Richardi_Tertii.pdf (data obrashcheniya 30 Apr. 2018).

Информация об авторе

Елена Д. Браун, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 119571, пр. Вернадского, д. 82; braun-helen@yandex.ru

Information about the author

Elena D. Braun, Ph.D. in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya sq., Moscow, 125993, Russia; Russian President Academy of National Economy and Public Administration; bld. 82, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia; braun-helen@yandex.ru

Личность, общество и власть в XVI–XX веках

УДК 930(44)

Образ Генриха де Гиза во французской историографии XIX в.

Марина В. Кущева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kusheva@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению личности и деятельности участника Религиозных войн во Франции, Генриха де Гиза, во французской историографии XIX в.

Источниковую базу статьи составили труды французских ученых: как общие исследования по истории Франции и Религиозных войн XVI в., так и специальные работы, авторы которых сосредоточивают внимание на изучении биографии де Гиза. Главная цель работы – проследить развитие взглядов историков на деятельность этого персонажа и выявить те моменты его политической карьеры, которые вызывали споры среди исследователей.

Делается акцент на том, что авторы этого периода ввели в оборот основные источники по теме и заложили основы изучения биографии герцога де Гиза, на которые опирались более поздние исследователи. Впервые в исторической науке автором дается обзор всей основной литературы по теме и на основе сравнительно-исторического метода делается попытка проследить создание историками XIX в. определенного образа Генриха де Гиза, наделенного чертами романтического персонажа. Именно в этот период сформировалась концепция, согласно которой действиями герцога руководило желание подражать своему отцу и стремление отомстить виновникам его гибели. Однако, по мнению большинства исследователей, ему не удалось достичь уровня своих предков и стать самостоятельной политической фигурой.

Ключевые слова: история Франции, историография, Религиозные (Гражданские) войны, Гизы, Генрих (Анри) I де Гиз

Для цитирования: Кущева М.В. Образ Генриха де Гиза во французской историографии XIX в. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43). С. 66–75.

Image of Henri, Duke of Guise in French historiography of the 19th century

Marina V. Kushcheva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
kushcheva@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of the personality and activity of a participant of the French Wars of Religion, Henri I de Guise in the French historiography of the 19th century.

The research is based on different sources, mostly the works of the French historians on history of France and Wars of Religion of the 19th century in general and on special works which authors focused their attention on Henri de Guise biography. The key objective of this work is to follow the development of the views of historians on the activity of that person and to identify such moments in his political career which cause the greatest controversy among historians.

An emphasis is placed on the fact that the authors of that period put into circulation the main sources on the subject and laid the base for studying the biography of Henri I de Guise which later the most researchers relied upon. For the first time in historical studies the author overviews the main literature on the theme and based on the comparative method makes an attempt to follow the creation by the historians of the 19th century of a certain image of Henri I, Duke of Guise, endowed with some features of the romantic character. It was at that time that the concept according to which the actions of the Duke were directed by the desire to imitate his father and to take revenge on the perpetrators of his death was formed. But according to many researchers he didn't manage to reach the level of his ancestors and become an independent political figure.

Keywords: history of France, historiography, the French Wars of Religion, the Guise family, Henri I of Guise (Duke of Guise)

For citation: Kushcheva MV. Image of Henri, Duke of Guise in French historiography 19th century. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*, 2018;10:66-75.

Введение

Генрих (Анри), третий герцог де Гиз (1549–1588), – знаменитый участник Религиозных войн во Франции, один из главных организаторов и фактический глава Католической лиги. Его личность привлекала внимание многих исследователей, писателей, художников и кинематографистов. При этом, как это ни странно, деятельность и судьба герцога крайне редко становилось объектом специальных исторических исследований. Несмотря на неугасающий в течение нескольких веков исследовательский интерес к эпохе Гражданских войн во Франции, существует крайне мало монографий и статей, посвященных биографии одного из ключевых персонажей этих событий – Генриху де Гизу. Известна всего одна работа XIX в. и одна современная биография, полностью повествующие о жизни герцога, плюс еще несколько исследований, в которых подробно прослеживается история рода Гизов и их роль в европейских событиях [1, 2]. Это можно объяснить несколькими причинами. Главные из них, на мой взгляд, – неоднозначность самой личности герцога и ограниченность круга источников, часть из которых были уничтожены, либо утрачены, часть распылены по разным архивам Европы. При этом, как это ни парадоксально, герцог де Гиз – одна из самых популярных фигур в историографии благодаря тому, что он являлся настолько активным действующим лицом Религиозных войн, что без упоминания его имени не обходится ни одно исследование или учебник по истории Франции.

В своей статье я постараюсь дать краткий обзор и характеристику историческим исследованиям, в которых личность герцога занимает сколько-нибудь значительное место и отличается оригинальностью. Источниковую базу статьи составили труды французских ученых XIX в. Главная цель данного обзора – проследить развитие взглядов историков на деятельность этого персонажа, определить, какие моменты его политической карьеры вызывали наибольшие разногласия.

Истоки изучения религиозных войн во Франции

Религиозные войны, которые сейчас принято называть Гражданскими войнами во Франции, всегда являлись конфессионально окрашенной темой. Их раннюю историю создавали в основном протестантские историки. От автора так называемых «Мемуаров Лиги» Гулара [3] до современной исследовательницы Жанин

Гаррисон [4] французские гугеноты воссоздавали летопись событий, которые имели для них особое памятное значение. В ранней протестантской литературе конца XVI – XVII вв. образ Генриха де Гиза был однозначно негативным, что нашло отражение и в художественной литературе [5].

Попытки научного осмысления этих событий мы наблюдаем достаточно рано. Например, во второй половине XVI в. начинают выходить «Изучение Франции»¹ активного участника событий, противника Лиги, эрудита Этьена Паскье [6]. В XVIII в. эта традиция была продолжена. В 1713 г. историк-иезуит Габриэль Даниэль опубликовал свою «Историю Франции», в которой достаточно подробно освещается история Гражданских войн и роль в них Генриха де Гиза [7]. «История...» Даниэля оказала влияние на Вольтера и его восприятие Религиозных войн.

Образ Генриха де Гиза в общих трудах по истории Франции XIX в.

Но подлинный интерес к истории Смуты во Франции и семье Гизов начинаются только в XIX в. Романтическая историография больше благоволила протестантам, однако образ герцога де Гиза, объединившего разные социальные группы в борьбе против королевского деспотизма, не мог не волновать воображения историков этого направления. Как писал современный специалист по истории Религиозных войн Ж.М. Констан: «В XIX в. герцог стал рекордсменом ностальгии по Старому порядку» [2 р. 7].

Один из самых влиятельных историков XIX в., лидер демократического направления в историографии и «первооткрыватель» Ренессанса Жюль Мишле считал Реформацию вторым этапом на пути человечества к свободе. Поэтому главный герой Религиозных войн в изложении Мишле – лидер гугенотов Гаспар де Колиньи, а самого историка некоторые авторы даже причисляют к «гугенотской историографии». Тем более удивительно, что Гизы, непримиримые враги адмирала, удостоились скорее положительной характеристики в его трудах. Достаточно высоко оценивая деятельность и особенно личность Франсуа де Гиза, он гораздо более умерен в своих восторгах относительно сына. Не считая его, видимо, достаточно

¹ В другом переводе – «Ученые записки о Франции». Паскье начал их издавать с 1560 г., но в последних изданиях он касается событий Реформы и Религиозных войн.

независимым и талантливым для принятия самостоятельных решений, Мишле изображает его своеобразной жертвой более сильных политических игроков и собственной нерешительности. Герцог де Гиз «считая, что мстит за своего отца, начинает (свое) поражение умерщвлением Колиньи» во время Варфоломеевской ночи, организованной Екатериной Медичи и герцогом Анжуйским (будущим Генрихом III), затем проявляет нерешительность в ответственный момент, когда, пользуясь всеобщей любовью и авторитетом в Париже, имел возможность захватить власть [8 с. 236, 244].

Историк-социалист Луи Блан посвятил Генриху де Гизу немало строк в первом томе своей грандиозной «Истории французской революции», вышедшем накануне событий 1848 г. [9]. Размышляя над предпосылками и условиями, приведшими страну к революционному перевороту, историк обращается к реформационному движению и Религиозным войнам. История конфликтов XVI в. для Блана – еще один повод проиллюстрировать свою историко-политическую концепцию противостояния индивидуализма и коллективизма в истории общества. Кальвинисты – носители принципа индивидуализма, Лига – авторитета. Не испытывая особой любви к кальвинизму, учению, которое «осмелилось возвести ненависть в религию», Блан не идеализирует и противоположную сторону. Традиционным объектом критики становится у него Екатерина Медичи и последние Валуа, которые, по мнению историка, довели страну до катастрофы своими постыдными и бесполезными деяниями. Портреты Гизов разительно отличаются от описаний королевской семьи и придворных нравов. «Доблестные и великодушные воины», они стали жертвой интриг и ненависти, распространенных в эту варварскую эпоху. Однако образ младшего Гиза более сложен, неоднозначен и глубок, чем его отца. Опираясь на мемуары, политические трактаты и памфлеты, Л. Блан стремится хотя бы общими чертами обрисовать индивидуальные черты его личности, понять мотивы поступков и, главное, причины популярности, насколько это было возможно в общем исследовании. Храбрый и решительный, Анри де Гиз «во многом походил на своего отца, хотя имел менее возвышенный ум и меньше благородства в сердце» [9 с. 117], его погубили самонадеянность и гордыня. Крайние католики связывали свои надежды с Гизами, что неизбежно делало последних главой их партии: «Членам Лиги нужен был глава, которого не стыдно назвать своим главою» [9 с. 116]. Генрих де Гиз – человек принципа, т. е. тот, кто для определенной части французского общества того времени был знаменем, символом определенных идей, воплощавших принцип

авторитета, поэтому «Лига – не орудие честолюбивых замыслов семьи Гизов», наоборот, Лига сделала герцога своим знаменем, в нем нуждались, а не любили [9 с. 116–119]. Блан предвосхитил концепцию историка XX в. Э. Барнави, считавшего Лигу первой политической партией массового типа, объединенную верностью Делу, т. е. принципом, идеей.

Монографии, посвященные семье Гизов

В XIX в. появляются монографии, посвященные семье Гизов. Под влиянием позитивизма историки этой эпохи вводят в научный оборот огромный массив документов, содержащихся во французских архивах: писем, мемуаров, памфлетов и прокламаций. Тогда же были предприняты публикации большинства известных источников, главным образом личного происхождения.

Многотомный труд Рене де Буйе можно назвать классическим исследованием жизни этой семьи и эволюции их влияния на французскую и европейскую политику в течение почти двух веков. Третий герцог де Гиз, Генрих, предстает типичным представителем рода «героических воинов, смелых и глубоких политиков, опоры веры, защитников и одновременно претендентов на трон, последних представителей энергичной аристократии. ...Эти амбициозные принцы, опиравшиеся с одной стороны на внушительный авторитет религии, а с другой – на муниципальные претензии, на энтузиазм и силу демократии, были призваны привести в равновесие судьбы государства в это важную переходную эпоху...» [10, р. V]. Особенностью исследования Буйе является внимание к внутреннему миру и характеру своих персонажей. Очень высоко оценивая лидерские качества личности герцога де Гиза, умение завоевывать популярность, автор считает, что как военный он не достиг успехов своего отца.

Монография Жозефа де Кроза, повествующая о событиях Гражданских войн с точки зрения альянса Гизов и испанского короля Филиппа II, вышла несколько лет спустя после исследования Р. Буйе [11]. В ней впервые были опубликованы письма самого Генриха де Гиза, адресованные испанскому послу Бернардино де Мендосе. На протяжении сотен страниц автор в подробностях реконструирует бурную деятельность де Гиза, сумевшего создать международный военный, политический и религиозный союз, «преодолевая препятствия, с которыми он сталкивался, особенно в партии короля» [11 р. 13].

В первые годы Третьей республики во Франции была опубликована еще одна двухтомная монография о семье Гизов, написанная одним из ведущих французских историков XIX в. Анри Форне-роном. По признанию самого автора, про дом Гизов уже написано множество работ, однако исследования зарубежных историков, опирающиеся на новые источники, без которых невозможно стало говорить о XVI в., требуют очередного обращения к этой теме. Во втором томе своего исследования, почти полностью посвященного Генриху де Гизу, историк уделяет особое внимание формированию личности герцога и факторам, оказавшим влияние на этот процесс, главными из которых были преданность своей семье и желание отомстить за гибель отца. Последнее обстоятельство сделало его не просто участником, но и одним из организаторов Варфоломеевской ночи. Как и Мишле, автор недоумевает, почему де Гиз не воспользовался возможностью захватить корону Франции, когда она была почти в его руках [12 p. 370].

Биография Генриха де Гиза III. Ковена

Первая научная биография, полностью посвященная Генриху де Гизу, вышла в 1881 г. [1]. Ее автор, Шарль Ковен – историк с ярко выраженным конфессиональным подходом, его можно отнести к консервативной традиции в историографии. Его эмоциональное, образное, но достаточно объективное, опирающееся на большое количество источников повествование до сих пор можно считать классической биографией герцога де Гиза. Ковен был прекрасно знаком с современной ему историографией, имеющей хоть какое-то отношение к Религиозным войнам и семье Гизов, однако это не уберегло его от некоторых ошибок. Возможно, именно с его легкой руки в историографии закрепилась ошибочная дата рождения герцога: 1550 г. вместо 1549 г.² Однако очевидными достоинствами этой монографии является не только подробное изложение жизни и деятельности главного героя, но и внимание к историческому фону, на котором разворачивались драматические события жизни де Гиза. Несомненно, биография, созданная католическим историком, носит несколько апологетический характер. Автор пытается оправдать своего героя, объясняя ошибки и преступления, совершенные им, объективными обстоятельствами, нравами эпохи и действиями

² Большинство авторов словарных статей ссылаются именно на этот труд при составлении библиографии.

других лиц. Напротив, положительные качества и поступки де Гиза всячески им подчеркиваются и предстают следствием благородного характера героя. Определяющим событием в жизни де Гиза, сыгравшим роль катализатора многих событий, особенно Варфоломеевской ночи и деятельного участия герцога в Гражданских войнах, автор видит убийство его отца, Франсуа де Гиза: «Вся мстительность и ненависть, на которую был способен подросток, застили ему глаза темной пеленой, она же разрывала его во время кровавого дня Святого Варфоломея» [1 с. 6]. Резня гугенотов, по мнению Ковена, готовилась Екатериной Медичи в течение долгого времени, Гиз до последнего момента не был в него посвящен и вынужден был обратиться к католическому дворянству и парижанам для своей защиты после покушения на Колиньи. Сам герцог обладал благородным характером, «его милосердие и жалость пробуждались в пользу побежденных» [1 с. 8], он никогда не проявлял неоправданную жестокость. Все главные обвинения, предъявляемые Гизу: Варфоломеевская ночь, день Баррикад и его альянс с Филиппом II могут быть сняты с герцога, если изучить обстоятельства, которые им предшествовали и эпоху, их породившую.

Заключение

XIX век стал настоящим прорывом в изучении личности Генриха де Гиза. Авторы этого периода ввели в оборот большое количество источников по теме и заложили основы изучения биографии герцога, на которые опирались более поздние исследователи. Историки XIX в. создали определенную легенду вокруг образа Генриха де Гиза. При всем различии подходов к пониманию эпохи Религиозных войн, в конструировании образа герцога историками разных школ и направлений было много общих черт. Образ этого персонажа претерпел изменения от романтического к более реалистичному, но французские историки разных школ и направлений XIX в. скорее благоволили к Генриху де Гизу. Не идеализируя его, они не склонны были придавать ему демонические черты и обвинять в эскалации религиозного конфликта. Часть историков даже считали, что он проявил слабость, не воспользовавшись возможностью захватить власть и сменить на троне выродившуюся династию Валуа.

Большинство историков XIX в., во-первых, возлагали на католиков и протестантов в равной мере ответственность за этот конфликт, во-вторых, были убеждены, что герцог являлся скорее

орудием для воплощения чьих-то замыслов, чем самостоятельным игроком, в третьих, они считали, что его отец, которому старался подражать Генрих, обладал намного большими талантами, и только особая историческая ситуация сделала именно младшего Гиза более значительной фигурой.

В эпоху Третьей республики во Франции интерес к личности де Гиза постепенно ослабевает, что, по мнению некоторых историков, связано с другими задачами в области исторического образования и национальной памяти [2 р. 7–8]. Однако он продолжает оставаться популярным персонажем художественных произведений.

Литература

1. *Cauvin Ch.* Henri de Guise le Balafré: Histoire de France de 1563 a 1589. Tours: Alfred Mame et Fils, 1881. 376 p.
2. *Constant J.-M.* Les Guise. Paris: Hachette, 1984. 261 p.
3. *Goulart S.* Les mémoires de la ligue sous Henri III. et Henri IIII. rois de France, ou recueils distincts, infinies particularités mémorables des affaires de la Ligue, depuis l'an 1576, jusques à l'an 1598: 6 vol. [Genève]: [Jacque Stoer], 1598–1604. Vol. 1. 513 p.; Vol. 2. 606 p.; Vol. 3. 758 p.; Vol. 4. 730 p.; Vol. 5. 831 p.; Vol. 6. 675 p.
4. *Garrisson J.* 1572, La Saint-Barthélemy. Bruxelles: Complexe, 2000. 219 p.
5. *Марло К.* Парижская резня // Марло К. Сочинения. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. С. 527–586.
6. *Pasquier E.* Des recherches de la France. Paris: Gilles Robinot, 1581. 246 p.
7. *Daniel G.* Histoire de France, depuis l'établissement de la monarchie française dans les Gaules. Paris: Delespine, 1713. Vol. 1–3.
8. *Мишле Ж.* Краткая история Франции до французской революции / Пер. [и авт. предисл.] с фр. К. Пуговин. СПб.: Тип. Департамента внешней торговли, 1838. [2], VI, [2], 330 с.
9. *Блан Л.* История Французской революции: В 12 т. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1871. Т. 1. 480 с.
10. *Bouillé R., de.* Histoire des ducs de Guise. Paris: Amyot, 1849. Т. 1. 556 p.
11. *Croze J., de.* Les Guises, les Valois et Philippe II. Paris: Amyot, 1866. Vol. 2. 428 p.
12. *Formeron H.* Les Duc de Guise et leur époque. Étude historique sur le seizième siècle. Paris: Pion, 1877. Vol. 1. 424 p.; Vol. 2. 449 p.

References

1. *Cauvin Ch.* Henri of Guise of Scarface: Histoire de France de 1563 a 1589. Tours: Alfred Mame et Fils, 1881. 376 p.
2. *Constant J.-M.* The Guise. Paris: Hachette, 1984. 261 p.

3. Goulart S. The memoirs of the League, ou recueils distincts, infinies particularités mémorables des affaires de la Ligue, depuis l'an 1576, jusques à l'an 1598: 6 vol. [Genève]: [Jacque Stoer], 1598–1604. Vol. 1. 513 p.; Vol. 2. 606 p.; Vol. 3. 758 p.; Vol. 4. 730 p.; Vol. 5. 831 p.; Vol. 6. 675 p.
4. Garrisson J. 1572, St. Bartholomew's Day. Bruxelles: Complexe, 2000. 219 p.
5. Marlowe Ch. The Massacre at Paris. V: Marlowe Ch. *Works*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1961. p. 527-86.
6. Pasquier E. Des recherches de la France. Paris: Gilles Robinot, 1581. 246 p.
7. Daniel G. Histoire de France, depuis l'établissement de la monarchie française dans les Gaules. Paris: Delespine, 1713. 3 vol.
8. Michelet J. The Brief History of France before the French Revolution. Sankt-Peterburg: Tipografiya Departmenta vneshnei torgovli, 1838. 330 p.
9. Blanc L. The History of the French Revolution: 12 vol. Sankt-Peterburg: Tipografiya A.S. Suvorina, 1871. Vol. 1. 480 p.
10. Bouillé R., de. Histoire des ducs de Guise. Paris: Amyot, 1849. Vol. 1. 556 p.
11. Croze J., de. Les Guises, les Valois et Philippe II. Paris: Amyot, 1866. Vol. 2. 428 p.
12. Forneron H. Les Duc de Guise et leur époque. Étude historique sur le seizième siècle. Paris: Pion, 1877 ; Vol. 1. 424 p.; Vol. 2. 449 p.

Информация об авторе

Марина В. Кущева, старший преподаватель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; kusheva@mail.ru

Information about the author

Marina V. Kushcheva, senior lecturer, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; kusheva@mail.ru

Образ Междоцарствия
как «ужасного времени без императора»
у Фридриха Шиллера и его влияние
на немецкую медиевистику XIX в.

Станислав Б. Беленький

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия, sbelenky.92@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются истоки представлений в германо-язычной историографии XIX–XX вв. о Междоцарствии 1250/1254–1273 гг. в Священной Римской империи как о периоде глубочайшего кризиса и времени национальной трагедии немцев. Автор показывает роль творчества Ф. Шиллера в формировании и распространении образа «ужасного времени без императора», а также исследует концепции историков, перенявших и развивавших идеи выдающегося поэта и историка. Образ эпохи, омраченной политическим кризисом, значительно повлиял на восприятие отечественной истории самими немцами и является одним из проблемных мест для немецкого национализма, а потому оказывается в фокусе исследователя сравнительно нечасто. Немецкая медиевистика XIX–XX вв. рассматривается в статье и через призму интеллектуальной истории, и в контексте идеологической борьбы, в которой средневековая история используется как своеобразное оружие. В статье продемонстрирована жесткая преемственность концепций Междоцарствия: новые поколения историков ссылаются на предшественников и воспроизводят в целом одну и ту же модель. Только в XXI в. в историографии наступили перемены, связанные также с политическими и глобальными процессами в Европе и мире.

Ключевые слова: Междоцарствие, Священная Римская Империя, имперская власть, Штауфены, Фридрих II, Альфонсо X Мудрый, Ричард Корнуольский, немецкий романтизм, Ф. Шиллер

Для цитирования: Беленький С.Б. Образ Междоцарствия как «ужасного времени без императора» у Фридриха Шиллера и его влияние на немецкую медиевистику XIX в. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43). С. 76–85.

The image of the Interregnum period
as Friedrich Schiller's "Schreckliche, kaiserlose Zeit"
and its role in German Medieval studies
of 19th century

Stanislav B. Belen'kii

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia; sbelenky.92@mail.ru*

Abstract. The article considers the origins of beliefs in German-speaking historiography of the 19th – 20th centuries about the Interregnum of 1250 / 1254-1273 in the Holy Roman Empire as a period of the deepest crisis and time of Germans national tragedy. The author shows the role of F. Schiller in the formation and distribution of the image of "a terrible time without an emperor", and also explores the concepts of historians who adopted and developed the ideas of an eminent poet and historian. The image of the epoch clouded by the political crisis significantly influenced the perception of national history by the Germans themselves and was / is one of the problem areas for German nationalism, and therefore it turns out to be the focus of the researcher relatively infrequently. German medieval studies of 19th – 20th centuries are considered in the article both through the prism of intellectual history and in the context of the ideological struggle, in which medieval history is used as a kind of weapon. The article demonstrated the strict continuity of the Interregnum concepts: new generations of historians refer to their predecessors and reproduce the same model as a whole. Just in the 21st century this line can be described as ended, and it is for the most part affected by political and global processes in Europe and the world nowadays.

Keywords: Interregnum, Holy Roman Empire, imperial power, Staufens, Frederick II, Alfonso X the Wise, Richard of Cornwall, German Romanticism, F. Schiller

For citation: Belen'kii SB. The image of the Interregnum period as Friedrich Schiller's "Schreckliche, kaiserlose Zeit" and its role in German Medieval studies of 19th century. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*, 2018;10:76-85.

Введение

Одной из особенностей историографии начала XIX в., времени, когда история еще не стала частью научного знания, являлась тесная связь исторических штудий с миром литературы и искусства¹. И хотя уже Аристотель четко отделял историю от поэзии, по меньшей мере до середины XIX столетия не только историки подсказывали сюжеты поэтам, но и последние, подчас, определяли ход мыслей историков. Один из примеров подобного рода станет объектом исследования в настоящей статье.

Речь идет об относительно мало известной у нас балладе выдающегося немецкого поэта-романтика и общественного деятеля Фридриха Шиллера (1759–1805) «Граф Рудольф Габсбургский»² [2 с. 339–343]. Это сочинение было написано в 1803 г., а сам основной сюжет заимствован из хроники швейцарца Эгидиуса Чуди, о чем сказано в примечании к самому произведению. В самом начале мы видим совместный пир князей и короля Рудольфа Габсбурга в 1273 г. Среди прочего рассказывается о встрече короля со священником, спешащим к находящемуся при смерти человеку, и об одолжении королем клирику своей лошади, чтобы он добрался к умирающему как можно скорее. Священник уже на следующий день возвращает владельцу его имущество, однако король отказывается принять коня, поскольку хочет отдать его так или иначе Церкви, ибо он чтит того, от кого принял жизнь и получил корону.

Под этим «ужасным временем» Ф. Шиллер подразумевал т. н. период Великого Междуцарствия – периода 1250/1254–1273 гг. в истории Священной Римской Империи, последовавшего за смертью императора Фридриха II Штауфена (1220–1250). Кратко напомним основные события этого времени³. Еще в правление Фридриха, в 1248 г. при активнейшем содействии папы Иннокентия IV (1243–1254) был избран антикороль Генрих Распе, за которого голосовали главным образом духовные князья, архиепископы Майнца и Кельна. Вскоре после вступления на престол Генрих был вовлечен в бесконечные войны со своими соперни-

¹ Этот феномен блестяще исследован в классической работе Б.Г. Ризова [1].

² Существует также перевод В.А. Жуковского «Граф Гапсбургский», но в данном случае им оперировать нельзя из-за неточной передачи нюансов, вложенных в оригинал самим Шиллером.

³ Подробнее об этом см.: [3].

ками в борьбе за имперский престол – Конрадом IV, а позднее – с Вильгельмом Голландским, которого он победил в битве при Нидде 5 августа 1246 г. Тем не менее в 1247 г. сопротивление его власти стало настолько мощным, что он был вынужден отойти от дел и удалился в Вартбургский замок, где вскоре и умер. После этого главным претендентом на власть стал Вильгельм, граф Голландии. Поддержку ему вновь оказали духовные власти, и 1 ноября 1248 г. он был коронован архиепископом Кёльна Конрадом фон Хохштаденом во взятом войсками графа Кёльне. Поддержку новому императору оказала северо-западная Германия, на территории которой сложился Рейнский городской союз (Rheinischer Städtebund), созданный для взаимопомощи и защиты. Для упрочения новой власти Вильгельм собрал во Франкфурте знать, где объявил род Штауфенов лишенным всех ленов. Таким образом, он фактически отдал полную власть в Империи знати, а сам занялся войнами с фризцами и Фландрией в интересах Голландии.

В 1257 г., после смерти Вильгельма Голландского были организованы новые выборы. В них участвовали два соперника, которые, будучи родственниками Штауфенов по боковым линиям, не имели практически никакой связи с Империей. Речь идет о Ричарде Корнуолльском, брате английского короля Генриха III, сыне Иоанна Безземельного и Изабеллы Ангулемской (через которую он и получил определенные права на императорский престол), и кастильском короле Альфонсо X Мудром, родственнике Штауфенов через свою мать Беатрису Швабскую, дочь Филиппа Швабского. Сопоставимость сил соперников предопределила ожесточенную и длительную борьбу между ними, тогда как престол де-факто оказался вакантен. Каждый из них пытался достичь Рима и короноваться в «вечном городе», поскольку именно акт коронации папой давал статус императора. Альфонсо так никогда и не побывал в Германии (не ступив севернее Бокера), но активно спонсировал своих сторонников в немецких и итальянских землях Империи. Ричарда избирают три архиепископских города: Трир, Майнц и крупнейший город тогдашней Германии Кёльн. После этого он добрался до Аахена, где его короновали королем Германии, и именно после этого начался период войн между двумя конкурентами за трон, длившийся более двадцати лет и закончившийся только в 1273 г., когда во главе Германии стал Рудольф Габсбург.

Проблема Междуцарствия: взгляд из XVIII в.

Введенный Шиллером образ “Schreckliche, kaiserlose Zeit” имел колоссальное значение, ибо при своей яркости и известности сразу настраивал на определенный лад, а потому служил идеальным эпиграфом к чуть ли не всем трудам по Междуцарствию. Вместе с тем как сам этот термин, так и связанные с ним негативные коннотации ввел отнюдь не великий немецкий поэт. В гораздо большей мере этот взгляд следует связывать с представлениями автора «Истории немцев» Михаэля Игнаца Шмидта (1736–1794), католического священника и историка, ставшего в 1780 г. директором Венского дворцового архива. Весь период после смерти Барбароссы он изображал как постепенный упадок с небольшим перерывом, приходящимся на правление Фридриха II, после смерти которого наступил глубочайший политический кризис, настоящая национальная трагедия. При этом именно Шмидт первым употребил понятие “Interregnum”: «время Вильгельма Голландского и Конрада IV поже на Междуцарствие» [4 с. 4–5].

К моменту выхода книги М. Шмидта его точка зрения отнюдь не являлась общим местом. Это видно, в частности, из содержания труда его старшего современника, силезского историка права Георга Кристиана Гебауэра (1690–1773), автора «Жизни и знаменательных деяний господина Ричарда, избранного римского Императора» [5]. Уже из названия книги явствует, на чьей стороне находятся симпатии автора. Он говорил, что эпоха воспринимается с таким негативом из-за близких к папской курии римских хронистов. Собственно, работа писалась как своеобразный панегирик английскому предку, а потому довольно много говорится о том, что именно Ричард был наиболее легитимным кандидатом на трон. В целом Гебауэра феномен королевской власти в XIII в. не особенно волновал, равно как и тогдашняя Германия. Да и чего-либо плохого, даже минимально, в книге о Ричарде нет и быть не может.

Однако Ф. Шиллер оказался под влиянием именно труда М. Шмидта, тональность которого оказалась много более созвучной его времени и мироощущению, чем труд Г.К. Гебауэра. Выпускник Юридического факультета Штуттгартского университета, профессор истории и философии в Йенском университете, Ф. Шиллер, предчувствуя будущие поражения немцев в эпоху наполеоновских войн, грезит о лучших временах в истории своей родины, описывая коронацию Рудольфа Габсбурга как великий и светлый праздник. В его балладе в Ахене во время пира «за столом сидела священная

власть короля Рудольфа»⁴, а блюда и вино подносили пфальцграф и король Богемии. Все семеро имперских князей, пишет поэт, восседали рядом с королем, «как хор звезд вокруг солнца, окружив правителя мира...»⁵, тогда как на улицах радовался и кричал простой народ, потому что «после долгих лет жуткой ссоры закончилось ужасное время без императора, и на Земле снова появился судья»⁶. При этом сам Рудольф называет себя “Kaiser”, т. е. император, хотя формально он никогда таковым не являлся, поскольку не был коронован в Риме.

Междоцарствие как эпоха заката у историков эпохи романтизма

Яркие образы Ф. Шиллера оказали на историков его поколения явно большее влияние, чем англофильские идеи Г.К. Гебауэра. Это видно, в частности, из работы историка из Анхальта Фридриха фон Раумера (1781–1873), написавшего шеститомный труд о Гогенштауфенах и их времени [6]. Фон Раумер использовал практически все тогда известные письменные источники, на основе которых создал по-шекспировски яркую галерею исторических портретов и историю самой великой династии [4 с. 9]. Повествование заканчивается на Конрадине, бывшего последним представителем Штауфенов. Германия у фон Раумера представляется как некое прекрасное государство прошлого (“das alte Reich”), а потому мы можем смело говорить здесь о прямом влиянии романтизма на историческое творчество автора. Необходимо подчеркнуть и тот факт, что Раумер был верующим католиком и членом католической Партии Центра, был членом Франкфуртского парламента в 1848–1849 гг. Разумеется, для такого человека Междоцарствие не может не быть печальным концом одной из лучших, если не лучшей, эпохи в истории его народа.

⁴ В стихе Шиллера: “...Saß König Rudolfs heilige Macht beim festlichen Krönungsmahle“.

⁵ “...Wie der Sterne Chor um die Sonne sich stellt, umstanden geschäftig den Herrscher der Welt...”

⁶ “...Denn geendigt nach langem verderblichen Streit war die kaiserlose, die schreckliche Zeit, und ein Richter war wieder auf Erden”.

Ранкеанская историография о Междуцарствии

В середине – второй половине XIX в. образ эпохи Междуцарствия изменился. Во-первых, в этом образе появилось значительно больше негативных нот и трагизма, что видно в трудах, касающихся истории Империи как единого целого, а не в работах об отдельных княжествах или графствах. В этот период возникает проблема альтернативного пути развития Германии, которая была воплощена в каждом из трех тогдашних кандидатах: Вильгельме Голландском, Ричарде Корнуольском и Альфонсо X Мудром. Без сомнения остается тот факт, что английский граф и король Кастилии все равно были не немцами, а потому хорошего от них для Германии едва ли можно было бы ожидать: их главной целью, как говорится в нижеописанных работах, было завоевать господство над южными имперскими землями, т. е. над Италией. Это более чем соотносится с тогдашними событиями на политической арене и отражает видение немецкими патриотическими историками современных им событий.

В описанной парадигме работали, в первую очередь, два австрийских историка – О. Лоренц [7] и А. Буссон [8], бывшие не только коллегами, но еще и друзьями в обычной жизни. А поскольку у Буссона книга вышла несколько позже, то в ней друг и коллега Лоренц неоднократно упомянут, и на него есть многочисленные ссылки.

Период Междуцарствия освещается у Лоренца в первом томе, и необходимая нам глава названа «История Империи» (Reichsgeschichte), хотя вообще-то автор делает аспект на региональном аспекте истории описываемой им эпохи. Название шестой главы здесь означает историю Империи как института, как императорской власти над всеми территориями, входившими в состав этого “Reich”. Главная причина всего Междуцарствия, как ее понимал сам Лоренц, оказывалась весьма предсказуемой: после смерти Конрада IV, по вступлении на престол Вильгельма Голландского, “Reich” и императорская корона потеряли свое былое значение. Именно поэтому у Вильгельма не было врагов после получения власти – на него никто не обращал внимания. Лоренцу важен тот факт, что все три королевско-иностранные действовали в интересах не Империи, а своих родных земель, будь то Голландия, Англия или Кастилия. Таким образом, они лишь использовали Германию в собственных интересах.

Этим же историк объясняет феномен Рейнского городского союза: города объединялись для самозащиты, и именно им была выгодна сильная центральная власть. При этом Вильгельма Голландского Лоренц называет самым несчастным из немецких королей, поскольку, будучи религиозным человеком и ставленником

папы, он быстро потерял поддержку Церкви просто потому, что его «протезе» Иннокентий IV умер, и главой Римской церкви стал Александр IV, которому немецкие дела были значительно менее интересны [7 с. 139–140]. Все Междоусобие в целом представляется Лоренцу как некая альтернатива развития Империи, когда и Альфонсо X, и Ричард Корнуольский хотели и вполне могли создать в Германии⁷ централизованную власть. Но тут же историк задается вопросом: а было бы хорошо иметь такую централизацию, если она основывается на иностранных деньгах и оружии?

При этом основы Империи подрывали и князья, действовавшие исключительно в интересах собственных ленов, и апогеем этой тенденции стала деятельность Оттокара Богемского, который сделал Империю из «Священной» и «Римской» «богемско-австрийской» [7 с. 161–162]. Кризис власти в 1250-х гг., по Лоренцу, был вызван политикой князей, их нежеланием иметь сильного монарха, а также тем, что они забыли об интересах Германии и просто продались за иностранные деньги.

Что же касается Арнольда Буссона, то в главном он придерживается абсолютно той же концепции, хотя есть и отличия: его в большей мере интересуют события, связанные с выборами 1257 г.; при этом Буссон практически полностью опирался на данные хроники Мэтью (Матвея) Парижского, которого именовал просто “Schriftsteller”, т. е. «писатель» [8 с. 11]. Кроме того, в отличие от Лоренца, Буссон стремился к объяснению не столько причин, сколько хода событий. Обращу внимание на несколько его оригинальных выводов, не повторяющих старшего коллегу (хотя и не всегда ему противоречащих). Во-первых, Буссон отмечал, что сильная власть в Германии все же отвечала интересам самих князей [8 с. 2]. Во-вторых, у Буссона хоть и упоминается встреча в Вольмириштеде, но там ничего не говорится о заботе Бранденбурга и Саксонии об общегерманских интересах. По мнению историка, Отто просто не мог избраться императором, поскольку находился в конфликте с некоторыми влиятельными церковными иерархами [8 с. 2].

По примечаниям видно, что Буссон основывается на все том же Мэтью (Матвее) Парижском, а также на хронике Томаса Уайкса, ряде документов из папских архивов, а также источниках из архивов итальянских городов, прежде всего – посланиях. Но в целом картины Междоусобия как глубокого кризиса власти в империи у Лоренца и Буссона не противоречили друг другу, хотя последний

⁷ Любопытно, что немецкие историки и в наши дни используют понятия Империи и Германии как абсолютно взаимозаменяемые.

все-таки кажется менее тенденциозным, а его поле зрения (выборы 1257 г.) – более конкретным, что видно в сравнении с трудами его друга и коллеги Лоренца и трудами Г.К. Гебауэра.

Заключение

Таким образом, рожденный поэтическим сознанием Фридриха Шиллера образ «ужасного времени без императора» был охотно подхвачен немецкими и австрийскими историками-романтиками, которые в трагическом ключе описывали события 1250–1273 гг. Недовольные современностью, историки романтического направления искали то время, когда мир еще не был испорчен. Их интересовало Средневековье, т. е. та эпоха, которая, по их мнению, олицетворяла мощную духовную культуру, не утраченную связь между людьми, а иногда и пример сильной власти императора, объединявшего всю Германию. В середине – второй половине XIX в. романтическая историография уступила место иным принципам историописания, основы которых были заложены Г. Нибуром, Л. фон Ранке и их единомышленниками. Однако вопреки распространенным представлениям разрыв между романтической и научной историографией вовсе не являлся абсолютным. В частности, это видно и на примере историографии периода Междоусарствия, «шиллеровское» отношение к которому сохранялось в немецкой медиевистике вплоть до последних десятилетий.

Однако эта тема является объектом отдельного исследования, которое автор настоящей статьи собирается предпринять в ближайшем будущем.

Литература

1. *Реузов Б.Г.* Французская романтическая историография. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1956. 536 с.
2. *Schiller F.* Der Graf von Habsburg // Schiller F. Werke und Briefe. Bd. 1. Berlin: Deutscher Klassiker Verlag, 1992. S. 339–343.
3. *Weinfurter St.* Das Reich im Mittelalter. Kleine deutsche Geschichte von 500 bis 1500. München: Beck 2008. 320 S.
4. *Kaufhold M.* Deutsches Interregnum und europäische Politik. Konfliktlösungen und Entscheidungsstrukturen 1230–1280. Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 2000. 485 S.
5. *Gebauer G.C.* Leben und denkwürdige Thaten Herrn Richards, erwählten römischen Kaisers. Leipzig, 1744. 249 S.

6. *Raumer F., von.* Geschichte der Hohenstaufen und ihrer Zeit: in 6 Bänden. Bd. 6. Leipzig: Universitätsverlag, 1825. 519 S.
7. *Lorenz O.* Deutsche Geschichte im 13. und 14. Jahrhundert. Bd. 1. Wien: W. Braumüller, 1863. 498 S.
8. *Busson A.* Die Doppelwahl des Jahres 1257 und das römische Königthum Alfons X. von Castilien: ein Beitrag zur Geschichte des grossen Interregnums. Münster: Aschendorff, 1866. 136 S.

References

1. Reisoв BG. French historiography of Romantic era. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta Publ.; 1956. 536 p. (In Russ.)
2. Schiller F. Der Graf von Habsburg. V: Schiller F. *Werke und Briefe*. Bd. 1. Berlin: Deutscher Klassiker Verlag Publ.; 1992. S. 339-43.
3. Weinfurter St. Das Reich im Mittelalter. Kleine deutsche Geschichte von 500 bis 1500. München: Beck Publ.; 2008. 320 S.
4. Kaufhold M. Deutsches Interregnum und europäische Politik. Konfliktlösungen und Entscheidungsstrukturen 1230–1280. Hannover: Hahnsche Buchhandlung Publ.; 2000. 485 S.
5. Gebauer GC. Leben und denkwürdige Thaten Herrn Richards, erwählten römischen Kaisers. Leipzig, 1744. 249 S.
6. Raumer F., von. Geschichte der Hohenstaufen und ihrer Zeit. 6 Bänden. Bd. 6. Leipzig: Universitätsverlag Publ.; 1825. 519 S.
7. Lorenz O. Deutsche Geschichte im 13. und 14. Jahrhundert. Bd. 1. Wien: W. Braumüller Publ.; 1863. 498 S.
8. Busson A. Die Doppelwahl des Jahres 1257 und das römische Königthum Alfons X. von Castilien: ein Beitrag zur Geschichte des grossen Interregnums. Münster: Aschendorff Publ.; 1866. 136 S.

Информация об авторе

Станислав Б. Беленький, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 119571, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1; sbelenky.92@mail.ru

Information about the author

Stanislav B. Belen'kii, postgraduate student, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 82, Vernadskii av., Moscow, 119571, Russia, sbelenky.92@mail.ru

Еврейские салоны в фокусе аккультурации евреев Пруссии на рубеже XVIII–XIX вв.

Мария С. Третьякова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, marsmithee@mail.ru*

Аннотация. В статье предпринимается попытка показать роль еврейских салонов Берлина в процессах аккультурации прусских евреев на рубеже XVIII–XIX вв.

В настоящей статье дается обоснование концепту «аккультурация», рассматриваются ее проявления в жизни еврейских женщин. Автор рассматривает основные направления просветительской деятельности лидера Хаскалы Моисея Мендельсона как предпосылку появления первых еврейских салонов в Берлине.

На основе источников личного происхождения автор стремится представить хозяйек наиболее знаменитых еврейских салонов Берлина – Генриетту Герц и Рахель Левин. Выявляется круг их посетителей, а также прослеживается, какие возможности давали салоны еврейским женщинам для усвоения ими европейского культурного опыта посредством коммуникации с христианами. Автором настоящей статьи рассматривается вопрос о причинах перехода еврейских женщин в христианство как итоге еврейско-христианского взаимодействия в рамках салонов и за их пределами.

Особое внимание уделяется литературному творчеству женщин из еврейской среды как важнейшей составляющей аккультурации. На примерах женщин-авторов Доротеи Шлегель и Эстер Гад в настоящей статье предпринимается попытка выяснить, какую роль сыграли еврейские салоны в становлении их литературной деятельности.

Ключевые слова: еврейский салон, аккультурация, интеграция, Хаскала, Просвещение, Пруссия

Для цитирования: Третьякова М.С. Еврейские салоны в фокусе аккультурации евреев Пруссии на рубеже XVIII–XIX вв. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43). С. 86–95.

Jewish salons in the focus of Acculturation of Prussian Jews at the turn of 18th – 19th centuries

Maria S. Tretyakova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
marsmithee@mail.ru*

Abstract. The article is an attempt to demonstrate a significance of Jewish salons in the context of acculturation processes of Prussian Jews at the turn of 18th–19th centuries.

In the article, a notion “acculturation” is conceptualized and its manifestations are considered. Author considers main directions of cultural and educational activities by Moses Mendelsohn, the leader of Haskalah, as a precursor for an emergence of first Jewish salons in Berlin.

On the basis of personal texts, author aims to present the most famous Jewish salons’ hostesses – Henriette Herz and Rahel Levin. In the present article, the visitors’ circle of mentioned salons is defined. Author traces opportunities in adoption of European cultural heritage given to Jewish women for European cultural heritage’s reception by means of their communications with Christians in the framework of the salons. The article deals with a question of conversion of Jewish women to Christianity as a consequence of Jewish-Cristian interaction within salons and outside of them.

A special attention is paid to the Jewish women’s literary work as an important component of the acculturation. Based on instances of women-writers Dorothea Schlegel and Esther Gad, author makes an attempt to figure out a role of Jewish salons in their literary activity’s genesis.

Keywords: Jewish salon, acculturation, integration, Haskalah, Enlightenment, Prussia

For citation: Tretyakova MS. Jewish salons in the focus of Acculturation of Prussian Jews at the turn of 18th–19th centuries. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*, 2018;10:86-95.

Введение

Салонная культура зародилась во Франции в XVI в. Особенно-стью данной формы коммуникации является доминирующая роль женщины в ее организации и осуществлении. Во второй половине XVIII в. мода на салоны пришла и в немецкие государства.

Наиболее авторитетными исследователями салонной культуры Германии являются Дебора Гертц, Ханна Лундт, Барбара Хан и Петра Вильгельми-Доллингер. В российской историографии данная тематика остается неисследованной. Источниковая база настоящей работы представлена обширной перепиской и мемуарами акторов салонной жизни Пруссии, а также материалами публицистического характера.

Цель данной статьи – показать роль еврейских салонов Берлина как центров еврейско-христианской коммуникации в процессах аккультурации прусских евреев на рубеже XVIII–XIX вв.

Евреи и Прусское государство во второй половине XVIII в.

Во второй половине XVIII в., в годы правления Фридриха II, Пруссия стала одним из динамично развивающихся немецкоязычных регионов.

В соответствии с идеалами Просвещения, король-философ провозгласил веротерпимость в своем политическом завещании от 1752 г. Однако данный принцип не распространялся на иудеев, главных конкурентов торговцев-христиан [1 с. 109]. Согласно регламенту от 1750 г., еврейское население Пруссии делилось на «покровительствуемых» и «терпимых», в зависимости от уровня дохода и заслуг перед двором. Малоимущие члены еврейской общины были лишены права на занятие торговлей или ремеслом, а также выбор места жительства. В число поборов входили серебряный налог, налог на выборы общинных органов управления, пожарный налог и др. [2 с. 9].

Моисей Мендельсон и идеи аккультурации евреев

Просвещенная часть прусских евреев стремилась улучшить положение единоверцев. Это вызвало к жизни идеи аккультурации, проводником которых стал лидер Хаскалы – еврейского Просвещения – Моисей Мендельсон.

Аккультурация, по определению немецко-американского историка Герберта Штраусса – сложный культурно-исторический концепт [3 с. 9]. На объективном уровне аккультурация выражается в усвоении языка и стереотипов поведения представителей другой культуры. На субъективном уровне человек ощущает свою

принадлежность к другой культуре эмоционально и интеллектуально [3 с. 9].

Приобщение к немецкой культуре Мендельсон рассматривал как панацею от социальной изоляции евреев [4 с. 56]. В целях секуляризации сознания еврейских юношей в 1781 г. была открыта Свободная еврейская школа в Берлине [5 с. 48]. Основой образовательной программы стали немецкий и французский языки, арифметика, геометрия и другие светские науки.

Реформаторская деятельность Моисея Мендельсона вызвала негодование блюстителей ортодоксального иудаизма [5 с. 48]. Открытие Свободной еврейской школы, а также перевод Торы на немецкий язык осудили влиятельные раввины Праги и Альтоны [6 с. 32]. Однако после Семилетней войны влияние талмудистов несколько ослабло. Так, берлинские евреи одевались по-европейски, ходили в театр и читали немецкие газеты [7 с. 520].

Несмотря на протесты раввинов, состоятельные евреи ангажировали учителей иностранных языков и для девочек [1 с. 117]. Усвоив немецкий язык, еврейские девушки открывали для себя романы Гёте и Шиллера [8 с. 124]. Радость от приобщения к миру немецкой литературы еврейские девушки стремились разделить в своих салонах.

Литературный салон Генриетты Герц

В конце 1770-х гг. открыл двери первый еврейский салон Берлина [1 с. 128]. Его хозяйка – Генриетта Герц, дочь врача сефардского происхождения, считалась хорошо образованной женщиной [9 с. 483].

Путевкой в свет для Генриетты Герц стал брак с учеником Канта, еврейским просветителем Маркусом Герцем [6 с. 66]. На домашние лекции Герца по физике и медицине собиралась «избранная публика» [8 с. 97]. Послушать его приходил сам кронпринц, будущий король Фридрих Вильгельм III.

Завсегдатаями салона Генриетты Герц были братья Вильгельм и Александр Гумбольдты, будущий министр внутренних дел Пруссии Александр Дона Шлобитген. Ни одной встречи в доме Герц не пропускали религиозный философ Фридрих Шлейермахер и писатель-романтик Фридрих Шлегель.

Общение с немецкими интеллектуалами позволило Генриетте Герц приобщиться к европейской культуре. Так, новомодному французскому танцу минует а ля Рьен юная Герц обучалась у братьев

Гумбольдт [10 с. 501]. Популярная французская писательница мадам Жанлис, пребывавшая в разгар якобинского террора в Германии, охотно давала Герц уроки французского [8 с. 100–101].

В 1790-х гг. Фридрих Шлейермахер оказывал большое влияние на Герц [11 с. 249]. В 1799 г. Генриетта Герц взялась за перевод путевых заметок шотландского путешественника Мунго Парка «Путешествия во Внутреннюю Африку», которые были опубликованы при посредничестве Шлейермахера [12 с. 107].

Фридрих Шлейермахер сумел убедить Генриетту Герц во внешней обрядовости иудаизма [13 с. 74]. Примечательно, что мемуары Генриетты Герц содержат лишь один эпизод из детства – воспоминание о том, как влиятельные члены общины запретили еврейским детям участвовать в постановке оперетты на европейский манер [8 с. 92]. В 1817 г., поддавшись на убеждения Шлейермахера, Генриетта Герц перешла в протестантизм.

Литературный салон Рахели Левин

Одной из самых знаменитых женщин своего времени была Рахель Левин, дочь банкира Маркуса Левина. Семейство Левин проживало на улице миллионеров – Егерштрассе, их дом регулярно навещали чиновники, обедневшие аристократы, надеявшиеся на займ, а также художники и актеры [5 с. 44]. Будучи заядлым театралом, Маркус Левин привил эту любовь Рахели [14 с. 23].

Рахель привлекала современников своим остроумием [15 с. 475]. В 1790-х гг. в мансарде своего роскошного дома она принимала гостей – молодых интеллектуалов, актеров и актрис, аристократов [16 с. 150]. В разное время в ее доме бывали братья Вильгельм и Александр Гумбольдты, Фридрих и Август Шлегели, Тик, Новалис и др.

Рахель Левин умело демонстрировала свою эрудицию и оригинальность [17 с. 89]. Для поддержания атмосферы единства в своем салоне Левин не делала различий между своими гостями по происхождению [16 с. 154]. Так, принимая у себя принца Луи Фердинанда и князя Радзивилла, Левин не выказывала им особого почтения [1 с. 135]. Недоумение общственности вызывала дружба Рахели Левин с людьми, не следовавшими канонам добропорядочности [15 с. 475]. Так, доверительные отношения связывали Левин с графиней Пахтой, состоявшей в гражданском браке с выходцем из бюргерской среды, и графиней Шлабрендорф, носившей мужскую одежду [1 с. 132].

Рахель Левин слыха большой поклонницей галантных парижан и сокрушалась по поводу скудности почвы и нравов Пруссии

[18 с. 147]. Однако в 1813 г., в ходе сражений союзнической армии с Наполеоном под Кульмом и Дрезденом, Рахель Левин организовала перевязочный пункт для раненых прусских, австрийских и русских солдат [19 с. 258]. Финансовую поддержку Рахели Левин оказывали внуки банкира Даниэля Итцига – прусский дипломат Якоб Соломон Бартольди и его сестра Лея Мендельсон, мать композитора Феликса Мендельсона [19 с. 258]. Инициативу Рахели Левин финансово поддерживала и Каролина фон Гумбольдт [20 с. 150–151].

Литературный опыт Доротеи Шлегель

В салоне Генриетты Герц Доротея Фейт, дочь Моисея Мендельсона, познакомилась с Фридрихом Шлегелем. После развода с мужем, банкиром Симоном Фейтом, Доротея перешла в протестантизм, после чего была вынуждена перебраться вместе со Шлегелем в Йену.

Финансовые трудности вынудили Доротею заняться писательской и переводческой деятельностью. Шлегель чувствовала актуальные тенденции в литературе и умело им подражала [21 с. 7]. Так, в 1801 г. увидел свет ее роман «Флорентин», созданный по образу и подобию «Вильгельма Мейстера» Гёте.

Литераторы из числа друзей и знакомых семьи Шлегель высоко оценили работу Доротеи. К достоинствам романа Фридрих Шлейермахер причислил своеобразный стиль «Флорентина» и добросовестную проработку психологического портрета главного героя [22 с. 244–245]. Сама Доротея Шлегель считала свой труд ремеслом [23 с. 155]. К истинным творцам литературных шедевров она причисляла своего мужа, который, по ее признанию, не должен был размениваться на незначительные работы [24 с. 128].

Эстер Гад и идеи эмансипации женщин

Еще одной женщиной-автором из среды прусских евреев была Эстер Гад, уроженка Бреслау. После развода с еврейским коммерсантом Самуэлем Бернардом тридцатидвухлетняя Эстер вместе с сыном переехала в Дрезден, а затем и в Берлин.

В Берлине Гад стала завсегдатаем салонов Рахели Левин и Генриетты Герц. Это позволило ей завести знакомства и продолжить активную литературную деятельность. Ее самой значительной работой стало эссе от 1798 г. в ответ на назидательный памфлет

педагога Йоахима Генриха Кампе о предназначении женщины [25]. Кампе предостерегал женщин, будущих жен и матерей, от «вредного» увлечения искусством и писательством, мешавших им в выполнении своего гражданского долга [26]. Эстер, наделенная «тягой к познанию и истинной учености», выступила с жесткой критикой взглядов Кампе [25 с. 585–586]. Источником вдохновения для Гад послужил памфлет Мэри Уолстонкрафт «В защиту прав женщин» 1792 г., имевший большой общественный резонанс [12 с. 109]. В нем автор обосновала необходимость доступности образования для женщин как инструмента борьбы с излишней сентиментальностью и невежеством [27].

Заключение

Еврейские салоны Берлина обладали большими интегративными возможностями. Здесь посредством общения с немецкими аристократами, чиновниками и людьми творческих профессий еврейские женщины из богатых семей усваивали европейский образ жизни. При посредничестве известных немецких литераторов некоторые еврейки пробовали свои силы в мире немецкой литературы. Интенсивные контакты с христианами нередко способствовали добровольному отказу от еврейской идентичности. Главными проявлениями данного процесса стали еврейско-христианские браки и переход ряда еврейских женщин в протестантизм.

Литература

1. *Lund H.* Die ganze Welt auf ihrem Sopha. Frauen in europäischen Salons. Berlin: Trafo verlag, 2004. 198 S.
2. *Дубнов С.М.* Новейшая история еврейского народа: В 2 т. Т. 1. Петроград: Изд-во «Кадима», 1919. 248 с.
3. *Strauss A.H.* Akkulturation als Schicksal. Einleitende Bemerkungen zum Verhältnis von Juden und Umwelt // Juden und Judentum in der Literatur / Hrsg. von H.A. Strauss. München: Deutsche Taschenbuch Verlag, 1985. S. 9–26.
4. *Wilhelmy-Dollinger P.* Die Berliner Salons. Berlin; New York: De Gruyter, 2000. 429 S.
5. *Hertz D.* How Jews became Germans. The History of Conversion and Assimilation in Berlin. New Haven: Yale University Press, 2009. 276 p.
6. *Feiner S., Naimark-Goldberg N.* Cultural Revolution in Berlin. Jews in the age of Enlightenment. Oxford: The Bodleian Library, 2011. 94 p.

7. *Grimm F.C., Ulrich J.H.F.* Bemerkungen eines Reisenden durch die Königlich Preußischen Städten // *Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen / Hrsg. von R. Schmitz.* Berlin: Die Andere Bibliothek, 2013. S. 520–521.
8. *Herz H.* Ihr Leben und ihre Erinnerungen. Berlin: Verlag von Wilhelm Hertz, 1858. 343 S.
9. *Böttiger C.A.* Tagebuch einer Reise nach Berlin // *Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen / Hrsg. von R. Schmitz.* Berlin: Die Andere Bibliothek, 2013. S. 482–484.
10. *Bauer C.* Aus meinem Bühnenleben // *Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen / Hrsg. von R. Schmitz.* Berlin: Die Andere Bibliothek, 2013. S. 501.
11. Friedrich Schleiermacher an seine Schwester Charlotte, d. 30st. Mai 1798 // *Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen / Hrsg. von R. Schmitz.* Berlin: Die Andere Bibliothek, 2013. S. 250.
12. *Naimark-Goldberg N.* Jewish women in Enlightenment. Berlin. Oxford: The Littman Library of Jewish Civilization, 2013. 344 S.
13. *Поляков Л.* История Антисемитизма. Эпоха знаний. М.; Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 1998. 446 с.
14. *Tewarson H.T.* Rahel Varnhagen. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1988. 159 S.
15. Johann Daniel Sander an den Publizisten Carl August Böttiger, 14. Januar 1797 // *Henriette Herz in Erinnerungen / Hrsg. von R. Schmitz.* Berlin: Die Andere Bibliothek, 2013. S. 475–477.
16. *Hahn B.* A Dream of Living Together: Jewish Women in Berlin around 1800 // *Jewish Women and Their Salons. The Power of Conversation.* New York; New Haven; London: Yale University Press, Jewish Museum, 2005. P. 149–157.
17. *Varnhagen von Ense K.A.* Denkwürdigkeiten des eigenen Lebens. Leipzig: Brockhaus, 1871. Bd. 2. 327 S.
18. Rahel an Bokelmann in Cadiz, den 12. Juni 1801 // *Aus Rahel's Herzensleben, Briefe und Tagebuchblätter.* Leipzig: Brockhaus, 1877. S. 146–150.
19. Rahel an Varnhagen, den 12. October 1813 // *Ein Buch des Nachdenkens für ihre Freunde.* Berlin: Trowitzsch und Sohn, 1833. S. 258–260.
20. An Rahel von Karoline Humboldt // *Galerie von Bildnissen aus Rahel's Umgang und Briefwechsel.* Leipzig: Gebrüder Reichenbach, 1836. Bd. 1. S. 150–151.
21. *Deibel F.* Dorothea Schlegel als Schriftstellerin im Zusammenhang mit der romantischen Schule. Berlin: Mayer und Mueller, 1905. 188 S.
22. Schleiermacher an Dorothea, den 6. December 1800 // *Aus Schleiermacher's Leben. In Briefen.* Berlin: Verlag von Georg Reimer, 1861. S. 244–246.
23. Dorothea an Schleiermacher, den 14. Februar 1800 // *Aus Schleiermacher's Leben. In Briefen.* Berlin: Verlag von Georg Reimer, 1861. S. 155–156.
24. Dorothea an Schleiermacher, den 28. October 1799 // *Aus Schleiermacher's Leben. In Briefen.* Berlin: Verlag von Georg Reimer, 1861. S. 128–130.

25. *Gad E.* Einige Äusserungen über Hrñ. Kampe'sns Behauptungen, die weibliche Gelehrsamkeit betreffend // *Der Kosmopolit. Eine Monatschrift zur Beförderung wahrer und allgemeiner Humanität.* Halle: Renger, 1798. S. 577–590.
26. *Campe J.H.* Väterlicher Rath für meine Tochter. Ein Gegenstück zum Theophron, der erwachsenen weiblichen Jugend gewidmet. Frankfurt; Leipzig, 1790. 510 S.
27. *Wollstonecraft M.* A Vindication of the Rights of Woman. Mineola: Dover publications, 1996. 208 p.

References

1. Lund H. Die ganze Welt auf ihrem Sopha. Frauen in europäischen Salons. Berlin: Trafo verlag Publ.; 2004. 198 S.
2. Dubnov SM. The newest history of the Jewish people. 2 vols. Vol. 1. Petrograd: Kadima Publ.; 1919. 248 p. (In Russ.)
3. Strauss AH. Akkulturation als Schicksal. Einleitende Bemerkungen zum Verhältnis von Juden und Umwelt. V: Strauss HA., Hrsg. *Juden und Judentum in der Literatur.* München: Deutsche Taschenbuch Verlag Publ.; 1985. S. 9-26.
4. Wilhelmy-Dollinger P. Die Berliner Salons. Berlin; New York: De Gruyter Publ.; 2000. 429 S.
5. Hertz D. How Jews became Germans. The History of Conversion and Assimilation in Berlin. New Haven: Yale University Press, 2009. 276 p.
6. Feiner S., Naimark-Goldberg N. Cultural Revolution in Berlin. Jews in the age of Enlightenment. Oxford: The Bodleian Library Publ.; 2011. 94 p.
7. Grimm FC., Ulrich JHF. Bemerkungen eines Reisenden durch die Königlich Preußischen Städten. V: Schmitz R., Hrsg. *Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen.* Berlin: Die Andere Bibliothek Publ.; 2013. S. 520-21.
8. Herz H. Ihr Leben und ihre Erinnerungen. Berlin: Verlag von Wilhelm Hertz Publ.; 1858. 343 S.
9. Böttiger CA. Tagebuch einer Reise nach Berlin // R. Schmitz, Hrsg. *Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen.* Berlin: Die Andere Bibliothek Publ.; 2013. S. 482-84.
10. Bauer C. Aus meinem Bühnenleben. V: R. Schmitz, Hrsg. *Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen.* Berlin: Die Andere Bibliothek Publ.; 2013. S. 501.
11. Friedrich Schleiermacher an seine Schwester Charlotte, d. 30st. Mai 1798. V: R. Schmitz, Hrsg. *Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen.* Berlin: Die Andere Bibliothek Publ.; 2013. S. 250.
12. Naimark-Goldberg N. Jewish women in Enlightenment. Berlin. Oxford: The Littman Library of Jewish Civilization Publ.; 2013. 344 S.
13. Poliakov L. The History of Anti-Semitism. The Knowledge Epoch. Moscow; Ierusalim: Mosty kul'tury Publ.; Gesharim Publ.; 1998. 446 p. (In Russ.)
14. Tewarson HT. Rahel Varnhagen. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag Publ.; 1988. 159 S.

15. Johann Daniel Sander an den Publizisten Carl August Böttiger, 14. Januar 1797. V: Schmitz R., Hrsg. *Henriette Herz in Erinnerung*. Berlin: Die Andere Bibliothek Publ.; 2013. S. 475-77.
16. Hahn B. A Dream of Living Together: Jewish Women in Berlin around 1800. V: *Jewish Women and Their Salons. The Power of Conversation*. New York; New Haven; London: Yale University Press, Jewish Museum, 2005. p. 149-57.
17. Varnhagen von Ense KA. Denkwürdigkeiten des eigenen Lebens. Leipzig: Brockhaus Publ.; 1871. Bd. 2. 327 S.
18. Rahel an Bokelmann in Cadiz, den 12. Juni 1801. V: *Aus Rahel's Herzensleben, Briefe und Tagebuchblätter*. Leipzig: Brockhaus Publ.; 1877. S. 146-50.
19. Rahel an Varnhagen, den 12. October 1813. V: *Ein Buch des Nachdenkens für ihre Freunden*. Berlin: Trowitzsch und Sohn Publ.; 1833. S. 258-60.
20. An Rahel von Karoline Humboldt. V: *Galerie von Bildnissen aus Rahel's Umgang und Briefwechsel*. Leipzig: Gebrüder Reichenbach Publ.; 1836. Bd. 1. S. 150-51.
21. Deibel F. Dorothea Schlegel als Schriftstellerin im Zusammenhang mit der romantischen Schule. Berlin: Mayer und Mueller Publ.; 1905. 188 S.
22. Schleiermacher an Dorothea, den 6. December 1800. V: *Aus Schleiermacher's Leben. In Briefen*. Berlin: Verlag von Georg Reimer Publ.; 1861. S. 244-46.
23. Dorothea an Schleiermacher, den 14. Februar 1800. V: *Aus Schleiermacher's Leben. In Briefen*. Berlin: Verlag von Georg Reimer Publ.; 1861. S. 155-56.
24. Dorothea an Schleiermacher, den 28. October 1799. V: *Aus Schleiermacher's Leben. In Briefen*. Berlin: Verlag von Georg Reimer Publ.; 1861. S. 128-30.
25. Gad E. Einige Äusserungen über Hr. Campe's Behauptungen, die weibliche Gelehrsamkeit betreffend. V: *Der Kosmopolit. Eine Monatschrift zur Beförderung wahrer und allgemeiner Humanität*. Halle: Renger Publ.; 1798. S. 577-90.
26. Campe JH. Väterlicher Rath für meine Tochter. Ein Gegenstück zum Theophron, der erwachsenen weiblichen Jugend gewidmet. Frankfurt; Leipzig Publ.; 1790. 510 S.
27. Wollstonecraft M. A Vindication of the Rights of Woman. Mineola: Dover publications Publ.; 1996. 208 p.

Информация об авторе

Мария С. Третьякова, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; marsmithee@mail.ru

Information about the author

Maria S. Tret'yakova, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; marsmithee@mail.ru

Положение беженцев из Беларуси
в центральных губерниях России
в годы Первой мировой войны
(1915–1917 гг.)

Виталий Г. Корнелюк

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
Гродно, Беларусь, zrumljowa@mail.ru*

Аннотация. В статье обращается внимание на такой аспект истории вынужденной миграции из Беларуси, как длительный период пребывания беженцев-белорусов в городах и селах более чем тридцати губерний Российской империи. В статье обращается внимание, что сам характер взаимоотношений беженцев и местного населения был обусловлен мероприятиями помощи мигрантам, создания условий их социальной адаптации, исключения социальной напряженности, которая могла возникнуть из-за комплекса проблем, вызванных самим беженством как массовым экстремальным явлением. На основе архивных материалов, материалов российской периодической печати военного времени, автор делает вывод о том, что в ходе вынужденного длительного нахождения за пределами родных мест, которое длилось до девяти лет, беженцы-белорусы находились в обстоятельствах, способствующих обострению национальных черт в условиях, стимулирующих осознание своей этнической отличности.

Ключевые слова: вынужденная миграция, беженцы-белорусы, национальное самосознание, социальная адаптация беженцев, Первая мировая война

Для цитирования: Корнелюк В.Г. Положение беженцев из Беларуси в центральных губерниях России в годы Первой мировой войны (1915–1917 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43). С. 96–105.

The Plight of Refugees from Belarus in the Central Provinces of Russia during the First World War (1915–1917)

Vitaly G. Korneljuk

*Yanka Kupala Grodno state University, Grodno, Belarus,
zrumljowa@mail.ru*

Abstract. The article draws attention to such an aspect of the history of forced migration from Belarus as the long period of Belarusian refugees' stay in cities and villages of more than thirty provinces of the Russian Empire. The article draws attention to the fact that the very nature of the relationship between refugees and the local population was caused by measures of help to migrants, creating conditions for their social adaptation, excluding social tensions that could arise due to the complex problems due to the fleeing itself as a mass extreme phenomenon. On the basis of archival materials, the materials of the Russian periodicals of wartime, the author concludes that during the forced long stay outside the native places, which lasted for up to nine years, Belarusian refugees were in circumstances that contribute to the aggravation of national traits, in conditions that stimulate awareness of their ethnic difference.

Keywords: forced migration, refugees-Belarusians, national identity, social adaptation of refugees, the First World War

For citation: Korneljuk VG. The Plight of Refugees from Belarus in the Central Provinces of Russia during the First World War (1915–1917). *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*, 2018;10:96-105.

Введение

Новейшие исследования и большой объем новых архивных источников позволяют проанализировать характер взаимоотношений беженцев-белорусов и местного населения в контексте новой миграционной государственной политики российского руководства в 1915–1917 гг.

Особенности географии расселения беженцев-белорусов

Вынужденные мигранты белорусских губерний попадали в различные регионы империи. В частности – в списках реэвакуированных, которые прибывали в Гродно уже в составе Польши, на протяжении 1921–1923 гг. – упоминание о городах тридцати различных губерний [Государственный архив Гродненской области, г. Гродно. Ф. 46. Оп. 2. Д. 4. Л. 49–53]. Для сравнения, по сведениям, которыми в июле 1917 г. оперирует Гродненское отделение Всероссийского комитета помощи пострадавшим от войны, 622 тысячи беженцев из Гродненской губернии расселялись по 18 губерниям и по области войска Донского [Национальный исторический архив Беларуси, г. Гродно (НИАБ г. Гродно). Ф. 1213. Оп. 1. Д. 1. Л. 42; Л. 40–43 об.].

Стремление к обеспечению социальной адаптации вынужденных мигрантов

Проанализируем осуществление миграционной политики в отношении беженцев из Беларуси, руководствуясь критериями социальной адаптации мигрантов [1, с. 40]. Ее достижение сулило гражданский мир и спокойствие во взаимоотношениях местного и беженского населения. С 1915 по 1917 г. процесс социальной адаптации беженцев из Беларуси действительно происходил, и во многом благодаря высокой нравственности тех, кто непосредственно работал с беженцами [НИАБ г. Гродно. Ф. 109. Оп. 1. Д. 4. Л. 22 об.]. Примером вдумчивой организации являются скрупулёзные проверки в отношении массовых заявлений о материальной помощи [НИАБ г. Гродно. Ф. 1213. Оп. 1. Д. 2. Л. 65–72; Л. 74–74 об.]. Для принятия решения по каждому обращению проводилась проверка [НИАБ г. Гродно. Ф. 1213. Оп. 1. Д. 2. Л. 111, 112–117 об.].

С другой стороны, анализ, например, деятельности Правления Хвольнского уездного отделения Всероссийского Российского комитета помощи жертвам войны в Саратовской губернии, члены которого за пять заседаний с 14 июня по 26 июля рассмотрели 73 беженских прошения, из которых удовлетворили 62, отказав остальным с очень подробными объяснениями и предложениями, показывает, что данная работа велась со всей тщательностью [Государственный архив Саратовской области, г. Саратов. Ф. 611. Оп. 2. Д. 2. Л. 123–126 об., 127–128, 116–121, 129–129 об., 130–132].

На местах, лицом к лицу с самими беженцами, такие действия были составной частью той социальной среды, которая в определенной степени способствовала процессу социальной адаптации беженцев.

Предпосылки и обстоятельства социокультурных взаимоотношений беженцев и местного населения

Работа была залогом выживания беженцев и их семей. Одним из условий этого было владение русским языком. Свою роль здесь играли национальные беженские организации [2 с. 2]. И языковой вопрос в проблеме трудоустройства ими, например, польских беженцев, был не на последнем месте [Национальный архив Республики Беларусь, г. Минск (НАРБ г. Минск). Ф. 4. Оп. 1. Д. 128., Л. 26 об.].

Беженцы-белорусы также по-разному справлялись со своим далеко не безупречным владением русским языком [3 с. 252; 4, с. 77]. Ведь белорус был активным носителем своего, белорусского языка, а беженская судьба забрасывала его нередко в совершенно иноязычную среду, из которой мигранты просили переселить их [ГАСО. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 10. Л. 305]. Но подавляющее большинство беженцев постепенно научилось говорить по-русски [5 с. 123, 307].

Были в многотысячном беженстве и другие случаи, когда определенным катализатором самообразования беженцев становился другой мир, в котором они оказались. «Не зная русского языка и говоря на беловежском наречии», как вспоминала 9-летняя Н. Руско из местечка Беловеж, она «не тратила желания познать города, посещать многочисленные церкви, знакомиться с улицами города и набережной Волги» [5 с. 344]. Маленькая Т. Данилюк из д. Орля (Гродненская губ.) «научилась хорошо говорить по-чувашски», другой, как В. Потапович из д. Бобіна-Старина (Гродненская губ.), «быстро овладел татарским языком».

«Сначала беженец, – отмечает А. Гулин, – в чужом и отчужденном по национальности городе чувствует себя полностью растерянным, зачастую просто не зная русского языка» [6 с. 27]. Выходу из этого положения беженцев, которые «жили, одновременно, в среде субкультуры мигрантов и сталкивались ежедневно со средой культуры большинства», способствовала система беженского просвещения [7 с. 68]. Национальное образование было в руках национальных организаций, русскоязычное – в ведении общероссийской системы образования. Министерство народного просвещения 31 июля 1915 г. распорядилось, чтобы занятия для беженцев нерусской на-

циональности «велись... с учетом особенностей в отношении языка преподавания и закона веры», и учителями из числа беженцев [8 с. 196]. Например, в феврале 1916 г. в Н. Новгороде четыре ученицы-католички посещали Сусанинскую частную женскую гимназию, а еще пять учились в частном реальном училище, и такие примеры не единичны [ГА РФ. Ф. 9599. Оп. 1. Д. 31. Л. 6 об., 7 об.].

Рядом со школьным просвещением шла религиозная поддержка беженцев. Так, Особое совещание в Петрограде признало целесообразным «для каждой заселенной беженцами-католиками губернии начиная с третьей четверти 1915 г. определять... определенное количество ксендзов...» [9 с. 273]. Хотя, конечно, никакой идиллической картины не было. Крайне тяжелое положение, на грани выживания, ставило для большинства беженцев под вопрос саму возможность образования их детей.

Одной из наиболее эффективных форм решения проблем адаптации мигрантов является добровольная организация их компактных поселений. В расселении белорусских мигрантов придерживались такого принципа. По переписи 1917 г. из 34 губерний с беженцами наиболее заполненные – Екатеринославская (14%). Самарская (13,1%), Тамбовская (10,2%), Саратовская (10,1%). Харьковская (7,4%). Это – более 50% всех беженских хозяйств [20 с. 2, 10, 18, 26, 34, 42. *Подсчет наш.* – В. К.]. Добавим сюда беженцев из Владимирской, Калужской, Московской, Петроградской, Рязанской, Симбирской губерний. Это – 30,9% от всех беженских хозяйств [10 с. 2, 10, 18, 26, 34, 42. *Подсчет наш.* – В. К.]. Близкие показатели концентрации количества беженцев-белорусов из Тамбовской, Саратовской, Рязанской, Владимирской губерний мы можем отметить в ведомости ходатайств в Московскую Центральную комиссию в 1918 г. [11 с. 3]. Правда, такая концентрация совсем не означала факта сплоченности среди беженцев. Читаем об этом у представителя Белорусского Национального Комиссариата по Саратовской губернии: «...Не будучи объединенными, беженцы-белорусы не смогли представлять из себя чего-либо определенного и в политическом отношении. Белорусы католики, находясь на попечении польских организаций, считали себя поляками, кое в чем разбирались. А белорусы православные, называя себя просто русскими, не интересовались ни политикой, не положением своей родины, той родины, вернуться в какую у них было единственной мечтой, и представляли из себя инертную массу» [НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 67. Л. 4].

Заметим, что в процессе определенного самопознания беженцев свою роль играл фактор впечатления от новых для них культур. Ведь крестьянство, которое, по данным переписи 1897 г., составля-

ло 76,7%, жило ближним окольным миром [12 с. 19]. Беженство придало этому малоподвижному миру движение: 155 бывших беженцев бывшей Гродзенской губернии, по их воспоминаниям, жили в 32 губерниях и областях России [13; *Подсчет наш.* – В. К.]. И первое впечатление на беженцев произвели жалость и благодушие со стороны местных. Крестьяне Ардатавского уезда Нижегородской губернии в 1915 г. в большинстве случаев отказываются брать из уездной управы деньги за перевоз беженцев от железнодорожной станции к месту их нового обитания [14 с. 6]. Крестьяне д. Языково Уфимского уезда оперативно нашли выход в создании столовой на 200 посадочных мест, приспособив для этого новое помещение местной больницы, за два дня сделав надлежащий ремонт [15 с. 3]. Про доброту, отзывчивость и доброжелательность местного населения к беженцам мы имеем 77 фактов упоминаний таких отношений в 155 воспоминаниях беженцев бывшей Гродненской губернии [5 с. 15–486]. Даже некоторая реклама на страницах газет второй половины 1915 г. информировала о 5–10% скидках на товары и услуги при условии, что покупать их будут беженцы [16 с. 9–13]. Заметим, что факты раздражительности, жалоб и недовольства со стороны местного населения, не портят общего впечатления от первичной реакции [17 с. 55; 18 с. 20–21].

Весь период сосуществования беженцев и местного населения породил массу примеров разного рода воздействия, влияния, заимствования. 10-летнему А. Акачуку из д. Рогачев запомнилось, что сосед-татарин «делился... всем, что сам имел». О том, что «очень приятные там люди были: мисками и верцехами нам кушать приносили», Е. Онищук из гродненской д. Гусаки вспоминает со слов родителей, так как сама была во время беженства грудным ребенком. О. Белемук из д. Ставишчи вспоминает: «Когда мы впервые приехали в город (Рогачев), местные люди нам ничего не жалели. “Это – для беженцев”, – говорили. Каждый ел сколько хотел» [5 с. 16, 32, 40]. В письме, подписанном от имени тридцати одного беженца из Гродно, оказавшихся в селе Новый Ягорлик Ставропольской губернии, можно прочесть, что «отношение местного населения к беженцам хорошее» [ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 7. Д. 7. Л. 7–7 об.]. А в приговоре одного из бурятских собраний сообщалось, что «для размещения беженцев отводим четыре дома с отоплением и светом. ...Каждый из нас обязуется данному приговору взять к дому одного человека из беженцев» [19 с. 11]. Жители одной из деревень Белбеевского уезда Уфимской губернии решили взять к себе 259 беженцев. «...Надо помочь бедолагам», – говорили бакалавские крестьяне [20 с. 3].

Самообразование беженцев, было одним из аспектов взаимоотношений с местным обществом. «Польские крестьяне – одни из самых лучших в мире – не пьют, трудолюбивые и религиозные... – отмечала в своей работе биографического содержания английский медсестра А.В. Турстан [21, с. 90, 97]. На странице «Калужского курьера» в тексте беседы с местным калужским крестьянином упоминается впечатление простых людей от трудолюбия беженцев: «Спросите какого-нибудь мужика, как работают беженцы и услышите: «Ничего. Хорошо идут...» [22, с. 2]. Беженцы-крестьяне на селе виделись настоящей помощью в сельскохозяйственной работе, поэтому, когда первая нервозность от переезда и расселения на новом месте исходила, беженцы «с населением сближались... сильнее...» [23 с. 4].

Бросались в глаза беженцам из белорусских краев различия чужого хозяйственного уклада. «Снопов не ставили. Клали просто на землю на крест. ...Когда мой отец объяснил своему хозяину, как это у нас делается, тот одобрил идею и похвалил его за это», – вспоминает А. Логвинюк из д. Ставищи [13 с. 239]. Много упоминаний в воспоминаниях бывших беженцев-белорусов об особенностях местного кулинарного искусства [5 с. 226, 239, 270]. С этими воспоминаниями беженцев бывшей Гродненской губернии перекликаются факты из тогдашней российской прессы [24 с. 6]. «Наш запад более культурный за восток, поэтому с волной беженцев к нам идет и культура», – подчеркивает автор «Калужского курьера» [25 с. 4].

Такая географическая мозаика умноженная на количество тысячи беженских впечатлений от нее, может рассматриваться как существенный фактор влияния на мировоззрение этих людей, где одним из его последствий становилось более обостренное, более сознательное ощущение беженцами своей этнической отличности, самобытности.

Заключение

Исходя из всего отмеченного в жизни вынужденных мигрантов из Беларуси в русских губерниях в течение 1916–1917 гг. можно утверждать, что хотя государственная российская миграционная политика в отношении эвакуированных и беженцев из Беларуси не ставила специальной задачи их социальной адаптации на местах их временного пребывания, сами действия, которые помогали этим мигрантам, а также продолжительный процесс повседневного взаимодействия с населением новых культур создавали условия для такой адаптации.

Источники

1. Государственный архив Гродненской области, г. Гродно.
2. Национальный исторический архив Беларуси, г. Гродно (НИАБ г. Гродно).
3. Государственный архив Саратовской области (ГАСО г. Саратов).
4. Национальный архив Республики Беларусь г. Минск (НАРБ г. Минск).
5. ГА РФ. Ф. 9599. Оп. 1. Д. 31. Л. 6 об., 7 об.

Sources

1. Archives of Belarus. Grodno.
2. National Historical Archives of Belarus, Grodno (NIAB g. Grodno).
3. Gosudarstvennyi arkhiv Saratovskoi oblasti. Saratov.
4. The National archives of the Republic of Belarus. Minsk (NARB g. Minsk).
5. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii.

Литература

1. *Назарова Е.А.* Социальная адаптация вынужденных переселенцев и беженцев в контексте современной миграционной политики России: социологический анализ. М.: Союз, 1999. 140 с.
2. О беженцах // Северный беженец. 1916. № 21. [2 июня]. С. 2.
3. *Букалова С.В.* Политика привлечения беженцев к сельхозработам в годы Первой мировой войны // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. № 1. С. 246–252.
4. *Островский Л.К.* Деятельность польских общественных организаций Томской губернии по оказанию помощи беженцам Первой мировой войны (1914–1918 годы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 10. Вып. 1. С. 74–78.
5. Беженства 1915 года. Беласток: Праграмная рада тыднёвіка «Ніва», 2015. 576 с.
6. *Гулин А.О.* Беженцы на территории Владимирской, Костромской и Ярославской губерний в годы Первой мировой войны // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. № 5. С. 24–28.
7. *Сиротенко А.И.* Специфика социально-педагогической работы с беженцами и вынужденными переселенцами // Новая наука: проблемы и перспективы. 2015. № 6. [Ч.] 1. С. 67–69.
8. *Фомичёв И.В.* Благотворительная помощь детям-беженцам и детям-сиротам в годы Первой мировой войны // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. Т. 1. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. 355 с.

9. *Басов Н.Ф., Аристова О.А.* Опыт помощи беженцам в Костромской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2008. Т. 14. С. 270–274.
10. Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года (по 52 губерниям и областям). М.: Гос. изд. 1921. 88 с.
11. Дзянница. 1918. № 33. 7 кастрычніка. С. 3.
12. *Шыбека З.* Гарады Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX стагоддзяў). Мінск: Навука і тэхніка. 1997. 320 с.
13. Беженства 1915 года. Беласток: Праграмная рада тыднёвіка «Ніва». 2000. 416 с.
14. Беженец. 1915. № 4. С. 6.
15. Уфимская жизнь. 1915. 9 окт. № 146. С. 3.
16. Сведения об эвакуированных правительственных и общественных учреждениях // Беженец. 1915. № 4. С. 9–13.
17. *Казаква О.Ю.* Война под стук колес: роль железных дорог в жизни прифронтовой Орловщины // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 7. С. 53–58.
18. Оренбургское земское дело. 1916. 4 февр. № 4–5. С. 20–21
19. Оренбургское земское дело. 1916. 21 янв. № 3. С. 11.
20. Уфимская жизнь. 1915. 11 сент. № 125. С. 3.
21. *Михалёв Н.А.* «Величайшая трагедия войны не видна на поле боя»: Беженцы Первой мировой войны в России // Уральский исторический вестник. 2014. № 1. С. 89–99.
22. Калужский курьер. 1915. 5 нояб. № 125. С. 2.
23. Уфимская жизнь. 1915. 3 нояб. № 166. С. 4.
24. Две культуры // Беженец. 1915. № 7–8. С. 6.
25. Калужский курьер. 1915. 24 окт. № 120.

References

1. Nazarova EA. Social adaptation of the forcefully displaced persons and refugees in the context of modern migration policy of Russia. Sociological analysis. Moscow: Soyuz Publ.; 1999. 140 p. (In Russ.)
2. About refugees. *Severnyi bezhenets*. Novgorod. 1916;2:2. (In Russ.)
3. Bukalova S. Policy of encouraging refugees to labor in agricultural sector during the First World War. *Yearbook the agrarian history of Eastern Europe*. 2014;1:246-52. (In Russ.)
4. Ostrovskii LK. The activities of the Polish public organizations of Tomsk province to help the refugees of the First World War (1914–1918). *Vestnik NGU. Seriya: Istorija, filologija*. 2010;1:74-8. (In Russ.)
5. Fleeings of 1915. Belastok: Pragramnaya rada tydnevika «Niva», 2015. 576 p.
6. Gulin AO. Refugees on the territory of the Vladimir, Kostroma and Yaroslavl provinces during the First World War. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*. 2015;5:24-8. (In Russ.)

7. Sirotenko AI. Specificity of social-pedagogical work with refugees. *Novaya nauka:problemy i perspektivy*. 2015;6:67-9. (In Russ.)
8. Fomichev IV. Charitable help to refugee children and orphans during the First world war. *The annual theological conference of St. Tikhon Orthodox humanitarian University*. Proceedings. Vol. 1. 2015;25:196-99. (In Russ.)
9. Basov NF, Aristova OA. The Help Experience of refugees in Kostroma province during the First World War. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*. 2008;14:270-74. (In Russ.)
10. Results of the All-Russian Agricultural and Land Census of 1917 (in 52 provinces and regions). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1921. 88 p. (In Russ.)
11. Dziannitsa. Peterburg. 1918 Oct. 7:3.
12. Shibeko Z. Cities of Belarus (60s of 19th – early 20th centuries). Minsk: Navuka i tekhnika, 1997. 320 p.
13. Fleeings of 1915. Belastok: Programnaya rada tydnevika “Niva”. 2000. 416 p.
14. Bezhenets. 1915;4:6.
15. Ufimskaia zhizn'. Ufa. 1915. Oct. 9:3. (In Russ.)
16. Data on the evacuated governmental and public institutions. *Bezhenets*. 1915;4:9-13. (In Russ.)
17. Kazakova OYu. War under the noise of the wheels knock. The role of Railways in the front-line life of the Orel region. *Herald of Vyatka State University*. 2014;7:53-8. (In Russ.)
18. Orenburgskoe zemskoe delo. Orenburg. 1916 Feb. 4:20-1. (In Russ.)
19. Orenburgskoe zemskoe delo. Orenburg. 1916 Jan. 21:11. (In Russ.)
20. Ufimskaia zhizn'. Ufa. 1915. Sept. 11:3. (In Russ.)
21. Mikhalev NA. “The greatest tragedy of war is not visible in the battlefield”. Refugees of the First World War in Russia. *Ural Historical Journal*. 2014;1:89-99. (In Russ.)
22. Kaluzhskii kur'er. Kaluga. 1915 Nov. 5:2. (In Russ.)
23. Ufimskaia zhizn'. Ufa. 1915. Nov. 3:4. (In Russ.)
24. Two cultures. *Bezhenets*. 1915;7-8:6. (In Russ.)
25. Kaluzhskii kur'er. Kaluga. 1915. Oct. 24. (In Russ.)

Информация об авторе

Виталий Г. Корнелюк, кандидат исторических наук, доцент, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь; Беларусь, г. Гродно, 230010, Янки Купалы пр-т., д. 80/2–68; zrumljowa@mail.ru

Information about the author

Vitaly G. Korneljuk, PhD in History, associate professor, Yanka Kupala Grodno state University, Grodno, Belarus; bld. 80/2–68, Janka Kupala st., Grodno, 230010, Belarus; zrumljowa@mail.ru

К вопросу об организации и деятельности
Комиссии по заграничным командировкам
Народного комиссариата по просвещению
РСФСР (1921–1923 гг.)

Михаил А. Андреев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, mixandreev@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы учреждения и первого этапа деятельности Комиссии по заграничным командировкам в составе Народного комиссариата по просвещению РСФСР в 1921–1923 гг. Отмечаются сложности при организации Комиссии, анализируется ее деятельность и приводятся количественные показатели деятельности за весь указанный период. Например, приводится общее количество разрешенных и отклоненных заявлений, а также распределение заявлений по зарубежным странам в рассматриваемый период. Отдельно автор статьи выделяет особенности работы Комиссии, отражающие историческую эпоху, в которой она функционировала. В дополнение к этому автором статьи также анализируется процедура получения заграничной командировки и состав документов, необходимых для ее получения.

Ключевые слова: Советская Россия, Народный Комиссариат по просвещению, научная командировка, международное научное сотрудничество, зарубежные страны, субсидии

Для цитирования: Андреев М.А. К вопросу об организации и деятельности Комиссии по заграничным командировкам Народного комиссариата по просвещению РСФСР (1921–1923 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43). С. 106–118.

About the organization and activity
of the Commission on foreign scientific trips
of the People's Commissariat for Education
of the RSFSR (1921–1923)

Mikhail A. Andreev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
mixandreev@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the establishment and first stage of activity of the Commission on foreign scientific trips as the part of the People's Commissariat for Education of the RSFSR in 1921–1923. The article also notes difficulties in the organization of the Commission and analyzes its activities and quantitative performance indicators for the above period. For example, it gives the total number of approved and rejected applications, as well as the distribution of applications to foreign countries in the period under review. Separately, the author highlights specifics in the Commission work, which reflect the historical era in when it operated. Moreover, the author also analyzes the procedure of an assignment for foreign scientific trip and the documents necessary for that.

Keywords: Soviet Russia, People's Commissariat for Education, scientific trip, international scientific cooperation, foreign countries, subsidies

For citation: Andreev MA. About the organization and activity of the Commission on foreign scientific trips of the People's Commissariat for Education of the RSFSR (1921–1923). *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*, 2018;10:106-18.

Введение

Содержание данной статьи позволяет раскрыть не только процесс организации и деятельности Комиссии по заграничным командировкам Народного комиссариата по просвещению РСФСР (далее – НКП), но и проблемы научной деятельности и организации науки в заключительный период Гражданской войны и начала нэпа.

Переходный период

1920 г. являлся скорее переходным периодом. В это время еще не образовалось конкретное структурное подразделение в том или ином ведомстве РСФСР, отвечающее за научные командировки. Кроме того, пока еще не была проведена унификация состава документов, необходимых для процедуры оформления заграничных научных командировок. В результате на имя руководства НКП, его важнейших подразделений (Коллегии, Академического центра и т. п.) передаются ходатайства от различных научных учреждений и заявления самих ученых, которые хотели бы посетить зарубежные страны с научной целью. Во второй описи фонда Главнауки (А-2307), хранящейся в ГА РФ, первые подобные заявления от профессоров различных вузов, научных сотрудников датируются февралем 1920 г. [ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 554. Л. 1–5].

Начало деятельности и организационное оформление Комиссии

Точкой отчета в деятельности Комиссии по заграничным командировкам можно считать дату ее первого заседания – 22 июня 1921 г. [ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 544. Л. 3] Именно с этого момента и началась активная работа по обсуждению и утверждению документов по заграничным командировкам ученых, а также взаимодействию по этому поводу с другими государственными учреждениями РСФСР.

Автору статьи пока еще не удалось в архивных фондах Главнауки и Наркомпроса РСФСР ГА РФ найти документ, на основании которого впервые была учреждена данная Комиссия. С определенной долей вероятности можно лишь утверждать, что она вошла в состав Секретариата Главнауки (или Академического центра?) НКП РСФСР в начале лета 1921 г. В связи с тем, что в составе данной комиссии постоянно участвовали как заместитель наркома просвещения М.Н. Покровский, так и заведующий Главнаукой НКП РСФСР И.И. Гливенко, можно говорить о высоком статусе и важности работы самой Комиссии в составе НКП РСФСР.

Но даже с учетом ее особого статуса руководство НКП не спешило с организационным и кадровым оформлением новой комиссии. Проект положения «О командировках» был принят НКП только лишь после публикации декрета СНК РСФСР «Об оплате командировок» в «Известиях ВЦИК» от 7 октября 1921 г. № 231.

Утвержденный проект во многом развивал приведенный выше декрет применительно к научным командировкам:

Научные командировки НКП можно разделить на командировки ученых, командируемых для научно-исследовательской работы, и командировки окончивших Высшие Учебные Заведения и студентов-практикантов, командируемых для завершения образования.

1. В первую группу входят: 1) научные сотрудники Научных и Научно-Художественных Учреждений. Заведующие Научными Учреждениями и их помощники проходят по коэф. 3,75. Научные работники, ведущие самостоятельную исследовательскую работу, проходят по коэф. 3,50. Научные сотрудники, работающие под руководством, проходят по коэф. 3; 2) профессора и преподаватели Высших Учебных Заведений. Профессора проходят по коэф. 3,75. Преподаватели – 3,5.

Обычный срок научной командировки назначается в 3 мес. Ввиду того, что весьма часто научно-исследовательская работа связана с разъездами внутри одной страны и с переездами в другие страны, выплата денег должна производиться так: в России должна выдаваться сумма, покрывающая проезд до места командирования и, немедленно, по прибытии на место остальная сумма [ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 545. Л. 1].

Однако, как мы видим из приведенного выше текста проекта, регламентировались лишь отдельные аспекты работы Комиссии. Более детально процесс ее работы был регламентирован 23 августа 1922 г. на заседании Особого Временного комитета науки. Для большей точности приведу полный текст выписки из протокола данного заседания:

О заграничных командировках ученых.

П. 1. Заявления о научных командировках за границу рассматриваются и утверждаются в Комиссии при НКПросе.

Примечание. Вышеизложенное не распространяется на командировки чисто прикладного промышленного и торгового характера.

П. 2. В состав Комиссии входят: Председатель – Замнарком по Просвещению и Члены: Зав. Главнаукой, Зав. Главпрофобром, представитель Академии Наук и представитель Наркомата, заявление которого поступает на рассмотрение.

П. 3. Комиссия определяет сроки командировок, устанавливает очереди их и назначает соответственные суммы кредита в распоряжение командируемого.

Примечание. Разрешение на командировки, на которые не испрашиваются кредиты, могут быть выдаваемы каждым Наркоматом, без рассмотрения в Особой Комиссии Наркомпросом.

П. 4. Для назначения субсидий командируемым за границу в распоряжение Комиссии отпускаются соответствующие кредиты, проходящие по сметам Наркомпроса [ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 19. Д. 229. Л. 1].

Таким образом, только к середине 1922 г. партийное и государственное руководство страны определилось с функциями, кадровым составом и организацией работы Комиссии по заграничным командировкам.

Деятельность Комиссии за 1921–1923 гг.

Однако как же работала Комиссия в указанный период? Специально для анализа ее работы нам следует привести более точные количественные характеристики ее деятельности.

В период с 22 июня 1921 г. до конца 1921 г. было проведено 10 заседаний Комиссии по заграничным командировкам НКП. В этот период в заседаниях Комиссии участвовали следующие сотрудники НКП: М.Н. Покровский, И.И. Гливенко, В.П. Волгин, М.С. Невельсон, З.Г. Гринберг, Н.Д. Комовская (секретарь), С.Г. Рахмилевич (секретарь), Г.О. Гордон (секретарь), Овсянников (секретарь). При этом практически постоянно в заседаниях Комиссии участвовали лишь заместитель наркома просвещения М.Н. Покровский и заведующий Главнаукой НКП И.И. Гливенко.

Всего на заседаниях Комиссии в 1921 г. было рассмотрено 119 вопросов. Из них 83 ходатайства приходятся на исключительно научные цели и 36 – на иные цели. Среди последней категории ходатайств можно выделить следующие: 8 ходатайств деятелей искусства и культуры, 7 – о лечении в зарубежных странах, 6 – о посещениях зарубежных стран сотрудниками НКП для решения различных ведомственных задач (все ходатайства были удовлетворены), 6 – об организации командировок или их оплате, 5 – о продлении командировок, 2 – о закупке необходимых для научной работы приборов и инструментов, 1 ходатайство – о продолжении обучения, и 1 ходатайство – о выезде для публикации своих трудов в заграничных изданиях [ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 544. Л. 3–106; ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 8. Д. 164. Л. 1–4].

Отдельной строкой можно выделить 8 ходатайств от деятелей искусства и культуры, которые при помощи Комиссии и (вероятнее

всего) личных связей с руководителями НКП пытались выехать в зарубежные страны. Однако в 1921 г. большая часть этих ходатайств не была удовлетворена, за исключением лишь заграничной командировки поэта и литератора Добрушина, которого в виду его больного состояния вызвался сопровождать д-р Л.С. Гешелин (протокол Комиссии от 15 августа 1921 г.) [ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 544. Л. 52].

Если же брать общую статистику по всем 83 заявлениям, то из них разрешено положительно было лишь 49. С субсидией разрешено 24 ходатайства, без субсидии – 25 ходатайств. Отклонено 26 ходатайств ученых. Также предложено предоставить Комиссии дополнительные сведения по 2 ходатайствам и передано для решения в другие ведомства 6 ходатайств.

Что касается географии посещения учеными научных командировок, то, к большому сожалению, в протоколах заседаниях Комиссии, особенно в 1921 г., очень часто значится простое наименование – «заграничная командировка», «заграница» без более точных пояснений. Это наиболее частый вариант ходатайств – он встречался в 31 из них [ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 544. Л. 3–106; ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 8. Д. 164. Л. 1–4]. Следующие по популярности страны проще всего представить в форме таблицы.

Таблица 1

Заявления о посещении зарубежных стран,
поданные в Комиссию по заграничным командировкам НКП
за 1921 г.

№ п/п	Страна	Количество заявлений	№ п/п	Страна	Количество заявлений
1	Германия	22	8	Австрия	4
2	Англия	7	9	Польша	3
3	Финляндия	7	10	Литва	3
4	Франция	5	11	Чехословакия	1
5	Италия	4	12	Латвия	1
6	США	4	13	Эстония	1
7	Швейцария	4	14	Швеция	1

При анализе приведенной выше табл. 1 важно учитывать, что отдельные ходатайства предполагали поездку не в одну зарубежную страну, а сразу в несколько, например ходатайство академика В.М. Бехтерева об отпуске с целью поездки в Финляндию, Латвию и Эстонию для прочтения курсов по рефлексологии (протокол заседания Комиссии от 3 сентября 1921 г.) [ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 544. Л. 69]. Однако большинство сложных по маршруту и достаточно обременительных ходатайств, как правило, либо отклонялось, либо ограничивались посещением лишь одной-двух зарубежных стран.

Для сравнения в 1922 г. было проведено уже 40 заседаний Комиссии, что в 4 (!) раза превышает показатель предыдущего года даже с учетом того, что в 1921 г. Комиссия заработала лишь с середины лета. В 1922 г. в заседаниях Комиссии участвовали следующие руководящие сотрудники НКП: М.Н. Покровский, И.И. Гливенко, В.П. Волгин, М.С. Невельсон, В.Н. Максимовский, Л.В. Залуцкий, М.П. Кристи, Н.А. Иванцов, А.И. Некрасов. Кроме того, в отдельных заседаниях Комиссии участвовали: представитель ВСНХ – В.Н. Ипатьев и представитель Народного комиссариата финансов РСФСР – К.К. Федяевский.

На заседаниях Комиссии за 1922 г. было решено 404 вопроса. При этом непосредственно с научной целью было заявлено лишь 291, а 113 ходатайства были поданы с иными целями.

Если обратиться в первую очередь к остальным ходатайствам, то из них можно выделить ходатайства по оплате и организации командировок (23), ходатайства деятелей культуры и искусства (21), ходатайства на лечение (17), ходатайства чиновников НКП (12), по продлению командировок (11), с целью посещения родственников (8), по переносу командировок (7), для предоставления отпуска (2) и иные (12) [ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 8. Д. 174. Л. 1–52].

Особенно здесь хочется отметить ходатайство поэта С.А. Есенина о поездке на три месяца в Берлин для издания собственных произведений (протокол Комиссии от 8 апреля 1922 г.) и ходатайство поэта В.Ф. Ходасевича о поездке на шесть месяцев в Берлин для ознакомления с эмигрантской поэзией (протокол Комиссии от 16 мая 1922 г.). Оба данных ходатайства были удовлетворены [ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 8. Д. 174. Л. 9, 13].

Среди ходатайств по научным командировкам за 1922 г. было отклонено 41 заявление. Разрешено с субсидией – 99 заявлений, разрешено без субсидии – 113 заявлений. Кроме того, 29 заявлений ученых были переданы на рассмотрения в другие ведомства, а по 9 решениям Комиссия запросила дополнительные сведения.

Что же касается запрашиваемых в ходатайствах на научные командировки за 1922 г. зарубежных стран, то среди всех заявлений 54 приходится на общее понятие «зарубежные страны» или «за границу». Более детально статистика по остальным странам представлена в табл. 2.

Таблица 2

Заявления о посещении зарубежных стран,
поданные в Комиссию по заграничным командировкам НКП
за 1922 г.

№ п/п	Страна	Количество заявлений	№ п/п	Страна	Количество заявлений
1	Германия	162	13	Латвия	8
2	Италия	25	14	Эстония	5
3	Англия	22	15	Дания	4
4	Франция	18	16	Бельгия	3
5	Австрия	13	17	Египет	3
6	Швейцария	11	18	Греция	3
7	Голландия	11	19	Литва	3
8	США	10	20	Венгрия	1
9	Финляндия	10	21	Индия	1
10	Чехословакия	9	22	Румыния	1
11	Швеция	8	23	Туркестан	1
12	Польша	8	24	Турция	1

В 1923 г. Комиссией было проведено примерно столько же заседаний, сколько и в прошлом году, а именно 42. В заседаниях Комиссии в этом году приняли участие следующие руководящие сотрудники НКП: М.Н. Покровский, И.И. Гливенко, А.И. Некрасов, М.П. Кристи, В.Н. Яковлева, Ф.Н. Петров, И.И. Ходоровский. Кроме того, в отдельных заседаниях Комиссии участвовали: представитель Народного комиссариата финансов РСФСР – К.К. Федяевский, представители Народного комиссариата по земледелию РСФСР – М.П. Самсонов, А.В. Грачев, Юньев, Дронеv, представитель Народного комиссариата по здравоохранению РСФСР Видерман, представители от Ц.С.У. – Попов, Красильников, Казимиров, представитель ВСНХ – Шмоткин.

При всем при этом нужно отметить, что чаще всего заседания Комиссии в 1923 г. проводились в составе трех-четырех человек. Наиболее частыми участниками заседаний Комиссии были: М.Н. Покровский, И.И. Гливенко, А.И. Некрасов, К.К. Федяевский, а затем еще и Ф.Н. Петров. Однако даже при общем анализе количественного и качественного состава Комиссии на протяжении трех лет, начиная с 1921 г., можно отметить неуклонный рост участия руководящих сотрудников НКП, а также более частое привлечение представителей других ведомств, в особенности Народного комиссариата финансов РСФСР.

Всего на заседаниях Комиссии в 1923 г. было рассмотрено 423 вопроса. Из них на научные цели было подано 289 ходатайств, на иные цели – 134 ходатайства. Среди последней категории выделим следующие: 49 ходатайств – о продлении научных командировок, 41 ходатайство – по вопросам организации и оплаты научной командировки, 17 ходатайств деятелей искусства и культуры, 12 ходатайств сотрудников НКП и ВСНХ, 11 ходатайств о переносе командировок, 1 ходатайство о лечении и 3 ходатайства на иные цели [ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 8. Д. 208. Л. 1–57].

Приведенный выше анализ деятельности Комиссии отражает особенности той исторической эпохи, в которой она функционировала. Не стоит забывать, что 1921–1923 гг. – это первые годы страны после многолетнего периода войн, революций, голода и нищеты, потери близких и родных, потери связей между семьями и родными, живущими в разных странах. Неслучайно здесь и появление ходатайств о лечении, о посещении родственников (прежде всего в протоколах Комиссии за 1922 г.). Более того, отдельные ходатайства (прежде всего в 1921 г.) предполагали обязательное участие жен ученых в командировках ввиду плохого самочувствия ученых.

Отдельно стоит обратить внимание и на весьма существенный процент ходатайств деятелей искусства и культуры в общем количестве подавших заявления на научные командировки за весь период с 1921 по 1923 г. Однако в отличие от 1921 г. большая часть ходатайств деятелей искусств и культуры в 1923 г. была поддержана Комиссией (например, на заседании Комиссии от 9 мая 1923 г. было удовлетворено ходатайство поэта В. В. Маяковского о поездке в Германию на три месяца [ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 8. Д. 208. Л. 21]).

Еще одной важной особенностью является поэтапное увеличение количества ходатайств, посвященных уточнению процедуры командировок, оформлению документов и оплате самих командировок. И если в 1921 г. таких ходатайств было лишь шесть, то

в 1922 г. их количество увеличилось до 23, наконец, в 1923 г. количество данных ходатайств достигло уже 41. Автор статьи связывает данное обстоятельство как с увеличившимся потоком заявлений и непосредственно самих командировок, так и с постепенным усложнением процедуры их оформления.

Если же обратиться к общей статистике научных командировок за 1923 г., то можно выделить следующие показатели. Всего было удовлетворено 250 заявлений. Из них 144 ходатайства – разрешены без субсидии и 106 – с субсидией. 26 ходатайств в 1923 г. были отклонены. Также Комиссия потребовала предоставить дополнительные сведения по 9 ходатайствам, а 4 ходатайства были переданы для рассмотрения в другие ведомства.

Что же касается анализа зарубежных стран в заявлениях ученых, то в 1923 г. общее понятие «заграница» выявляется только в 17 заявлениях. Распределение ходатайств ученых по различным странам проще всего представить в табл. 3.

Таблица 3

Заявления о посещении зарубежных стран,
поданные в Комиссию по заграничным командировкам НКП
за 1923 г.

№ п/п	Страна	Количество заявлений	№ п/п	Страна	Количество заявлений
1	Германия	186	14	Швейцария	6
2	Англия	54	15	Эстония	5
3	Франция	49	16	Финляндия	4
4	США	24	17	Норвегия	4
5	Италия	15	18	Литва	2
6	Бельгия	13	19	Югославия	2
7	Голландия	11	20	Турция	1
8	Австрия	10	21	Греция	1
9	Чехословакия	9	22	Канада	1
10	Швеция	8	23	Испания	1
11	Латвия	8	24	Венгрия	1
12	Дания	7	25	Персия	1
13	Польша	6			

Проведя анализ географии запрашиваемых научных командировок, можно отметить постепенное сокращение ходатайств с общими и неопределенными формулировками («за границу», «в заграничную командировку») с 1921 по 1923 г. При этом общей тенденцией в рассматриваемый период стал очевидный перевес среди остальных заявлений именно Германии, а также заметная популярность Англии, Франции и Италии среди остальных зарубежных стран. Объяснение феномена чрезвычайной востребованности Германии среди ходатайств о заграничных научных командировках можно связать как с утратой научных связей и коммуникаций с учеными и университетами этой страны в период Первой мировой войны, так и с тем фактом, что до Первой мировой войны именно Германия была крупнейшим поставщиком для российских лабораторий точнейших инструментов и различного сырья для научных опытов.

Состав документов для заграничных командировок

Состав документов, необходимых для оформления заграничной научной командировки в течение рассматриваемого периода несколько изменился, но в первую очередь он зависел от того, кто инициирует научную командировку – учреждение (университет, научное учреждение) или сам ученый. Во втором случае состав документов был более разнообразным и требовал дополнительных удостоверений научных заслуг ученого в той или иной области и обоснований необходимости заграничной научной командировки [ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 552. Л. 19–55].

Что же касается первого варианта, когда само учреждение инициировало данную командировку, то к концу 1922 г. – началу 1923 г. сложилась достаточно унифицированная процедура оформления данного вида научных командировок. Первоначально ученый подавал ходатайство (заявление) в свой университет или в свое научное учреждение, где он работал. Далее это научное учреждение или университет (в случае согласия с ходатайством, например, на заседании совета или правления университета) могло сразу же обратиться Главнауку Акцентра НКП с прошением, либо сперва получить разрешение от Петроградского Отделения Главнауки и уже от его имени подавать прошение. Этих документов в большинстве случаев было достаточно для инициирования рассмотрения вопроса на заседании Комиссии по заграничным коман-

дировкам, и в случае положительного решения ученому выдавался соответствующий мандат. После этого уже сам ученый оформлял документы, которые требовались от него со стороны НКИД для оформления выезда за границу (например, заполнял анкеты для выезда за границу [ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 552. Л. 82]).

Упорядочивание процедуры получения заграничных командировок

В дополнение к вышесказанному хотелось особо выделить, что именно к 1923 г. происходит упорядочивание процедуры получения зарубежных научных командировок. Так, в частности, в 1923 г. был определен перечень сведений, которые нужно было предоставить кандидату для получения научной командировки в Комиссию по заграничным командировкам НКП [ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 545. Л. 36]. В том же году была определена форма отчета о заграничной командировке с научной целью, содержащего разделы как по оплате командировке, так и по заданиям, выполненным в ходе командировки [ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 545. Л. 37].

Еще одним важнейшим решением, повлиявшим на работу Комиссии по заграничным командировкам НКП, стало постановление Финансового комитета СНК от 14 мая 1923 г., в соответствии с которым все расходование кредитов на научные командировки за границу от Наркомпроса, Наркомздрава, Наркомзема, ВСНХ и Центрального статистического управления передавались в распоряжение Комиссии [ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 545. Л. 39].

Заключение

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что уже к середине 1923 г. Комиссия по заграничным командировкам НКП уверенно закрепила за собой лидерство в вопросах организации заграничных командировок и стала монопольно распоряжаться кредитами различных ведомств на зарубежные научные командировки. Кроме того, уже к 1923 г. была унифицирована процедура оформления научных командировок, а также состав документов, необходимых для этой процедуры. Завершился начальный период организации и деятельности Комиссии по заграничным командировкам НКП.

Источник

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Sources

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GA RF).

Информация об авторе

Михаил А. Андреев, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; mixandreev@yandex.ru

Information about the author

Mikhail A. Andreev, PhD in History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; mixandreev@yandex.ru

Макс Вебер о факторах «достойного мира» (1916–1919)

Наталья В. Ростиславлева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»,
ranw@mail.ru*

Аннотация. М. Вебер и внешнюю, и внутреннюю политику рассматривал с национальной точки зрения. В 1916 г. главной угрозой Германии он считал Россию. Ученый видел тогда путь достижения мира в соглашении с Англией. Февральская революция в России изменила его позицию, но только после апрельского кризиса он склонялся к заключению мира с Россией. Одновременно Вебер выступал с резкой критикой подводной войны Германии, но не поддерживал пацифизм немецкого студенчества. Вебер в 1916–1918 гг. связывал решение вопроса о мире с парламентаризацией правительства и демократизацией Германии. Он был уверен, что контроль парламента над кайзером способен предотвратить катастрофу. Профессор увязывал отсутствие в Германии демократической политической культуры с деятельностью Бисмарка, который, по его мнению, препятствовал развитию парламентаризма. Ученый был членом немецкой делегации на Парижской мирной конференции. Отказ от условий Версальского мира Вебер воспринимал как угрозу утраты суверенитета Германии, однако не считал Версальский мирный договор «достойным миром». Вебер не одобрил проект этого мира и воспринимал его как пролог к дальнейшим бедствиям Германии. Летом 1919 г. он призывал к сочетанию в политике «этики ответственности» с «этикой убеждения» и рассматривал эти категории как взаимодополняемые.

Ключевые слова: Макс Вебер, Первая мировая война, факторы «достойного мира», Версальский мирный договор, «этика ответственности», «этика убеждения»

Для цитирования: Ростиславлева Н.В. Макс Вебер о факторах «достойного мира» (1916–1919) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43). С. 119–130.

Max Weber about Factors of “Worthy Peace” (1916–1919)

Natalia V. Rostislavleva

Russian State University for Humanities, National Research

Nuclear University “MEPhI”, ranw@mail.ru

Abstract. The foreign and domestic policy was considered by M. Weber from the national point of view. In 1916 he regarded Russia as the main threat for Germany and saw the way to peace in the agreement with England. The Russian February revolution changed his position, but only after April crisis he was inclined to conclude peace with Russia. At the same time, Weber sharply criticized the German submarine war, but did not support the pacifism of German students. In 1916–1918 the scientist linked the issue of peace with the parliamentarization of German government and the democratization in Germany. He was sure that the government’s control over the Kaiser could prevent the catastrophe. Professor attributed the absence of a democratic political culture in Germany with the activities of Bismarck, who hampered the development of parliamentarism. The scientist was a member of German delegation at the Paris Conference. Weber perceived the rejection of the terms of the Versailles peace as a threat to the loss of Germany’s sovereignty, but did not consider the Treaty of Versailles as a “worthy peace”. Weber did not approve the project of this Treaty and perceived it as a prologue to the further disasters of Germany. In the summer of 1919 the scientist called for combination in “the ethics of responsibility” and “ethic of persuasion” in politics and considered those categories as complementary categories.

Keywords: Max Weber, the First World War, factors of “worthy peace”, the Treaty of Versailles, “the ethics of responsibility”, “ethic of persuasion”

For citation: Rostislavleva NV. Max Weber about Factors of “Worthy Peace” (1916–1919). *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*, 2018;10:119-30.

Введение

Поиск Максом Вебером идей для завершения Первой мировой войны затрагивался в работах таких немецких исследователей как В. Моммзен [1], Ю. Каубе [2], Й. Радкау [3], однако до сих пор этому вопросу не посвящено специальной работы. Цель

данной статьи – показать отношение великого мыслителя к процессу мирного урегулирования глобального военного конфликта.

Размышления Макса Вебера о мире в 1915–1916 гг.

Макс Вебер (1864–1920) – великий немецкий социолог, историк, экономист, религиовед, профессор Гейдельбергского университета – приветствовал Первую мировую войну. Он всем сердцем разделял выступившие на передний план национальные настроения исхода лета 1914 г. и сравнивал их с часом «высшей торжественности», с часом «отказа от себя» [4 с. 432], отмечал общую готовность служить целому. Он называл эту войну «великой и замечательной (wunderbar)» [1 с. 207]. Когда началась война, Веберу уже было 50 лет, и он давно был выведен из числа военнообязанных. Оставаясь в тылу, профессор занял должность дисциплинарного офицера при резервной лазаретной комиссии и с энтузиазмом принялся за устройство резервного лазарета в Гейдельберге. Ему было трудно мириться с тем, что он не может быть на фронте, поэтому Вебер трудился в Гейдельберге по 13 часов в сутки и продолжал работать над «Хозяйственной этикой мировых религий» [5 с. 139].

Зимой 1915 г. Вебер уже задумался о заключении мира. Он полагал, что это необходимо сделать по экономическим причинам, так как государство потребляет больше, чем инвестирует, и статус экономической сверхдержавы переходит к Америке [6 с. 467]. Начиная с Рождества 1915 г. Вебер написал на тему войны целую серию статей, публикуя их на страницах «Франкфуртер цайтунг». В конце лета 1916 г. он выступил в Нюрнберге по приглашению «Немецкой национальной комиссии по вопросам достойного мира». Главный тезис Вебера – люди воюют не ради идей 1914 г., а ради идей 1917 г., т. е. времени, когда в Европе снова воцарится мир. Он хотел, чтобы война ускорила демократизацию и всем было предоставлено равное избирательное право, и полагал, что война ведется не за государство, а за «национально-культурную общность». Главные ценностные ориентиры Вебера – нация, власть, культура – продолжили оказывать сильное, определяющее влияние на его подходы. Германия несет ответственность перед потомками и обязана, по его мнению, противодействовать разделению мира между «англосаксонской конвенцией» и «русской бюрократией». Поэтому собственно задачу политики Германии в этой войне Вебер видел в том, чтобы создать предпосылки для будущей германской мировой политики (Weltpolitik) [1 с. 209–210].

«Идеи 1917 года»

Вебер хотел быть причастным к политике, он попытался получить место советника в немецком военном управлении в Брюсселе, а также должность эксперта по Восточной Европе в Берлине. Но это у него не получилось. Вскоре всю свою энергию профессор направил на размышления об «идеях 1917 года», т. е. о том, что ждет Германию после заключения мирного договора. Вернувшись с войны, ее участники должны получить равное для всех избирательное право, коль все равны перед лицом смерти [6 с. 472].

С конца 1915 г. Вебер стал более чем настороженно относиться к чрезмерной аннексионистской программе Германии [1 с. 219]. Он полагал, что как только представится возможность мира на основе status quo, без потерь, но и без расширения владений, ею надлежит немедленно воспользоваться. Поскольку при превосходстве врагов время, по мнению Вебера, работало не на Германию, а против нее... Война грозила превратиться с годами в повседневность и стать во всех отношениях сатанинской [4 с. 453].

Известно, что позже он написал докладную записку парламентариям и правительству, где осуждал аннексии, но так и оставил ее в письменном столе. В. Моммзен ссылается также на письмо Вебера в редакцию «Франкфуртской газеты», подчеркивая, что в нем содержалось противодействие аннексиям [1 с. 219]. Ученый писал: «Я против всякой аннексии, также и на востоке. Если бы это было осуществимо в военном отношении, я был бы скорее за создание польского, малороссийского, литовского, латвийского автономных государств с правом для нас строить к северу от Варшавы крепости и занимать их, для Австрии то же самое к югу от Варшавы... На Западе – военная оккупация <...> в Европе больше ничего. Следовательно, только военное необходимое, никаких аннексий» [4 с. 457–458]. «Интересам Германии противоречит вынудить мир, главным результатом которого стало бы положение, чтобы каблук немецкого сапога в Европе стоял бы на пальцах ноги каждого участника войны» [4, с. 454]. Вебер по мере своих возможностей противодействовал аннексиям посредством воздействия на доступные ему круги, например через общество 1914 г., которое являлось своеобразным политическим клубом Берлина.

В конце 1916 г. Вебер выступал в Мюнхене. Опять прозвучала мысль, что Германия должна противодействовать разделу мира между русскими и англичанами, подчеркивалось, что эта война идет за честь, а не за изменение карты мира и экономические выгоды [4 с. 477].

Русская революция в феврале 1917 г. поставила вновь вопрос о мире без аннексий и контрибуций на основе права народов на самоопределение. Вебер отнесся к этому с величайшей осторожностью и полагал, что следует принять предложение русских объявить о готовности заключить мир с Россией на следующей основе: «Никаких аннексий, никаких репараций <...> мы также не желаем поработать Польшу <...> применительно к западным державам мы не можем дать никаких дальнейших объяснений, пока там придерживаются не подвергаемых дискуссии, несовместимых с указаниями русского правительства военных целей» [4 с. 478]. Однако Вебер был убежден, что мир с Россией не прекратит войну, она будет продолжена, и полагал, что неблагоприятная в Германии экономическая ситуация приведет к проигрышу в войне, поэтому призывал не делать ничего, что может ее продлить, и очень опасался, что рейхсканцлер позволит пангерманистам себя запугать.

На февральскую революцию 1917 г. в России Вебер откликнулся статьей «Переход России к мнимой демократии» [7 с. 236–260]. Она генетически связана с его работами о революции 1905 г. Вебер сомневался, что политические отношения в своей основе изменились, более того, он считался с тем, что в результате революции в России бы усилился консерватизм. Также его интересовало воздействие событий в России на немецкую социал-демократию. Он полагал, что перенимать опыт российской «сегодняшней псевдодемократии» не стоит [7 с. 236].

В 1917 г. ученый гораздо больше внимания уделял вопросам мирного урегулирования и полагал, что думское руководство продолжает войну, чтобы удержаться у власти. Вебер усматривал здесь демонстрацию империалистических целей России и осознавал всю опасность этого для Германии [8, с. 297]. Однако полагал, что мировая война наделена глубоким историческим смыслом. Видя ее причину в движении Германии к статусу могущественного государства, он считал, что его родина делала это не из тщеславия, а вследствие ее ответственности перед историей. Главным врагом Германии в фокусе этой идеи Вебер считал Россию, в которой видел угрозу общему культурному развитию Запада [5 с. 143–144].

С начала лета 1917 г. Вебер издал значительные статьи по вопросам государственного устройства: прежде всего это работа «Избирательное право и демократия в Германии» [9 с. 40–106]. Продолжение войны он увязывал с влиянием на волю государства. Для этого Вебер предлагал устранить господство чиновников из политики, отмену трехклассного прусского избира-

тельного закона, провести парламентаризацию правительства и демократизацию государственных институтов.

В конце 1917 г. сепаратный мир с Россией рухнул. В Германии наступил внутренний кризис, произошла смена канцлера с Т. Бетман-Гольвега на Г. Михаэлиса, который вскоре показал свою политическую непригодность. Причину этого Вебер увидел в отсутствии парламентского руководства и косвенно винил в этом Бисмарка. В одной из статей 1917 г. во «Франкфуртер цайтунг», касаясь наследия Бисмарка, он писал: «Но стыд за эту карикатуру на политически зрелый народ, какую являла собой нация в 1890 году, не должен скрыть от нашего внимания, что Бисмарк в этом недостойном ничтожестве собственных приверженцев на трагический лад пожал то, что сам и посеял. Ибо он желал и намеренно добивался такого политического ничтожества парламента и партийных политиков» [10 с. 116]. Марианна Вебер в своих мемуарах также не обошла вниманием роль «железного канцлера»: «Бисмарк, мастер внешней политики, оставил в качестве внутривнутриполитического наследия нацию, лишенную какого-либо политического воспитания, без какой бы то ни было политической воли, нацию, привыкшую к тому, что выдающийся государственный деятель сам позаботится о политике. Сильные партии он сломал, самостоятельно мыслящих людей не выносил. Отрицательным результатом его могучего престижа был беспомощный парламента с глубоко придавленным духовным уровнем. И как следствие этого – исключительное господство чиновничества» [4 с. 481]. Таким образом, в 1917 г. Вебер связывал возможность «достойного мира» с решением внутривнутриполитических задач, отрицая распространенную точку зрения «о необходимости для нас сначала все аннексировать, прежде чем “мы” сможем заключить мир».

Считая монархию самой целесообразной формой, он заявлял, что над государственным фундаментом возвышается нация. «Форма государства для меня безразлична, если страной управляют политики, а не дилетантствующие шуты, как Вильгельм II и ему подобные» [4 с. 480]. Как уже отмечалось, он видел выход в парламентаризации правительства. По Веберу, чиновники – это чисто технические работники, они должны быть подчинены парламенту.

К концу лета 1917 г. окончательно исчезла уверенность в том, что подводная война приведет к миру. В Пруссии было сорвано устранение трехклассной избирательной системы. Выступление депутата М. Эрцбергера, выявившего ошибки в вычислении действий подводных лодок и потребовавшего объявления мира на

основе политики от 4 августа 1914 г.¹, привело к внутреннему кризису. Рейхстаг принял резолюцию о мире с отказом от аннексий, выдвинув лозунг – парламентаризм принесет мир. Вебер это не поддержал, полагая, что в других странах возникнет впечатление, «что наши силы иссякли, и появится надежда на революцию – а это значит продолжение войны» [4 с. 485]. Ведомство военной цензуры дало Веберу понять, чтобы он не публиковал часть своих политических статей 1917 г. Но ученый отказался их кардинально переработать.

По приглашению известного издателя Ойгена Дидерихса лето 1917 г. Вебер провел в замке Лауэнштейн. Туда были приглашены многие германские интеллектуалы. Основная тема дискуссий – связь культуры с политическими вопросами. Рефрен Вебера – почему именно теперь национальное самоутверждение, спасение Германии является требованием дня, по сравнению с которым все остальное уходит на задний план. Однако Вебера прежде всего волнует судьба нации. Проникновение в собственную душу, по мнению Вебера, не поможет, если пропадет нация [6 с. 473–475].

Зимой 1917–1918 гг. М. Вебер активно общался с пацифистски настроенными студентами, которые принимали участие в веберовских воскресеньях. Среди них – Эрнст Толлер. По мнению Вебера, для немцев еще не пришло время пацифистской пропаганды, воля к национальному самоутверждению еще не может быть сломлена, тяжелое занятие войной не должно стать для них отвратительным.

Группа студентов-пацифистов предложила Веберу возглавить их движение. Их программа выглядела, по мнению ученого, довольно эклектичной, так как помимо пацифизма они требовали господства Эроса. Вебер отказался от их предложения. Но ученый размышлял об этой проблеме. Позднее, осенью 1918 г., он участвовал во Франкфурте в диспуте о пацифизме и провозгласил себя противником этого движения [4 с. 494].

Но еще до этих событий осенью 1917 г. Вебер подписал звание внепартийного образования «Народный союз за свободу и отечество», который требовал немедленного заключения компромиссного мира. Среди подписантов – Ф. Науман, Г. Онкен, Э. Трельч. Создатель германского флота адмирал А. Тирпиц, лидер

¹ Мир на основе политики 4 августа 1914 г. – это мир в рамках победы Германии в войне. См. об этом подробнее [11 с. 133–148]. В немецкой историографии политику 4 августа 1914 г. принято обозначать термином «Siegfrieden».

В. Капп, лидер и основатель Немецкой отечественной партии выступили против резолюции о мире и внутренних реформ.

В декабре Советская Россия потребовала перемирия и предложила заключить компромиссный мир. Германия была в принципе согласна, но не соглашалась передать большевикам балтийские провинции до заключения общего мира. Большевики надеялись, что искра революции перейдет в Германию. Вебер по этому поводу писал: «Положение в Брест-Литовске не производит на меня хорошего впечатления. Результат должен показать, что получится при этом резком тоне, но думаю, что Троцкий умнее наших людей» [4 с. 508–509]. Эту попытку он назвал видимостью мира.

Уже в начале 1918 г. Вебер восклицал: «Держу пари 2 к 1, что мир будет заключен осенью». Тем не менее «Россия самый опасный враг, неспособна воевать и должна к концу марта принять диктат мира, при котором значительные ее части переходят под власть Германии» [4 с. 509–510]. Оценивая Брестский мир как диктат, ученый внутренне сопротивлялся германским аннексиям, которые не вписывались в факторы «достойного мира».

Весеннее наступление Германии 1918 г. не стало успешным. Вебер вновь связывал надежду на спасение страны с политикой демократизации. Людендорф предложил Вильсону заключить мир и начать переговоры о перемирии 11 октября 1918 г. Вебер полагал, что только добровольное отречение Вильгельма II может спасти монархию и династию. Всегда с почтением отзываясь о монархии, осенью 1918 г. он полагал, что отречение монарха остается центральным вопросом.

Почему «я ничего не пишу о мире»?

Когда в ноябре 1918 г. в Германии разразилась революция, то Вебер назвал ее «кровавым карнавалом, не заслуживающим почетного наименования революции» [12 с. 273]. В конце ноября 1918 г. Вебер приехал во Франкфурт, чтобы проконсультировать «Франкфуртер цайтунг» по политическим вопросам и написать статьи о новом политическом устройстве. 2 декабря 1918 г. город встречал «непобежденное», как писала Марианна Вебер, германское войско. Город украшен венками. На крышах люди. Войско встречено ликованием. Она отмечала, что Вебер был потрясен [4 с. 520].

Вебер вошел в число тех, кто разрабатывал новое политическое устройство Германии. Его принципы понимания нового устройства Германии – дело Бисмарка погибло, парламентская демократия,

признание республики. Вебер не стал политическим вождем, но ученый считал, что пока не заключен мир, он не может быть полностью свободным от политики. 17 января 1919 г. Вебер опубликовал на страницах «Франкфуртер Цайтунг» статью о виновности в войне и включил в нее свои предложения о будущем военно-правовом статусе Лиги наций [13 с. 178–189]. Главным виновником войны он продолжал считать Россию. Об этом размышляла на страницах мемуаров Марианна Вебер. Исход войны не суд Божий, успех ничего не доказывает, ни за, ни против права, о чем свидетельствуют бесчисленные поля трупов в истории. Однако Вебер продолжал считать, что решающую ответственность за развязывание войны несет русский империализм [4 с. 531].

Последний канцлер поверженной Германской империи принц Макс Баденский порекомендовал Вебера в состав конференции «Комитет мирных переговоров». Вскоре Вебер получил предложение в качестве члена германской делегации участвовать в Парижской конференции. Это было для него очень волнительно, поскольку он считал, что это тяжелое переживание для каждого немецкого патриота. Двойственные ощущения. Вебер не хотел отказаться от возможности помочь своей родине, но и не хотел быть статистом.

Состоявшую из 80 человек делегацию Германии возглавлял тогдашний министр иностранных дел У. фон Брокдорф-Ранцау. Сам текст Версальского договора поверг Вебера в ужас. Он готовил ответ комиссии об ответственности виновников войны. По мнению Вебера, немецкий народ вступил в оборонительную войну против царизма. Профессор относился к тем, кто отказывался принять условия договора. Но отдавал должное и другой точке зрения. «Признаюсь, – писал ученый, – что политически я растерян. О, это ужасно <...> ты говоришь, что я ничего не пишу о мире. Ах, я был настолько усталым и равнодушным, что понимал изнеможение народа. Отказ означал бы распад правительства и передачу суверенитета Лиге наций». Однако он понимал, что «с этим миром мы находимся только в начале наших бедствий. Ведь его условия совершенно невыполнимы...» [4 с. 539–540].

Во второй половине 1919 г. Вебер впал в аполитичность. Осмысливая войну, в июле 1919 г. он восклицал: «Ужасно, что император никогда не находил правильного решения». В этих словах вновь звучит политический подтекст причин неудачной войны и уверенность, что своевременная парламентаризация правительства и демократизация привели бы к иному результату. Он находился в ситуации нервного изнеможения. В июне 1919 г. состоялась знаменитая веберовская лекция перед студентами Мюнхенского уни-

верситета «Политика как призвание и профессия». Вебер говорил о трагедии Германии, которая находится под чужим господством. Его размышления отражают двойственное отношение профессора к Версальскому пакту. «Если вы вместо отчего города или “отчего края” (Vaterland), что как раз сейчас не для каждого может быть однозначной ценностью, станете говорить о “будущем социализме” или даже “международном умиротворении”, то вы подошли к проблеме в ее нынешнем состоянии. Ибо все это достигнутое политическим действием, которое использует насильственные средства и работает в русле этики ответственности, угрожает “спасению души”». Не противопоставляя этику ответственности и этику убеждения, он называет их «взаимодополнением», которые «лишь совместно составляют подлинного человека, того, кто может иметь “призвание к политике”» [14 с. 526–527]. Если спроецировать эту цитату на ситуацию заключения мира, то создается впечатление, что, возлагая всю вину на Германию, абсолютизируя ответственность, игнорируя этику убеждения, страны Антанты тем самым утратили важный фактор «достойного мира».

Заключение

М. Вебер ушел из жизни спустя год после подписания Версальского мирного договора от банальной простуды. Разочарование, наступившее после подписания Германией Версальского мирного договора, видимо, сыграло в этом не последнюю роль. Нация была главной ценностью зрелого Вебера, поэтому ученый постоянно задавал себе вопрос: «был ли шанс для чего-то хорошего – для пробуждения внутреннего национального противостояния?» [4 с. 540] На основе принципа рациональности ответ им не был найден, что стало одной из причин распространения в Германии в 1920-е гг. иррациональных теорий в политике и культуре.

Литература

1. *Mommsen W.* Max Weber und die deutsche Politik: 1890–1920. Tübingen: Mohr Siebeck, 1974. 586 S.
2. *Kaube J.* Max Weber. Ein Leben zwischen Epochen. Berlin: Rowohlt, 2014. 494 S.
3. *Radkau J.* Max Weber. Die Leidenschaft des Denkens. München: Carl Hanser, 2013. 925 S.
4. *Вебер М.* Жизнь и творчество Макса Вебера. М.: РОССПЭН, 2007. 654 с.

5. *Ростиславлева Н.В.* Макс Вебер в годы Первой мировой войны // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Всеобщая история». 2014. № 13 (135). С. 136–145.
6. *Каубе Ю.* Макс Вебер: На рубеже двух эпох. М.: Издат. дом «Дело», 2016. 597 с.
7. *Weber M.* Russlands Übergang zur Scheindemokratie // Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 15. Abteilung I. Zur Politik im Weltkrieg. Schriften und Reden 1914–1918. Tübingen: Mohr Siebeck, 1989. S. 236–260.
8. *Weber M.* Die russische Revolution und der Friede // Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 15. Abteilung I. Zur Politik im Weltkrieg. Schriften und Reden 1914–1918. Tübingen: Mohr Siebeck, 1984. S. 297.
9. *Вебер М.* Избирательное право и демократия в Германии // Вебер М. Политические работы: 1895–1919. М.: Праксис, 2003. С. 40–106.
10. *Вебер М.* Парламент и правительство в новой Германии: Наследие Бисмарка // Вебер М. Политические работы: 1895–1919. М.: Праксис, 2003. С. 107–126.
11. *Шульце Х.* Краткая история Германии. Москва: Весь мир, 2004. 256 с.
12. *Weber M.* Gesamtausgabe. Bd. 16. Abteilung I. Zur Neuordnung Deutschlands. Schriften und Reden 1918–1920. Tübingen: Mohr Siebeck, 1988. 273 S.
13. *Weber M.* Zum Thema des Kriegsschuld // Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 16. Abteilung I. Zur Neuordnung Deutschlands. Schriften und Reden 1918–1920. Tübingen: Mohr Siebeck, 1988. S. 178–189.
14. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 485–528.

References

1. Mommsen W. Max Weber und die deutsche Politik. 1890–1920. Tübingen: Mohr Siebeck Publ.; 1974. 586 S.
2. Kaube J. Max Weber. Ein Leben zwischen Epochen. Berlin: Rowohlt, 2014. 494 S.
3. Radkau J. Max Weber. Die Leidenschaft des Denkens. München: Carl Hanser Publ.; 2013. 925 S.
4. Weber M. Max Weber's Life and Works. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2007. 654 p. (In Russ.)
5. Rostislavleva NV. Max Weber in the Years of the First World War. V: *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Historical Studies. General History*. 2014;13:136-45. (In Russ.)
6. Kaube J. Max Weber. At the Cusp of Two Epochs. Moscow: Delo Publ.; 2016. 597 p. (In Russ.)
7. Weber M. Russlands Übergang zur Scheindemokratie. V: Weber M. *Gesamtausgabe*. Bd. 15. Abteilung I. Zur Politik im Weltkrieg. Schriften und Reden 1914–1918. Tübingen: Mohr Siebeck Publ.; 1989. S. 236-60.

8. Weber M. Die russische Revolution und der Friede. V: Weber M. *Gesamtausgabe*. Bd. 15. Abteilung I. Zur Politik im Weltkrieg. Schriften und Reden 1914–1918. Tübingen: Mohr Siebeck Publ.; 1984. 297 S.
9. Weber M. Electoral Law and Democracy in Germany. V: Weber M. *The Political Works. 1895–1919*. Moscow: Praxis Publ.; 2003. p. 40-106. (In Russ.)
10. Weber M. Parliament and Government in New Germany. Bismarck's Legacy. V: Weber M. *The Political Works. 1895–1919*. Moscow: Praxis Publ.; 2003. p. 107-26. (In Russ.)
11. Schulze H. Kleine deutsche Geschichte. Moscow: Ves' mir Publ.; 2004. 256 p. (In Russ.)
12. Weber M. Gesamtausgabe. Abteilung I. Zur Neuordnung Deutschlands. Schriften und Reden 1918–1920. Bd. 16. Tübingen: Mohr Siebeck Publ.; 1988. 273 S. (In Russ.)
13. Weber M. Zum Thema des Kriegsschuld. V: Weber M. *Gesamtausgabe*. Bd. 16. Abteilung I. Zur Neuordnung Deutschlands. Schriften und Reden 1918–1920. Tübingen: Mohr Siebeck Publ.; 1988. S. 178-89. (In Russ.)
14. Weber M. Politics as a Vocation and a Profession. V: Weber M. *Selected Works. Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism*. Moscow; Sankt-Peterburg: Tsentr humanitarnykh initsiativ Publ.; 2014. p. 485-28. (In Russ.)

Информация об авторе

Наталья В. Ростиславлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (Московский инженерно-физический институт), Москва, Россия; Россия, г. Москва, 115409, Каширское шоссе, д. 31; ranw@mail.ru

Information about the author

Natalia V. Rostislavleva, Doctor in History, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; National Research Nuclear University "MEPhI" (Moscow Engineering Physics Institute), Moscow, Russia; bld. 31, Kashirskoe shosse, Moscow, 115409, Russia; ranw@mail.ru

Использование национальных символов при проведении славянских съездов в XIX в.

Ольга В. Саприкина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, saprolga@yandex.ru*

Аннотация. В XIX – начале XX в. состоялось четыре самых известных славянских съезда: в Праге в 1848 г., в Москве и в Санкт-Петербурге в 1867 г., «тайный» съезд в Праге в 1868 г., славянский съезд в Праге в 1908 г. Первые три мероприятия были тесно связаны между собой. Славянские съезды были ориентированы на идеологию панславизма в ее широком толковании, основанную на понимании возможности объединения всех славян на базе родства языков, происходивших из общего корня.

В ходе дискуссий в российской прессе были намечены проблемы, которые следовало вынести на обсуждение делегатов съезда в Москве и в Петербурге в 1867 г. Ими стали уже традиционные вопросы о русском языке как об инструменте межславянского общения; о том, существует ли цивилизационное единство славян и какие факторы его определяют; какое значение для славянских народов имеет соседство с Российской империей. Организаторы съезда считали, что именно Россия должна стать культурной, конфессиональной и, опосредованно, политической основой славянского единства. Главная организующая функция при этом возлагалась на язык межнациональных связей.

В ходе славянского съезда в Праге в 1848 г. австрийские славяне решить этот вопрос в Дунайской империи не смогли. В 1867 г. российские интеллектуалы выдвинули в качестве основы славянской общности русский язык. Следовательно, языковой вопрос стал главным национальным символом первых славянских конгрессов XIX в.

Ключевые слова: славянские съезды, славянские языки, формирование наций, панславизм, австрославизм, национальный символ, Фр. Палацкий

Для цитирования: Саприкина О.В. Использование национальных символов при проведении славянских съездов в XIX в. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43). С. 131–142.

The use of national symbols in the conduct of Slav Congresses in the 19th century

Olga V. Saprikina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
saprolga@yandex.ru*

Abstract. In the 19th – early 20th centuries four the most famous Slav Congresses took place: in Prague in 1848, in Moscow and in St. Petersburg in 1867, a “secret” congress in Prague in 1868, Slavic Congress in Prague in 1908. The first three events were closely interrelated. All the Slavic congresses were focused on the ideology of the Slavic community and Pan-Slavism in its wide interpretation, fed on understanding of possibility to unite all Slavs on the basis of affinity of languages descended from a common root.

Over discussions held in Russian media several issues were acknowledged which should have become part of the Delegates’ agenda at 1987 Congress hosted in Moscow as well as Saint Petersburg. Those were the recurring questions of Russian language as a tool of cross-Slavic dialog, of civilized Slavic unity existence as well as its defining factors, and the significance of the Russian Empire presence in the vicinity of the Slavic peoples. The Congress organizers considered that Russia in particular should become the cultural, religious and indirectly political foundation for Slavic unity. The main uniting function was laid onto the cross national relations language. The Austrian Slavs were not able to solve that issue for Danube Empire during the Slavic Congress in Prague in 1848. In 1987 Russian intellectual elites promoted Russian language as the basis for the Slavic unity. Hence the ‘language’ question turned into the main symbol of first Slavic congresses of 19th century.

Keywords: Slavic congresses, Slavic languages, the formation of nations, Pan-Slavism, Austro-Slavism, the national symbol, Fr. Palacky

For citation: Saprikina OV. The use of national symbols in the conduct of Slav Congresses in the 19th century. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*, 2018;10:131-42.

Введение

XIX век был временем активной национальной самоидентификации славянских народов, оформления их культурных и политических движений, теоретических воззрений на будущее славянства.

Событиями, имевшими большое общественное и национальное значение, стали так называемые славянские съезды – политические, научные и культурные собрания представителей славянских народов.

Мы можем назвать четыре самых известных славянских съездов: пражский 1848 г., московский и Санкт-Петербургский 1867 г., «тайный» пражский 1868 г. и еще один славянский съезд в Праге в 1908 г. Все они являлись продолжением друг друга, но особая связь существовала между первыми тремя мероприятиями.

Идея славянских съездов строилась на различных вариантах идеологии славянской общности (или панславизма в его широком толковании), которая была основана на понимании возможности объединения всех славян на базе родства языков, близости исторических традиций, фольклора и народной культуры [1 с. 5]. Одним из важнейших символов единства стал обсуждаемый с самого первого съезда общий язык межславянского общения.

Чешский ученый М. Хрох выделил три условия, сыгравших важнейшую роль в процессе национального строительства [2 с. 122]:

- память об общем прошлом;
- плотность и интенсивность языковых и культурных связей, которые обеспечивают высокий уровень коммуникации внутри формирующейся нации;
- концепция равенства членов группы, организованных в гражданское общество.

Иная концепция формирования наций представлена Э. Хобсбаумом [3]. Историк выделил два элемента в качестве основы формирования нации: язык и этнос [3 с. 81]. При этом язык не следует понимать как первооснову, идущую из глубины веков. Любой национальный язык, по мнению Э. Хобсбаума, является в значительной мере искусственным образованием, поскольку для создания единого литературного языка необходимо выбрать один из диалектов в качестве образца [3 с. 81]. Язык служит формированию общности внутри образованной элиты, и если географические пределы этой общности совпадают с территорией распространения одного или нескольких диалектов, то это может способствовать формированию нации [3 с. 95]. Второй элемент – этнос связан, прежде всего, с исторической памятью народа и с религиозной принадлежностью [3 с. 101–113].

Началом современного этапа формирования наций у таких народов, как чехи, словаки, болгары М. Хрох считает тот момент, когда определенные группы внутри не доминантных этнических общностей этих стран начинают осознать и обсуждать свою

этническую принадлежность, а также воспринимать свою этническую группу как имеющую возможность превратиться в будущем в нацию. Далее они предпринимают организованные попытки по обретению всех атрибутов, которыми, по их мнению, должна была обладать полноценная нация. Именно это Хрох называет национальным движением [2 с. 113].

В своем развитии, по Хроху, национальное движение проходит три фазы. В фазе А главным его содержанием является исследование языковых, культурных, социальных и иногда исторических черт недоминирующей группы и закрепление этих черт в сознании соотечественников. В фазе В – национальное движение расширяется, начинается политическая агитация, имеющая целью «разбудить» национальное сознание соотечественников. Как только подавляющая часть населения начинает придавать особое значение своей национальной идентичности, наступает фаза С, когда национальное движение становится массовым.

Особенности национального движения в этих странах отметил и Э. Геллнер. По его мнению, культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы характеризовались отсутствием собственной политической организации и кодификации. Поэтому национальное движение в этих странах было связано с деятельностью активистов-пропагандистов и просветителей, стремившихся «пробудить» нацию (при этом они апеллировали либо к опыту прошлого, либо к культурному своеобразию региона) [4 с. 182].

Таким образом, всеми авторами литературный язык выделяется в качестве неперемennого условия нациообразования и важнейшего национального символа. В настоящей статье хотелось бы ответить на вопрос о том, как использовался тезис о языке не только как символе, но и инструменте общеславянского единства в период славянских съездов XIX в.

Славянский съезд в Праге в 1848 г.

Организовывая первый славянский съезд в Праге в начале лета 1848 г. Ф. Палацкий¹ прежде всего думал о противопоставлении его парламенту во Франкфурте (1848 г.), который был посвящен об-

¹ Палацкий Франтишек (1798–1876) – чешский историк, философ, политик, деятель культуры и чешского национального движения. Автор многочисленных исторических работ, среди которых наиболее известной является «История чешского народа в Чехии и Моравии».

суждению форм, темпов и методов объединения Германии. Целью Ф. Палацкого было сохранение Австрийской империи. Он писал, что дело, задуманное во Франкфурте, грозит существованию Австрии как самостоятельного государства, а оно имеет важное значение не только для чешского народа, но для всей Европы и всего человечества.

За два года до съезда оформился один из видов политического панславизма – австрославизм. Его авторами и глашатаями стали Ф. Палацкий и К. Гавличек-Боровский², а газета «Народни новины», издававшаяся последним, сделала эту идею актуальной и популярной. Австрославизм предполагал сохранение Австрийской империи и превращение ее в конституционное, федеративное государство, в котором бы славянам, как и остальным народам, предоставлялись права широкой федерации. Парадокс состоял в том, что в подобном случае австрийские немцы становились бы национальным меньшинством в своей стране. Идея австрославизма ярко прозвучала в открытом письме Ф. Палацкого к Франкфуртскому парламенту. Отметим, что в нем сказано не о преимуществах одного народа над другим, а лишь о равноправии всего населения Австрии:

Я не немец или, по крайней мере, не считаю себя немцем. Я чех, славянин по происхождению, и все мои силы принадлежат моему народу. Конечно, это небольшой народ, но он с самого своего начала имеет собственную историческую индивидуальность; его государи вступили в круг германских государей, но сам он никогда не причислял себя к немцам [5 с. 355].

Вопрос о создании самостоятельных славянских государств сторонниками австрославизма не ставился, сохранение Австрийской империи представлялось им важным для гарантии мира в Центральной и Восточной Европе.

Первый славянский съезд проходил в Праге со 2 по 12 июня 1848 г. и через делегатов представлял всех славян Австрийской империи. В качестве гостей могли присутствовать «неавстрийские славяне». Так, на этот съезд был приглашен и затем участвовал в последовавшем за ним восстании известный русский революционер-анархист М.А. Бакунин.

² Гавличек Карел (псевдоним – Боровский Гавел) (1821–1856) – чешский политический деятель, публицист, поэт и журналист.

Собравшиеся были разделены на три секции:

- 1) чехи, моравы, словаки – 237 человек;
- 2) поляки, русины – 41 человек;
- 3) хорваты и сербы – 42 человека.

Программа съезда состояла из четырех пунктов:

- 1) о роли славянских народов в Австрийском государстве и о причинах их взаимных столкновений;
- 2) об отношении славян к остальным нациям Австрийской империи;
- 3) о современных отношениях австрийских славян к остальным славянам;
- 4) об отношении австрийских славян к европейским неславянским народам [1, с. 12–13].

Результатом работы съезда стало издание Обращения к европейским народам, в котором так называемые австрийские славяне заявляли о себе, как о народах, независимых от влияния Российской империи, и стремились привлечь поддержку западноевропейских государств к своим национальным движениям и к программе автрославизма. В духе разыгравшихся в это же время событий во Франции они провозглашали свободу, братство и равенство в правах всех подданных австрийского императора вне зависимости от их национальности. Впрочем, по мнению Л.П. Лаптевой, данное обращение отклика не имело ввиду неконкретности содержания и в связи с началом 12 июня пражского вооруженного восстания, внезапно прервавшего съезд [1 с. 14].

Вопросы славянских языков оказались неожиданно сложными на первом славянском съезде, они не объединяли, а скорее разделяли народы. Дело в том, что все славянские языки одноименных народов Австрийской империи были восстановленными и переживали процесс формирования в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. Собравшиеся на съезде представители интеллигенции, безусловно, знали немецкий язык и участвовали в дискуссиях, посвященных вопросам воссоздания славянских на основании собственных наречий или родственных диалектов соседних славянских народов. Выделение какого-либо славянского языка в качестве общего на славянском съезде выглядело бы претензией на политическое лидерство. Неудивительно поэтому, что языком ведения документации славянского съезда в Праге в 1848 г. стал немецкий.

Отметим, что российский фактор на первом славянском форуме был скорее раздражителем: от него «австрийские славяне» хотели отмежеваться перед европейскими народами, подчеркивая

присущие им либеральные начала в противовес имперским. Поэтому вопрос о русском языке как символе общеславянского единства поставлен не был.

Славянский съезд в России в 1867 г.

Славянский съезд 1867 г. в Москве и Петербурге, по замечанию исследователя М.Ю. Досталь, стал интересным феноменом как в отечественной, так и во всеобщей истории. Не являясь политическим или научным форумом в полном понимании слова, он представлял собой череду официальных и неофициальных встреч, дружеских бесед и научных дискуссий, обмена достижениями культуры и искусства славянских народов [6 с. 3].

Начало 60-х гг. XIX в. в России было периодом подъема во всех областях жизни. В это пореформенное время Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете выступило с инициативой организации Всероссийской этнографической выставки, представлявшей все народы, проживавшие в России. Идея получила финансовую поддержку правительства. Позднее в славянофильских и близких к ним кругах возникла мысль дополнить выставку славянским отделом, чтобы наглядным этнографическим материалом напомнить россиянам об их «корнях», о родстве и близости славянских культур [6 с. 3–4].

Главными инициаторами организации славянского отдела выступили известные ученые-слависты В.И. Ламанский и Н.А. Попов. В его устройении участвовали также славянофилы И.С. Аксаков, Ф.В. Чижов, В.А. Черкасский и университетские профессора И.И. Срезневский, М.П. Погодин, С.М. Соловьев, М.Ф. Раевский и другие. Сначала организаторы обратились к зарубежным славянским ученым с просьбой о присылке необходимых экспонатов. Затем возникла мысль о приглашении всех, кто помогал с организацией выставки из-за рубежа, а вместе с ними – известных славянских интеллектуалов и политиков. Для подготовки съезда в марте 1867 г. в Санкт-Петербурге был создан специальный общественный Комитет по приему славянских гостей [6 с. 4–5].

Ставший дополнением к Всероссийской этнографической выставке съезд сопровождался определенной идеологической подготовкой, призванной оживить «славянолюбивые» настроения как в российском обществе, так и в среде прибывавших славянских го-

стей. В периодических изданиях выходили материалы о славянской истории, литературе, искусстве; публиковались биографии славянских политиков и ученых, например Ф. Палацкого и Ф. Ригера³. Но главным предсъездовским событием, по мнению М.Ю. Досталь, была публикация В.И. Ламанским в Чтениях Общества истории и древностей российских при Московском университете написанного еще в 1851 г. трактата Людовита Штура «Славянство и мир будущего», носившего ярко выраженный панславистский характер [6 с. 5–6].

На эти славянофильские действия остро отреагировала немецкая, венгерская и польская пресса, выразившая опасение, что «побратимство на панславянской основе – это заговор против Австрии». Однако оснований для этого не было. Как отметила М.Ю. Досталь, ни организаторы выставки, ни русское правительство не имели антиавстрийских и антитурецких целей, наоборот, внешнеполитический курс России по-прежнему состоял в поддержании статус-кво в Австрии и отчасти – в Турции, невмешательстве в их внутренние дела, хотя подспудно шла работа по отмене позорных статей Парижского договора 1856 г. о проливах, заключенного по итогам Крымской войны 1853–1856 гг., и по организации тайной помощи сербам и болгарам в создании Балканского союза [6 с. 6].

Слишком явные «славянолюбивые» настроения части российской общественности и интеллектуалов не получили поддержку официальных российских властей, стремившихся в этот момент отмежеваться от обвинений в панславизме. Даже в провинциальных городах по пути следования представителей зарубежных славянских народов, наряду с оказываемым им радушием, местные чиновники материально и идеологически стремились дистанцироваться от славянского съезда, полностью отделив его от Этнографической выставки [Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. 377. Д. 79: Материалы о подготовке к приезду славянских ученых в Вильно. Апрель 1867 г.]. Такой была общая политика, продиктованная Петербургом, не желавшим проявлять внешние признаки отсутствия лояльности к Австро-Венгрии и Османской империи.

³ Ригер Франтишек Ладислав (1818–1903) – видный деятель чешского национального движения, политик, экономист. Лидер чешской Национальной либерально-консервативной партии (Старочешской), один из авторов ее программы.

Надежды славянофильски настроенной части российского общества выразил ученый-славист В.В. Макушев:

Разница между взаимными нашими (*славянскими*. – О. С.) друг на друга воззрениями была та, что мы слишком идеализировали наших единоплеменников, а они презирали нас, обзывали варварами, беспрестанно толковали о нашем кнуте, о нашем рабстве, о нашем «царе-папе», привыкли считать нас своими учениками и хвалиться перед нами своими успехами в науке и жизни общественной. Можно надеяться, что нынешняя поездка славян в Россию рассеет их недоразумения и переменит их взгляд на наш народ и наше государство; с другой стороны, и мы стали смотреть на них несколько иначе, чем прежде, и отдавать им должное. Взаимные отношения наши изменились, и возврат к ненавистному прошлому невозможен [Archiv Národního Muzea v Praze. Pozůstalost “František Ladislav Rieger (1818–1903)”. Karton 107/1: Separatky, věnovaně ruskými autory Palackému a Riegrovi (s osobním věnováním): (Макушев В. На прощание со славянскими гостями. [Санкт-Петербург]: Тип. Ю.А. Бокрама, 1867) S. 8].

В духе панславизма автор сетовал на слишком скудное взаимное изучение и отсутствие активных действий; на то, что труды большинства российских ученых-славистов были предназначены только для профессионалов, а широкому кругу читателей адресовались только переводы О.М. Бодянским двух знаменитейших трудов П.Й. Шафарика и «Обзор истории славянских литератур» А.Н. Пыпина, сожалел об отсутствии переводов исторических трудов Ф. Палацкого, В. Томека и других чешских исследователей на русский и иные славянские языки.

В документах нашло отражение обсуждение возможности и характера будущего славянского единства. Среди предложений были: создание в Варшаве общего славянского университета, периодический созыв съездов славянских ученых и деятелей искусств для расширения научных и культурных контактов, распространение знаний друг о друге среди славянских народов. С этой целью В.В. Макушев предложил создать научно-просветительскую организацию – Дружеское славянское общество [Archiv Národního Muzea v Praze. Pozůstalost “František Ladislav Rieger (1818–1903)”. Karton 107/1. (Separatky, věnovaně ruskými autory Palackému a Riegrovi (s osobním věnováním): (Макушев В. На прощание со славянскими гостями. [Санкт-Петербург]: Тип. Ю.А. Бокрама, 1867) S. 5–7], настаивал на необходимости некоторых совместных славянских изданий, например «Краткой славянской статистики

и этнографии», перевода «Научного словаря» Ф.Л. Ригера, перевода «Истории королевства Чешского» В. Томека, написания и издания общей «Истории славян» и выпуска периодического журнала под названием «Славянский вестник».

Много внимания на славянском съезде было уделено обсуждению дальнейшего развития славянских языков. Хозяева форума по-прежнему настаивали на необходимости введения русского языка в качестве «культурного» для всех славян. При этом развитие национальных языков зарубежных славянских народов не ставилось ими под сомнение. В.В. Макушев в своих речах и здравицах неоднократно использовал, например, чешский язык, цитируя народные песни и сонеты Яна Коллара⁴.

Однако славянские гости единодушно отказались от признания русского языка в качестве общеславянского. Общее мнение высказал Ф. Палацкий:

Все мы славяне тем охотнее будем учиться русскому языку, чем более поучительного и утешительного будет нам представлять русская литература; но из-за этого мы никогда не покинем и не пренебрежем своим собственным языком и литературой. Мечты об образовании и распространении одного языка всеславянского – суть мечты и ничего более [цит. по: 6 с. 25].

В ходе дискуссий в российской прессе были определены проблемы, ставшие основными для делегатов съезда. Ими являлись уже традиционные вопросы о русском языке как об инструменте межславянского общения; о том, существует ли цивилизационное единство славян и какие факторы его определяют; какое значение для славянских народов имеет соседство с Российской империей. Организаторы съезда считали, что именно Россия должна стать культурной, конфессиональной и, опосредованно, политической основой славянского единства. Главная надежда при этом возлагалась на язык межнациональных связей. Поэтому российские интеллектуалы выдвинули в качестве основы славянской общности русский язык. Однако представители зарубежного славянства с этим предложением не согласились.

Единодушно гости и хозяева проявили себя в вопросе об освободительной роли России в отношении славян, особенно южных.

⁴ Коллар Ян (1793–1852) – словацкий политик, поэт и философ, автор идеи «славянской взаимности». Наиболее известны такие его произведения, как поэма «Дочь славы» и трактат «О племенах и наречиях славянских».

Заключение

В научной литературе существует мнение, что славяне во многом разочаровались в возможностях осуществления своих политических надежд при помощи России, так как съезд не побудил австрийское правительство капитулировать перед их демонстрацией в Москве. Но этому противоречат сведения о так называемом «тайном» или втором пражском съезде 1868 г., собравшемся по случаю открытия в Праге Национального театра, и названном «тайным», поскольку официальные встречи и приемы во время него не проводились, большинство мероприятий состоялось в парке «Стромовка». Русофильские тенденции на нем были очень сильны, даже у известного младочеха Юлиуса Грегра⁵ [7, с. 92–98]. Очередное разочарование в России придет позже, в ходе Восточного кризиса 70-х гг. XIX в.

Основными результатами съезда 1867 г. стало получение финансовой помощи от России южнославянскими народами, расширение и укрепление научных и культурных межславянских связей, весьма важных в обострившейся политической обстановке.

Проведенное исследование показало, что идея общеславянского языка была более популярна в России, чем за ее пределами. В качестве условного языка межславянского общения называли русский, но в течение второй половины XIX в. он продолжал оставаться скорее символом, чем инструментом сближения славянских народов.

Литература

1. *Лантвева Л.П.* Идея славянской взаимности и славянские съезды XIX в. // Славянские съезды XIX–XX вв. / Под ред. М.Ю. Досталь. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. С. 5–20.
2. *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 121–145.
3. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998. 119 с.
4. *Геллиер Э.* Пришествие национализма: Мифы нации и класса // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 147–162.
5. *Naše národní minulost v dokumentech: Chrestomatie k dějinám Československa. D. 2: Od zrušení nevolnictví do revoluce roku 1848.* Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1962. S. 355–360.

⁵ Юлиус Грегр (1831–1896) – чешский публицист и политический деятель партии младочехов (фракции Национальной партии).

6. *Досталь М.Ю.* Предисловие // Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 года / Сост. А.Н. Иванов. М.: Институт русской цивилизации, 2017. С. 3–29.
7. *Харцьева Г.Ю.* «Тайный славянский съезд» 1868 г. в Праге // Славянские съезды XIX–XX вв. / Под ред. М.Ю. Досталь. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. С. 92–98.

References

1. Lapteva LP. The idea of Slavic mutuality and Slavic congresses of 19th century. V: Dostal MYu., ed. *Slavic congresses of the 19th – 20th centuries*. Moscow: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN Publ.; 1994. p. 5-20. (In Russ.)
2. Hroch M. From national movements to a fully formed nation. V: Nation and nationalism. Moscow: Praksis Publ.; 2002. p. 121-45. (In Russ.)
3. Hobsbawm E. Nations and Nationalism after 1780. Sankt-Peterburg: Aleiteya Publ.; 1998. 119 s. (In Russ.)
4. Gellner E. The Coming of Nationalism. Myths of the nation and class. V: Nation and nationalism. Moscow: Praksis Publ.; 2002. (In Russ.)
5. Naše národní minulost v dokumentech: Chrestomatie k dějinám Československa. D. 2: Od zrušení nevolnictví do revoluce roku 1848. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1962. S. 355-60.
6. Dostal MYu. Foreword. V: Ivanov AN., comp. *All Russian Ethnographic Exhibition and Slavic Congress in May of 1867 in St. Peterburg and Moscow*. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii Publ.; 2017. p. 3-29. (In Russ.)
7. Khartsieva GYu. “Secret Slavic congress” of 1868 in Prague. V: Dostal MYu., ed. *Slavic congresses in the 19th – 20th centuries*. Moscow: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN Publ.; 1994. p. 92-8. (In Russ.)

Информация об авторе

Ольга В. Саприкина, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; saprolga@yandex.ru

Information about the author

Olga V. Saprikina, PhD in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; saprolga@yandex.ru

«Акция против негерманского духа» 1933 г. как коммеморативный ритуал

Илья А. Женин

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия; ilya-zhenin@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется «Акция против негерманского духа», организованная национал-социалистическим немецким студенчеством начавшаяся в апреле 1933 г. и закончившаяся 10 мая публичным сожжением книг в Берлине и во многих других городах Германии, как коммеморативный ритуал. Автор исходит из того, что подобного рода действия преследовали с одной стороны практическую цель – подчинение академического сообщества в рамках политики унификации, а с другой – носили отчетливо выраженный символический характер и были призваны подкрепить легитимацию национал-социалистической диктатуры, а также продемонстрировать своего рода преемственность действий, направленных на «очищение» германского духа. Это нашло свое подтверждение в отсылке к Вартбургскому празднеству, устроенному немецким студенчеством в 1817 г., а через него к публичному сжиганию Мартином Лютером папской буллы в 1520 г. Тем самым сожжение книг 10 мая 1933 г. встраивалось в нормативное поле немецкой историко-культурной традиции. Это действие рассматривалось в качестве ритуальной практики и закреплялось как символ, который обладал положительными коннотациями, для формирования необходимых идеологических коллективных представлений значительной части населения.

Ключевые слова: Акция против негерманского духа, Aktion wider den undeutschen Geist, сожжение книг, немецкий студенческий союз, Deutsche Studentenschaft, коммеморативный ритуал

Для цитирования: Женин И.А. «Акция против негерманского духа» 1933 г. как коммеморативный ритуал // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43). С. 143–152.

“Action against the non-German spirit” in 1933 as a commemorative ritual

Ilya A. Zhenin

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia; ilya-zhenin@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the “Aktion wider den undeutschen Geist” organized by the German Student Union, which began in April 1933 and ended on the 10th of May with the public book burnings in Berlin and in many other German cities as a commemorative ritual. The author proceeds from the fact that such actions pursued on the one hand a practical purpose – the subordination of the academic community in the framework of the policy of Gleichschaltung (unification), and on the other – were clearly symbolic and were designed to reinforce the legitimacy of the national socialist dictatorship, as well as to demonstrate a kind of continuity of actions aimed at “purification” of the German spirit. That was confirmed in a reference to the Wartburg festival, organized by German students in 1817, and through it to the public burning of Martin Luther’s papal bull by Martin Luther in 1520. Thus, the burning of books on May 10, 1933 was built into the normative field of the German historical and cultural tradition. The action was considered as a ritual practice and was fixed as a symbol, with positive connotations, for the formation of the necessary ideological collective ideas of a large part of the population.

Keywords: Action against the non-German spirit, Aktion wider den undeutschen Geist, book burnings, German student Union, Deutsche Studentenschaft, commemorative ritual

For citation: Zhenin IA. “Action against the non-German spirit” in 1933 as a commemorative ritual. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*, 2018;10:143–52.

Введение

Приход к власти Адольфа Гитлера в январе 1933 г. и установление национал-социалистической диктатуры в Германии происходили в условиях реформирования правового поля и были сопряжены с рядом событий, носившими скорее символический

характер, суть которых сводилась к обеспечению легитимации режима и его идеологии в публичном пространстве. Особое внимание при этом уделялось сфере культуры, образования и науки. Взаимодействие общественных организаций и партийных и государственных структур формируют то проблемное поле, которое позволяет с одной стороны выявить уровни взаимодействия, с другой – очертить те символы прошлого, которые наделялись смыслом в настоящем посредством коллективно исполняемых практик. Таким примером, в котором прослеживается переплетение всех вышеизложенных линий, является сожжение книг в университетских городах Германии в мае 1933 г., проходившее в рамках «Акции против негерманского духа» (*Aktion wider den undeutschen Geist*). Анализ этого события посредством теоретических установок Дюркгейма и Хальбвакса о понятии исторической памяти позволяет рассмотреть данный эпизод как коммеморативный ритуал, суть которого сводится к тому, чтобы при помощи прошлого влиять на коллективные представления в настоящем, затрагивая не только идеологические установки, но и формируя в том числе эмоциональное состояние членов сообщества [1 с. 374–391; 2].

Немецкий студенческий союз

Первая мировая война значительным образом повлияла и на настроения, которые существовали в студенческой среде в годы первой немецкой республики. Отражение пережитого военного опыта (фронтовой дух, сплоченность, чувство солдатского сообщества) обнаруживало себя как в приватной сфере, так и в публичном пространстве. Сочетание радикально народнических фёлькиш установок, идеалистических представлений о «народном духе» и антисемитских воззрений станет основным лейтмотивом антидемократического и антиреспубликанского дискурса значительной части немецкого студенчества в период Веймарской республики [3 с. 37].

Немецкий студенческий союз (*Deutsche Studentenschaft*) возник 17 июля 1919 г. на учредительном съезде в Вюрцбурге, на котором было решено преодолеть старые конфликты и разногласия различных студенческих корпораций (*буршеншафт*) и действовать сообща в рамках созданной организации. Делегаты представляли не только высшие учебные заведения, находившиеся непосредственно на территории Германии, но и те, которые оказались за ее пределами, относясь при этом к немецкоязычному культурному пространству. География деятельности организа-

ции, таким образом, охватывала также Австрию, Чехословакию (Судетская область) и Данциг. В этом смысле деятельность союза имела выраженный политический характер, стремясь преодолеть ограничения, наложенные на Германию и Австрию Версальским и Сен-Жерменским договорами. Тем самым союз изначально придерживался идеи великогерманского единства, реализуя ее с помощью горизонтальных интеграционных механизмов, имеющихся у общественных организаций, что должно было служить сплоченности германской академической молодежи.

Организация состояла из общих студенческих комитетов, которые делегировали своих представителей в центральный комитет, в ведении которого находились исполнительные полномочия. Большое значение придавалось съездам (Studententag), на которых происходили выборы состава исполнительного комитета и главы союза, определялся план работы и пути развития организации в дальнейшем.

На съезде в Граце в июле 1931 г. большинством голосов председателем Союза был избран Вальтер Линау, входивший в Национал-социалистический немецкий студенческий союз (Nationalsozialistischer Deutscher Studentenbund), который возник в 1926 г. как студенческая организация при Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП). Окончательное инкорпорирование Немецкого студенческого союза в партийную структуру НСДАП произошло в 1936 г., когда было введено «имперское студенческое руководство» (Reichsstudentenführung).

«Акция против негерманского духа»

В декабре 1931 г. из-за конфликта с Бальдуrom фон Ширахом, курировавшим в НСДАП молодежную политику, Вальтер Линау покинул пост председателя Немецкого союза студентом. Его преемником на этом посту стал Герхард Крюгер, который и инициировал проведение «Акции против негерманского духа» в апреле 1933 г.

После прихода к власти национал-социалисты начинают вести политику подчинения всех сфер жизни государства собственной идеологии. Процесс установления контроля над всеми общественными и политическими институтами, получивший название *Gleichschaltung*, проходил не только на законодательном уровне, но и включал в себя ритуально-символические действия, ориентированные на укрепление одних мифологических конструкций и де-

мифологизацию других. В частности, это нашло свое отражение в борьбе с антинемецкими проявлениями в искусстве и литературе и провозглашении возврата к исконным немецким идеалам, к германскому духу и ценностям.

Именно в этой логике необходимо рассматривать одно из ключевых событий первых месяцев нахождения нацистов у власти – «Акцию против негерманского духа» – и совершенное в ее рамках сожжение книг перед Берлинским университетом 10 мая 1933 г. Это был жест, преследовавший как минимум две цели: на практическом уровне – подчинение университетов и контроль за академическим и студенческим сообществом; на символическом уровне – «очищение» германской науки, искусства и литературы от «чуждых» ей элементов.

Первый этап «Акции против негерманского духа» заключался в создании и распространении плакатов «12 тезисов против негерманского духа», где были перечислены антисемитские и антилиберальные призывы, суть которых сводилась к «очищению» народного немецкого духа от навязанных ему извне ценностей. 13 апреля 1933 г. плакаты, набранные фразатурным шрифтом и подписанные от лица немецкого студенчества, были развешены в высших учебных заведениях Германии. Следует отметить, что инициатива проведения «Акции против негерманского духа» целиком исходила от руководства Немецкого студенческого союза, министерство пропаганды взяло на себя лишь расходы по производству и печати этих плакатов. Помимо этого в рамках Акции активисты Немецкого студенческого союза отслеживали выполнение закона о восстановлении профессионального чиновничества от 7 апреля 1933 г., в соответствии с которым государственные служащие должны были иметь арийское происхождение. Этот закон затрагивал и профессорско-преподавательский состав, т. к. ординарные профессора являлись чиновниками. Представители союза бойкотировали и срывали занятия преподавателям еврейского происхождения [4 с. 508].

Вторым этапом стало сожжение книг в 18 университетских городах Германии, где центральное место отводилось шествию в Берлине на Опернплатц перед зданием Берлинского университета 10 мая 1933 г. В отдельных городах основными участниками были не только студенты, но и члены СА и СС, а также активисты Гитлерюгенда. В то же время следует отметить, что были и исключения, так, например, единственным университетом, где на официальном уровне был заявлен отказ в проведении данного мероприятия, стал Тюбингенский университет [5 с. 169].

Особое значение в этой акции придавалось Берлинскому университету, который олицетворял собой не только ведущий научный и образовательный центр, но и столичную институцию, которой после унификации и отказа от федерализма отводилась особая роль. Именно он должен был служить образцом для всех высших учебных заведений Германии. В этом смысле сожжение книг имело не только публичное политическое выражение, но также было призвано продемонстрировать подчинение национал-социалистической идеологии всех сфер бытования, в данном случае в образовании, науке и культуре.

Неслучайно тогда же, в начале 1933 г. кафедру философии и политической педагогики в Берлинском университете возглавил профессор Альфред Боймлер, относившийся к основателям национал-социалистического «Союза борьбы за немецкую культуру». Свою лекцию, посвященную вступлению в должность, он произнес вечером 10 мая 1933 г., после чего призвал всех присоединиться к демонстрации «нового народного духа» на Опернплац, где уже были заготовлены книги, которые предстояло сжечь. Свое выступление он закончил следующими словами: «Начинается новая эпоха. Эпоха Средневековья, эпоха душевной привязанности и духовного руководства осталась позади нас. Мы больше не признаем власти, которая является одновременно духовной и политической, у нас нет Папы, у нас есть фюрер... Но за нами осталась и эпоха Нового времени, эпоха свободы совести, индивидуализма. Мы никому не простим, кто нападает и отвергает наши символы, в которых проявляется наше единство. Сейчас они направятся, чтобы сжечь книги, в которых чуждый нам дух использовал немецкое слово, чтобы побороть нас. То, от чего мы сегодня избавляемся, – это токсины, которые накопились в период ложного терпения» [6 с. 146].

Примечательным представляется противопоставление римского понтифика и фюрера. По сути, это и есть тот троп, который должен был отсылать к традициям немецкого студенчества, борющегося за единство нации и отстаивающего идею германского духа. Идеализированный и мифологизированный образ исторического пути Германии и германства (*Deutschtum*) стал одним из ключевых идеологических императивов националистов. Ритуально-символического содержания акции имело отсылку к созданному классической немецкой историографией XIX столетия мифологического образу Мартина Лютера как непримиримого борца и героического носителя немецкой религиозной глубины и противника усиления западного влияния [7 с. 651–655]. В данном случае вслед за В.Н. Топоровым «уместно понимать миф скорее как ту смысло-

строительную конструкцию, которая вполне может быть осознана, понята и использована в контексте мифо-ритуального целого, где в архаичной триаде мысль—слово—дело как бы снимается противопоставление составляющих ее членов, и которая приобретает статус некоей общезначимой парадигмы – как сознания, так и поведения» [8 с. 476–477]. Мифологические представления о Лютере, бросившего в огонь папскую буллу¹, в которой осуждались его действия и проповеди, вдохновили немецкое студенчество на воспроизведение этого жеста 18 октября 1817 г. во время проведения «Вартбургского праздника» (Wartburgfest), а затем и в 1933 г.

Торжественные мероприятия в Вартбурге были посвящены 300-летию юбилею начала Реформации и 4-летней годовщине битвы народов под Лейпцигом. В них приняло участие 500 студентов-протестантов из 12 университетов германских земель, подавляющая часть которых была из Йены. Девизом этого собрания стал лозунг «Свобода, честь, отечество», что являлось основной идеей немецкого единства, которого добивалось студенчество. М. Лютер в данном случае олицетворял революционера-патриота и рассматривался как некий символ национального единства. Студенты устроили факельное шествие, которое заканчивалось пламенем победы. Фридрих Людвиг Ян, один из лидеров радикального крыла студенческого движения, предложил устроить символическое сжигание непатриотической литературы. Тогда в огне оказались Кодекс Наполеона, книги Теодора фон Шмальца, директора Берлинского университета Фридриха-Вильгельма, сочинение «История Германского рейха» Августа Коцебу, «Германомания» Саула Ашера [9].

Ритуальные жесты Вартбургского праздника стали символами преодоления партикулярного мировоззрения и стремления к созданию единого немецкого отечества, построенного на либеральных основаниях. Показательно, что в консервативной немецкой историографии XIX – первой четверти XX в. этот эпизод рассматривался как недопустимый и маркировался как проявление «сомнительного тщеславия и якобинского нетерпимости» [10 с. 420].

Таким образом, «Акция против негерманского духа», воспроизводя жесты Лютера и Вартбургского праздника и совершая тем самым коммеморативный ритуал, меняла содержательные оценки и коннотации исторических репрезентативных образов: то, что раньше рассматривалось как символ свободы и преодоления мо-

¹ 10 декабря 1520 г. бросил в огонь буллу папы Льва X “Exsurge Domine”, отлучавшую его от Церкви.

нархического партикуляризма немецких земель, стало символом создания новой Германии, «свободной» от чуждых ей элементов непатриотического содержания, т. е. тех, кто не вписывался в идеологические схемы и императивы национал-социализма. Это и пытались показать участники «Акции против негерманского духа», бросая в огонь книги, которые, по их мнению, не отвечают истинным патриотическим и национальным установкам.

В акции 10 мая 1933 г. принял участие имперский министр пропаганды Йозеф Геббельс, отметивший, что «в свете костра из горящих книг должна погибнуть и духовная основа Ноябрьской республики» [11 с. 110]. Это не было какой-то программной речью, посвященной новой культурной политике, как и не было безудержным и агрессивным нападением на интеллектуальных противников. Скорее это была импровизация на тему «национал-социалистической революции». Создается впечатление, что Геббельс не придавал большого значения этой акции. В своем дневнике он лишь вскользь упомянул события 10 мая: «Потом поздним вечером речь на Опернплац. Сожжение студентами грязных и бульварных книг (Schmutz – und Schundbücher). Я в лучшей форме. Небывалое скопление людей. Дома. Усталый в кровати. На улице сегодня начинается чудесное лето» [12 с. 800–801].

Заключение

Таким образом, «акция против негерманского духа», с одной стороны, провозглашала преемственность немецкого исторического пути от М. Лютера к А. Гитлеру, с другой – сожжение книг должно было свидетельствовать не о варварстве, а напротив, отсылать к истокам немецкой самобытности и подчеркивать исключительность немецкой культуры. Вовлечение населения в подобного рода процессы способствовало установлению дополнительных оснований для легитимации режима посредством встраивания национал-социализма в нормативные рамки исторического пути Германии как обособленного и борющегося за отстаивание и возрождение «германского духа», что, в свою очередь, приводило к определению ключевых символов и/или символических фигур, имевших сакральный характер, вокруг которых выстраивались групповая солидарность и историческая преемственность.

Литература

1. Durkheim E. The Elementary Forms of Religious Life. NY: The Free Press, 1995. 464 p.
2. Misztal B. Durkheim on Collective Memory // *Journal of Classical Sociology*. 2003. № 3. P. 123–143.
3. Lönnecker H. „Vorbild ...für das kommende Reich“. Die Deutsche Studentenschaft (DSt) 1918–1933 // *GDS-Archiv für Hochschul- und Studentengeschichte*, Bd. 7. Köln: SH, 2004. S. 37–53.
4. Sauder G. Die Bücherverbrennung. Zum 10. Mai 1933. München, Wien: Hanser Verlag 1983. 339 S.
5. Verweyen T. Bücherverbrennungen. Eine Vorlesung aus Anlaß des 65. Jahrestages der Aktion „Wider den undeutschen Geist“. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1999. 237 S.
6. Шиллинг X. Мартин Лютер Бунтарь в эпоху потрясений. М.: Изд-во ББИ, 2017. 710 с.
7. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Языки славянских культур, 1995. 624 с.
8. Hardtwig W. Zivilisierung und Politisierung. Die studentische Reformbewegung 1750–1818 // *Darstellungen und Quellen zur Geschichte der deutschen Einheitsbewegung im neunzehnten und zwanzigsten Jahrhundert*. Bd. 14. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1995. S. 31–61.
9. Хаазер P. От братства по оружию к идеологической вражде: политизация университетской жизни в Германии и образ России в национальном движении 1813–1819 годов // *История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр.* Саратов; Ставрополь: Саратов. гос. ун-т; СКФУ, 2012. Вып. 6. С. 31–62.
10. Treitschke H. Deutsche Geschichte im Neunzehnten Jahrhundert. Bd. 2. Leipzig: Heldel Verlag, 1927. 628 S.
11. Goebbels Reden / H. Heiber (Hrsg.) Bd. 1. 1932–1939. Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. 337 S.
12. Goebbels J. Tagebücher: 1930–1934: 5 Bd. Bd. 2. München: Piper, 2008. 411 S.

References

1. Durkheim E. The Elementary Forms of Religious Life. NY: The Free Press, 1995. 464 p.
2. Misztal B. Durkheim on Collective Memory. *Journal of Classical Sociology*. 2003;3:123-43.
3. Lönnecker H. “Vorbild ... für das kommende Reich”. Die Deutsche Studentenschaft (DSt) 1918–1933. V: *GDS-Archiv für Hochschul- und Studentengeschichte*. Bd. 7. Köln: SH, 2004. S. 37–53.

4. Sauder G. Die Bücherverbrennung. Zum 10. Mai 1933. Wien: Hanser Verlag 1983. 339 S.
5. Verweyen T. Bücherverbrennungen. Eine Vorlesung aus Anlaß des 65. Jahrestages der Aktion "Wider den undeutschen Geist". Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1999. 237 S.
6. Schilling H. Martin Luther. A Rebel in an Age of Upheaval. Moscow: BBI Publ.; 2017. 710 p. (In Russ.)
7. Toporov VN. Myth. Ritual. Symbol. Image. Studies in the field of mythopoetic. Selection. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ.; 1995. 624 p. (In Russ.)
8. Hardtwig W. Zivilisierung und Politisierung. Die studentische Reformbewegung 1750–1818 // Darstellungen und Quellen zur Geschichte der deutschen Einheitsbewegung im neunzehnten und zwanzigsten Jahrhundert. Bd. 14.
9. Haazer P. From military brotherhood to ideological war. Politization of the university life in Germany and Russia's image among participants of the national movement of 1813–1819 years. V: *History and Historical Memory*. Interuniversity collection of scientific papers. Saratov; Stavropol': Saratovskii gosudarstvennyi universitet Publ.; Severo-Kavkazskii federal'nyi universitet Publ.; 2012. Iss. 6. S. 31–62. (In Russ.)
10. Treitschke H. Deutsche Geschichte im Neunzehnten Jahrhundert. Bd. 2. Leipzig: Heldel Verlag, 1927. 628 S.
11. Heiber H., Hrsg. Goebbels Reden. Bd. 1. 1932–1939. Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. 337 S.
12. Goebbels J. Tagebücher 1930–1934. 5 Bd. Bd. 2. München: Piper, 2008. 411 S.

Информация об авторе

Илья А. Женин, кандидат исторических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 119571, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1; ilya-zhenin@yandex.ru

Information about the author

Ilya A. Zhenin, PhD in History, associate professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 84, Vernadsky av., Moscow, 119571, Russia; ilya-zhenin@yandex.ru

Художник *В.В. Сурков*

Корректор *Ж.П. Григорьева*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Подписано в печать 31.10.2018.
Формат 60×90^{1/16}
Усл. печ. л. 9,6. Уч.-изд. л. 10,1.
Тираж 1050 экз. Заказ № 387

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»
выходит 12 раз в год.
Подписка принимается
всеми отделениями связи без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 70969
Не забудьте своевременно подписаться
на наш журнал!
